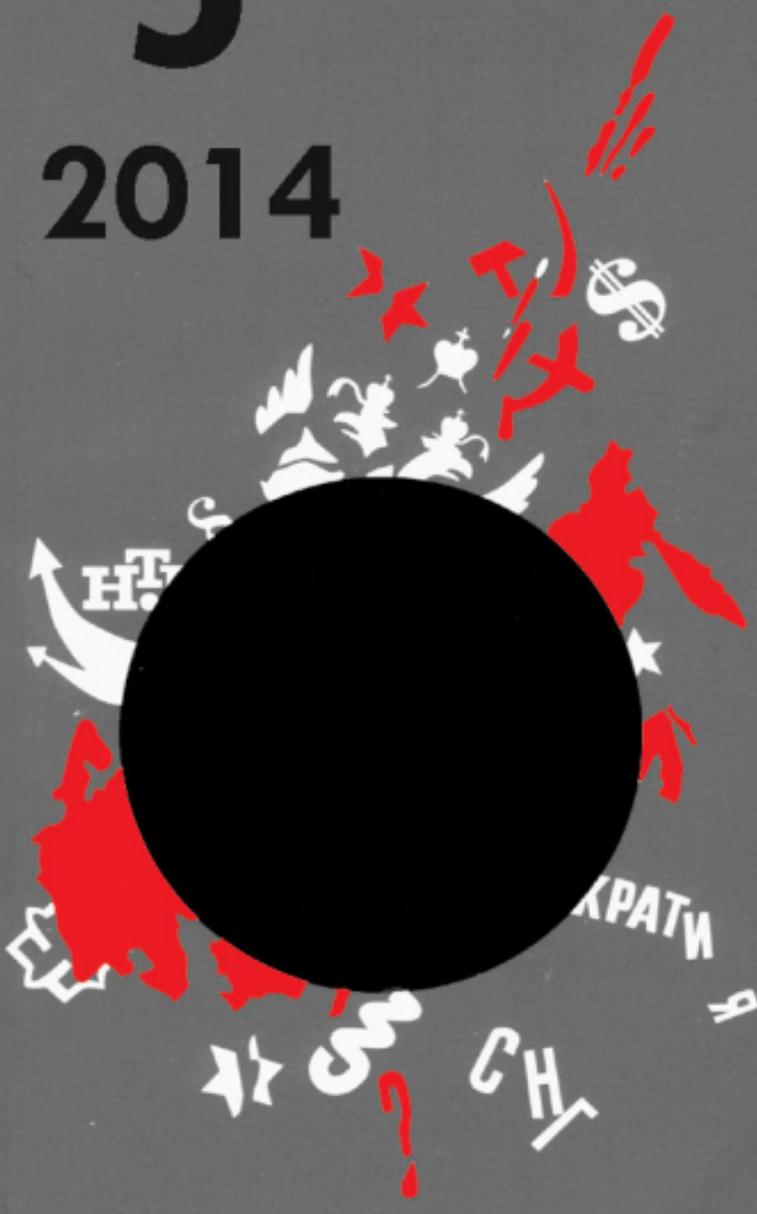

5

2014

РОССИЯ XXI

5. 2014 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

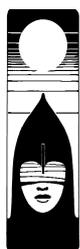
Темный огонь _____ 6

Европейские параллели

Игорь Максимычев

Место ГДР в истории XX века:
восстановление российско-германских
отношений _____ 22

Национальная доктрина

Олег Гром

«Молдавский вопрос» в Бессарабии
в конце XIX — начале XX века:
сравнительный аспект _____ 44

Ресурсы нации

Андрей Келлер

«Средневековый институт»
или инновация в духе петровских
реформ?

Цехи в России и корпоративное
самоуправление ремесленников на
примере Санкт-Петербурга с начала
XVIII до начала XX века _____ **74**

Наталья Казакова

Медиа-магнат Иван Сытин _____ **96**

Страницы истории

Татьяна Симонова

Реалии гражданской войны:
новые материалы к портрету

Станислава Булак-Булаховича **112**

Сергей Буранок

Аншлюс, Мюнхен, Польша...
пресса США и угроза войны 1938–
1939 годов _____ **142**

Актуальный архив

Оксана Киянская, Давид Фельдман

«Мы, "Крокодил"...»:

власть и сатирическая печать

в СССР в 1930-х годах _____ **162**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель «Центра документальных публикаций» РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

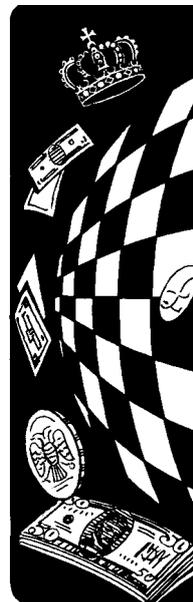
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

**Кратчайшее выражение смысла жизни
может быть таким: мир движется и
совершенствуется. Главная задача –
внести вклад в это движение,
подчиниться ему и сотрудничать с ним.**

Л.Н. Толстой

Отечество – тот таинственный, но живой организм, очертания которого ты не можешь для себя отчетливо определить, но которого прикосновение к себе непрерывно чувствуешь, ибо ты связан с этим организмом непрерывной пуповиной.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Сергей Кургинян

ТЕМНЫЙ ОГОНЬ

УДК
32.019.5

The author considers an extremely difficult moment of the current history and the current political process connected with involvement of Russian and the EU in the conflict in the South-East of Ukraine. The imperfect Russian statehood provides certain hopes for reconstruction of the USSR (the USSR 2.0) is in need of support by all healthy and sane forces. The Nazi mutiny has occurred in Ukraine and that fact does not allow the Russian patriots any other choice but tacit public support provided to the resistance forces. An alternative structure capable to undertake the state's functions and to protect its citizens is still lacking in Russia.

Ключевые слова: существующая государственность; Россия; СССР 2.0; нацизм; фашизм; антироссийская государственность.

Key words: Russia; the EU; the South-East of Ukraine; reconstruction of the USSR (the USSR 2.0); popular resistance to the Nazi mutiny.

E-mail: ecc@ecc.ru

Вряд ли я очень разочарую даже самых яростных поклонников господина Порошенко, если сообщу, что Порошенко совсем не Гегель, не Лейбниц, не Сократ и так далее. Если же кто-то из поклонников господина Порошенко все-таки был убежден, что он великий политический мыслитель своего времени, то минская встреча должна была бы этого «кого-то» разубедить, потому что слишком виден потенциал Порошенко. Реальный потенциал, особенно когда он встречается с другими политиками. Это растерявшийся ребенок, мгновенно теряющий наглость, лепечущий что-то довольно невнятное и ведущий себя как Вася-хулиган, которого вызвали в учительскую, а то, может быть, даже и в детскую комнату милиции. И у которого нутра, настоящего нутра, совсем нет. Ну, совсем.

Когда вы пытаетесь понять, что же именно произошло на встрече, где главным действующим лицом является воскресший Сократ или какой-нибудь очень крупный политический мыслитель, то вы, конечно, прислушиваетесь к содержанию. Но когда главным действующим лицом является господин Порошенко, то к содержанию прислушиваться не надо. Надо прислушиваться к интонации, надо наблюдать за мимикой. Надо вообще не к словам относиться серьезно, а к тому, что их сопровождает. Как говорят в таких случаях, контекст становится намного важнее текста. Контекстом является фундаментальная растерянность. Фундаментальная растерянность вызвана одним предельно простым обстоятельством: тем, что все вернулось на круги своя. То, что происходило с другим героем украинской политической сцены (тоже не Лейбницем, не Сократом *et cetera*), господином Януковичем, вот точно то же происходит и с господином Порошенко.

Что же именно происходит? Эти господа вдруг убеждаются, что Россия не собирается финансировать своих соседей, строящих антироссийские государства, называющих русских «погаными москалями» и так далее. Вот не собирается Россия финансировать эти государства, и все!

А существовать без многомерной помощи России, без вскармливания их Россией-матушкой антироссийские соседи не могут. Янукович и члены его команды долго проверяли: может быть, все-таки Россия им «отстегнет» за то, что будет построено антироссийское государство, которое войдет во все структуры Запада, ненавидящие Россию? И очень долго им казалось, что это все какая-то странная игра, это все какие-то обманы по поводу того, что Россия не будет финансировать построение такого государства. Потом они в ужасе обнаружили, что это не обман, что Россия решила не финансировать построение антироссийской

государственности у своих соседей. Вот не финансировать, и все! Она решилась.

И с этого момента соседей обуял ужас. И Янукович начал поворачивать в русскую сторону. Подчеркиваю – поворачивать. Он совсем не двигался в русскую сторону изначально. Конечно, он был менее анти-российским, чем Ющенко, но и не более того. А когда вдруг спокойно так, холодно тебе говорят: «Не будем платить за построение у вас антироссийской государственности, хотите строить – стройте, но не за наш счет» – это действует как шок.

Почему же это действует как шок? Почему? Потому что по некоему «закону» Россия должна оплачивать антироссийскую государственность, которую будут строить ее соседи. И это, конечно, закон победенной России, России, капитулировавшей и подписавшей ряд условий, в число которых входит обязательство из своих средств финансировать построение антироссийской государственности у своих соседей.

Когда именно Россия всерьез отказалась выполнять это обязательство, следующее из некоего тайно подписанного «акта о капитуляции», я не могу сказать твердо. И думаю, что никто не может сказать твердо, когда, потому что это плавно вызревало в недрах очень неблагоприятной российской действительности. Но это вызрело. Это уже так. И в это не хотят верить. Те, кому это сообщают, говорят: «Да ладно, шутить-то! Ха-ха! "Оплатите"... Нет, вы что, серьезно? Да вы что?!»

Один мой знакомый, много лет, да, в сущности, всю свою жизнь, занимавшийся совершенствованием искусства рукопашного боя, рассказывал мне историю, которая является очень значимой, как поясняющая притча. Идет какая-то компания мальчишек-хулиганов, таких взрослых мальчишек уже, лет по шестнадцать–семнадцать, которая начинает над ним издеваться, глумиться и все прочее. Но он медленно, спокойно проходит, не задираясь. Потом он видит, что старший из них, уже вполне себе не мальчишка, вытаскивает нож и движется на него с ясным, абсолютно однозначным стремлением воткнуть этот нож ему в тело. Причем целится в особо опасные точки. Мой знакомый перехватывает руку этого уже зрелого хулигана, вставшего на путь «уголовки», и прямо, не выбивая оттуда ножа, втыкает нож в ногу этому хулигану. Хулиган смотрит на него и говорит: «Ты чо? Ведь больно!..» Я не буду расшифровывать эту притчу, все, кто действительно всерьез думает о происходящем, и так понимает, о чем идет речь.

Порошенко вдруг стало «больно». И это было видно: он чуть не плакал, он был абсолютно растерян. Не обладая некоторым политическим опытом и не имея способности унять дрожь в губах, он произносит:

ТЕМНЫЙ ОГОНЬ

«Ну, д-давайте сначала п-п-проведем мониторинг, перед тем как переходить на европейские цены... П-п-проверим, какой мы реальный ущерб наносим российской экономике».

Он не может существовать без того, чтобы Россия не вскармливала его антироссийскую конструкцию. И он свято верил до этой встречи, что все это шутки, приколы, всякие слова, как говорят на криминализованном языке, «понты», насчет того, что «не будем кормить»... И вдруг он увидел, что не будут.

А что ему делать? И он оглядывается на западных «Старших Братьев» и говорит: «Вы, вы скажите им, что это они?»

Они говорят: «Ну, что мы можем сказать? Торговля по европейским ценам».

Я хочу обратить внимание даже не на это, хотя это крайне важно, а на другое: на то, что ровно так же все происходило с Януковичем. Ровно так же. Только тогда, когда он и члены его команды поняли, что Россия действительно не будет оплачивать антироссийскую государственность Украины – не будет, и все, – тогда они повернули в русскую сторону. Потому что больше-то некуда поворачивать. Как говорил герой Достоевского: «А коли идти больше некуда?» Тогда, когда этот поворот осуществил Янукович (и осуществил его невероятно мягко, двусмысленно, осторожно, так, чтобы в любой момент можно было опять повернуть в сторону Запада), вдруг произошло то, что произошло: загадочный акт украинского безумия. Или, точнее, безумия, которое овладело существенной частью украинского общества. Возникло что-то, не имеющее отношения к разуму, нравственности. Поднялась какая-то муть – она же жуть – из недр коллективного бессознательного...

Человеку ведь даны колоссальные резервы в его бессознательном, в его психике. Сознательное ведь не равно психике в целом: в ней есть огромные резервы эмоций и всего прочего. Резервы, которые нужны для того, чтобы сознание, как всадник, вскочило на очень резвого могучего коня и поскакало. Но если сознание слабо, то оно оказывается под копытами этого коня, сознание становится заложником своих страстей, импульсов, инстинктов, комплексов и бог знает еще чего. И именно это произошло с существенной частью украинского народа, равно как перед тем это произошло и с существенной частью народа немецкого.

Обратим внимание, что немецкий народ... Конечно, имеющий свой опыт государственности гораздо больший, чем народ украинский, хотя Германия тоже сформировалась как целостное государство не в раннем Средневековье, а гораздо позже... Так вот, немецкий народ после унижительного поражения в Первой мировой войне, унижения Веймарской

республики, очень долго и страстно нащупывал какие-то пути к своему коллективному бессознательному – оно же «культур-кампф», оно же «фольк», – к глубинам своей народности. Нащупывал для того, чтобы взять оттуда энергию и противостоять силам, которые хотели окончательного уничтожения немецкого народа как такового. Но, взяв из этих недр энергию, проложив пути туда и добыв ее оттуда, немецкий народ, в конечном счете, оказался жертвой своего достижения. Он добыл всю эту энергию, но историческая немецкая личность оказалась к этому моменту настолько травмированной, что не смогла использовать эту энергию как коня, на которого она вскочила бы и вдруг начала бы взлетать, восходить, скакать в направлении великих целей.

Немецкая историческая личность оказалась под копытами этого коня, взлетающего на свой Брокен. Помните, у Гете в «Фаусте»:

На Брокен ведьмы тянут в ряд.

Овес взошел, ячмень не сжат.

То же самое произошло на Украине. Украинский народ оказался добычей той глубинной энергетики, которую нация пыталась использовать в качестве живой воды, позволившей бы ей возвеличиться, воскреснуть, стать мощнее, развернуться. Этого не произошло, произошло обратное.

Никакой логической причины, никакого логического обоснования того, что невероятно слабые, жалкие и двусмысленные действия Януковича породили совершенно непропорциональный этому взрыв, никакой другой причины, кроме, образно говоря, вот этого коня, растоптавшего всадника, нет и не может быть. И в этом страшный урок. В этом страшный урок вообще фашизма как такового. Потому что главная-то задача состоит в том, чтобы скакать к великим целям на мощном скакуне этой самой энергии. Чтобы всадник-то был в седле. А всадника – разум человеческий, хомо сапиенс, это начало человеческое – приводят в такое состояние, что он не может быть в седле. Он слаб. Он не может оседлывать этого коня, он теряет эту способность.

И тогда либо нужны вялые-вялые лошадки, пони, совсем колченогие существа, на которых этот полудохлый всадник будет как-то полудохлым образом куда-то плестись. Либо откуда-то вдруг прискакивает мощный скакун – и тогда слабый всадник оказывается под копытами мощного скакуна. В этом страшный урок произошедшего.

Никакого, повторяю, рационального содержания в этом безумном всплеске не было. Но этот всплеск: «кто не скачет, тот москаль», «мос-

ТЕМНЫЙ ОГОНЬ

каляку – на гиляку» и так далее и тому подобное... Весь этот всплеск, поддержанный интеллигенцией и существенной частью украинского общества... Этот всплеск, в котором взаимоподдержка превратилась в оргию взаимного безумия, а средства массовой информации и, возможно, какие-то психотехнологи – не политтехнологи, а именно психотехнологи – еще внесли некую лепту в то, чтоб все разгоралось и разгоралось... Этот разгоревшийся темный огонь уже становится сам хозяином происходящего. Порошенко никуда не может отвернуть. Всадник-то он невероятно слабый, а скакун-то уже дышит темной силой. И не Порошенко управляет тем, куда будет двигаться процесс, а эта разбуженная энергия, которую не удалось укротить и направить в нужное русло.

Напоминаю, что политика – это управление общественными энергиями. Потеря управления разбуженными, глубинными, архаическими, проточеловеческими и иными энергиями – вот что такое украинская трагедия. И она нарастает. И очень напоминает немецкую трагедию 1933 года. Мы должны это понимать.

Понимая это, мы должны присматриваться также к тому, кто, собственно говоря, аплодирует украинской трагедии, кто называет ее «триумфом украинского духа, освобождения» и бог знает чем еще. Те же, кто аплодировал когда-то немецкой трагедии. Но только сейчас, с моей точки зрения, ситуация намного хуже, чем была тогда. Нам говорят, что фашизм в сорок пятом году погиб и т.д. Это полная чушь. Как говорил великий драматург и гуманист Бертольт Брехт, «еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада». Имеется в виду – фашистского гада. Чрево плодоносит. И это мощное чрево.

Такова одна из граней данной проблемы. Но есть и другая.

Фашизм очень организованно отступил. Присягнул Америке, ЦРУ, Западу в целом. И стал впитываться во все поры американского и, в целом, западного общества. Нацистский исход в Соединенные Штаты и другие страны, нацистский внутренний исход в конечном счете породил нацификацию американского общества и нацификацию Запада в целом. Это уже другая нацификация, совсем другая, нежели та, которая была в 1933 году. В каком-то смысле она и более радикальна. Мы не знаем твердо, что такое оккультный гитлеризм гитлеровской эпохи. Это такие небольшие фрагменты общенацистского дела или все-таки стержень данного дела? Проблему можно обсуждать долго... Но то, что оккультный гитлеризм расцвел после смерти Гитлера, безусловно.

Нацизм учел все свои ошибки. И, превратившись в неонацизм, захватил западные элиты изнутри. Нацизм искренне хотел быть убийцей

коммунизма, и его на эту роль призвали в «спектакле». Он ее и исполнил.

Но нацизм никогда не хотел этим ограничиться. Его цель – в другом. Как говорил герой, а точнее антигерой, романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» Адриан Леверкюн: «Я понял, я уничтожу это». «Что ты уничтожишь, мой друг?» – спрашивает его собеседник. И получает ответ: «Девятую симфонию».

В связи с этим я хочу задать вопрос философский, метафизический и одновременно абсолютно актуальный с политической точки зрения. Есть такая концепция катехона – удерживающего начала, «удерживателя». Есть право катехона на то, чтобы длить человеческую жизнь и не допускать конца света. Согласно ортодоксальным религиозным воззрениям конец света будет, и это неизбежно. Но не допускать его, продлевать время до конца света, удерживать мир от всего того, что начнется в момент конца света, есть миссия христианства, миссия христианских праведников и, в наибольшей степени, миссия православия. А внутри православия – конечно, миссия России. Опровергать это невозможно. Кстати, и в других религиях есть нечто подобное. Мне просто не хочется сейчас уходить в подробности...

Теперь скажите, пожалуйста, как может сочетаться принцип катехона, идея катехона, модель катехона с моделью ускорения конца света, приближения конца света? Нет никакого не только логического, но и метафизического варианта, в котором вы можете сочетать одно с другим. Тут действительно действует принцип «либо – либо»: либо вы приближаете конец света, либо вы стоите на позициях катехона, удерживания, недопущения ускоренного второго пришествия. Нет никакого третьего варианта. Значит, каждый раз, когда говорится: «Мы будем ускорять конец света», – это на самом деле означает: «Ваш катехон – мерзость несусветная. Потому что он является удерживателем, то есть основным препятствием для тех, кто хочет ускорять конец света».

Если Россия является катехоном, если Русский мир это не фикция, а реальный катехон, то ускорение конца света является кощунственной идеей по отношению к идее Русского мира как катехона. Если же ускорение конца света объявляется идеей легитимной, религиозно дозволимой, то возникает вопрос: «В рамках какой конкретной религиозной концепции разрешено людям жаждать ускорения конца света и способствовать ускорению конца света? Готова ли Православная Церковь, любая другая мировая религия благословить силы, которые хотят ускорять конец света? Включить эти силы внутрь своих религиозных общин и поощрять их к подобному поведению?»

Далее необходимо, естественно, обратить внимание на другое. На то, что если ускорение конца света в предыдущие эпохи означало неизвестно что: моление, радение и только, – то сейчас за этим стоит уже ясная практика. Это глобальная ядерная война. Пока что это глобальная ядерная война, а потом это войны с применением еще более смертоубийственного оружия, которое и изобрело, и обязательно далее будет изобретать ныне существующее человечество.

Так вот, фашизм в том виде, в каком он оформился после разгрома Гитлера, конечно же, впитал в себя всю эту антикатехоническую энергию. Он еще и еще раз проработал принцип катехона, как своего главного врага. И именно поэтому главным врагом стала Россия. Во всех ее мыслимых вариантах.

Я говорил и еще раз повторю, что в «Декларации о поработанных народах» нет русского народа, поработанного коммунизмом. Коммунизм – это одна из катехонических ипостасей России. А никакая катехоническая ипостась России не совместима с нацистской и неонацистской идеей ускорения конца света.

Это верхний пласт неонацизма. Окультным, глубинным пластом, конечно, является ненависть к душе. Об этом можно говорить долго. Неонацизм, став окультным даже в большей степени, чем он был в Третьем рейхе, ненавидит душу как удерживающее начало, как начало, не позволяющее состояться Черной весне. То есть краху уже не только света, за которым последует еще более высокий свет (ведь с точки зрения христианства конец света открывает следующую эпоху, эпоху еще более высокую и великую, нежели та, которая существовала до конца света). Так вот, для окультного нацизма враждебен любой свет, даже тот, который последует за концом света. Это только предлог сказать: «Давайте ускорим конец света, давайте ускорим крах всех форм, всей этой вампирической Вселенной».

Неонацисты прославляли Мигеля Серрано, Савитри Деви, этих окультных гитлеристов, которые вышли на политическую сцену после того, как нацизм был разгромлен советским солдатом в 1945 году. И они-то были только рупором, за их говорениями стояли мощнейшие силы. Силы, которые были не только не добыты, но и быстро сокрылись в том чреве, которое вынашивало гада. В том донацистском чреве, из которого вынырнул сначала нацизм, а теперь выскакивает неонацизм.

Украинская трагедия есть пролог к трагедии возвращения нацизма. И неизбежно эта трагедия взыскует идеи катехона. Потому что кто-то должен закрывать дверь, через которую рвутся адские твари, стремящиеся к концу света...

Или есть уже у нас религиозные люди, которые Антихриста называют не исчадием Ада, а чем-то другим? Может быть, и такие силы уже кто-то готов интегрировать в лоно великих религий?

В Великую Отечественную войну Россия оказалась именно катехоном. И пора бы это признать, прежде всего, нашему официальному православию, потому что это очень сильно продвинуло бы вперед великое дело диалога между православием и коммунизмом. А это, в сущности, фундаментальный вопрос XXI века – вопрос о том, быть или не быть настоящему катехону. Советский Союз был этим катехоном. Нынешняя Россия даже в ее несовершенном виде является им же.

Как же разворачивалась цепь практических событий, событий реальной политики, которые маркируют собой ту метафизическую идею, о которой я говорю?

В Сирии адские псы «Аль-Каиды» и других ей подобных структур, поощряемые американцами, рвались ускорить конец света, выдавая это ускорение за борьбу с американским мировым господством. Этим адским псам было все равно, дадут ли им растерзать Сирию и затем Иран или же развяжут мировую войну – они и так, и так выигрывали... Но им был дан отпор. Осатанев от того, что отпор оказался умным, конструктивным, тонким и не взорвал мир... Поняв, что отпор-то адские псы получили, а ядерная война не началась... Поняв, что найден третий сценарий, алчущие ускорения конца света решили, что надо дать отпор тому, кто дал отпор.

И именно это осуществили на Украине. Путч, который соорудили на Украине США и те бандеровцы, которых они взяли на подряд, которым впервые дали возможность проявить себя, был ответом на Сирию. Присоединение Крыма было ответом на этот ответ. А события на Юго-Востоке Украины продолжают данную цепочку. Она имеет и практическое, политическое, и метафизическое значение. Она судьбоносна.

Внутри этой судьбоносности сразу же возникла некая редукция метафизики до практики, до реальной политики. Как она выглядела? Она выглядела просто. Бандеровская хунта, как это ни покажется странным, очень рвалась к тому, чтобы российские войска были введены на часть украинской территории. Вот напрямую – перешли границу и встали где-нибудь. Это позволяло и дополнительно мобилизовать свое, уже впадшее в определенный психоз население на оставшейся части территории, и получить неограниченную поддержку Запада, и консолидировать очень разные силы против России, и наполнить реальным содержанием те, достаточно проблематичные с точки зрения их политической эффективности, санкции, которые сейчас существуют. Введение войск России

на территорию Украины, после бандеровских бесчинств с моральной и высшей точки зрения даже оправданное, как ни странно, было желанным для Украины, для бандеровской хунты.

А для нас? Мне кажется, что этот вопрос настолько не прояснен в нашем сознании, что он должен быть обсужден серьезно. Является ли введение войск на территорию Новороссии благом с точки зрения российской патриотической общности, российского патриотического сообщества, благом для российской государственности?

И да, и нет. Введение войск является благом, если следом за ним, а желательно бы еще раньше него, происходит полное изменение структуры российской элиты, полное изменение структуры диалога между элитой и обществом, глубокая мобилизация, изменение всех основ нынешней пагубной жизни и готовность России выстоять в той полноценной холодной войне, которая начнется после этого. Тогда введение войск – благо.

Но если введение войск окажется вялым и совмещенным с нынешней, в существенной степени компрадорской антинациональной элитой, с нынешним, достаточно расслабленным, основанным на гедонистическом прозябании образе жизни, с нынешними моделями существования, то такое введение войск в сочетании с резко усиливающимися санкциями подорвет существующую российскую государственность за пару лет.

А будучи подорванной окончательно, эта государственность рухнет.

А рухнув, она, с метафизической точки зрения, откроет дверь всем адским псам: аль-каидовским, бандеровским, власовским – любимым другим.

А с практической точки зрения утвердит американское господство, жесточайшую расправу над всеми очагами русскости, полное уничтожение русского мира и т.д., и т.п.

Еще раз повторю то, что я старался предельно четко проговорить ранее и на основе чего было создано движение «Суть времени». Это о двояком отношении к нынешнему государству. Лично я, мои ближайшие соратники, а теперь, уже могу сказать с гордостью, и вся «Суть времени» относятся к нынешнему государству как к крайне несовершенной и метастабильной конструкции. Это плохая конструкция. Но есть нечто, на несколько порядков, в тысячи и тысячи раз худшее, бесконечно худшее, чем это государство, – крах этого государства. Так выглядит реальность, такова она для нас.

Вся критика этого государства, этого общественно-политического устройства, этой элиты и многого другого разворачивается нами не в ослабленном, а в усиленном варианте по отношению к тому, что делают

обычные оппозиционные силы. И многое из того, что мной лично было сказано критического в адрес вышеперечисленного на протяжении последних десяти лет, время от времени, в гомеопатических дозах повторяется теми или иными оппозиционными силами как высший пик радикальности. Просто я вдруг вижу эти свои идеи разбавленными, вынутыми из контекста и звучащими в устах то одних, то других оппозиционных политиков. Не договаривается другое: как только это государство, нами, как мы считаем, справедливо критикуемое наиострейшим образом, рухнет, ужас этого превратится в ужас-ужас-ужас, в нечто абсолютно чудовищное, связанное с его крахом. В бесчинства каких-то малогабаритных вооруженных сил и полевых командиров. В американское доминирование над этим бесчинством. В неонацистские конвульсии, в реальные неисчислимы бедствия для населения, для общества...

Нет на сегодняшний момент субъекта, или, как мы говорим, «аттрактора», способного принять удар краха нынешней государственности и развернуть принятие этого удара в построение новой государственности. И на основе принятого удара и удержания общества от абсолютно исторического небытия начать разворачивать новую государственность. Нет этого готового субъекта. Он должен возникнуть, он обязан возникнуть, если он не возникнет, то дело швах. Но пока что его нет. И возникнуть он может тремя путями.

Или на аттракторной основе – все-таки по ту сторону обрушения государственности.

Или путем нормальных демократических процедур – посредством политической победы мощных партий нового типа, действительно способных строить великую новую государственность... И тогда это станет спасением от краха государственности.

Или же путем глубокого диалога между существующей государственностью и вызревающими в ее недрах новыми силами.

Я это все излагал в 2010 году. А перед этим – еще многократно. Это краеугольный камень концепции «Сути времени», на основе которой работает наша организация. Ничего нового я здесь не говорю.

На этом основано наше поведение во время Поклонной горы. Поведение, состоящее как из заявленной мною в прологе к Поклонной горе позиции, что я противник нынешнего курса, так и из того, что мы будем защищать государственность от всех, стремящихся к ее разрушению. Никакого противоречия в этом нет, или, точнее, это то самое диалектическое противоречие, которое составляет единство нашей позиции, целостность нашего политического курса и целостность нашей политической и метафизической коллективной личности.

Помимо прочего, для меня лично эта позиция является и единственно реалистической. Любая другая – это порождение политической слепоты. А слепцы тянут в ту или иную сторону, совершенно не отвечающую их интересам. Как это и было во время Болотной и Сахарова, кризиса 2011–2012 годов, когда слепцам казалось, что они тянут чуть ли не в коммунистическую сторону, а тянули они в сторону оранжевого либерализма.

Что из этого следует в политическом смысле и в метафизическом одновременно в том, что касается Юго-Востока Украины? Из этого следует ставка на «приднестровский» сценарий.

Сценарий № 1 – назовем его условно «крымский» – это ввод войск на территорию.

Сценарий № 2 – это «приднестровский сценарий», при котором силы гражданского сопротивления бандеровской хунте оформляют структуру, противостоящую этой хунте. И далее эта структура либо оказывается государственностью, либо оказывается началом к построению еще большей государственности.

Если она оказывается «всего лишь» государственностью, то это Приднестровье, Карабах, Абхазия, Южная Осетия и т.д.

А если эта структура, выдерживая атаки врага, потом разворачивается в еще большую государственность, то это «вьетнамский» сценарий, где Северный Вьетнам превратился в единый Вьетнам. Это сценарий тех партизанских зон, в которых Мао Цзэдун давал отпор японцам и псевдонационалистическим силам, враждебным будущему Китаю, а потом в партизанской войне возник великий Китай.

На что хватит сил? Что получится? В какой степени будет выиграна борьба за умы? В какой степени эти умы все-таки протрезвеют от того безумия, которое им навязано? Мы не знаем, мы не можем это предугадать. Но в любом случае это и есть «приднестровский сценарий».

Что касается меня, то я вижу идеал в укреплении великой, единой и неделимой России, которая и есть СССР 2.0.

Но варианты возможны многие. И там, где нужно иначе строить диалог с партнерами, желающими войти в твое большое смысловое поле, надо его строить на федеративной основе, на конфедеративной основе – на любой, лишь бы поле это стало как можно больше, а ядро его, твоя великая государственность, не разрушилось.

Вся история начального сопротивления на Юго-Востоке – это, в конечном итоге, борьба нескольких сценариев. Первый сценарий – «крымский». На него только и ориентировались, на него только и надеялись...

И с самого первого момента, когда эти надежды возникли, я сказал: «Не рассчитывайте на это! Этого не будет».

Тогда же я сказал, что это вовсе не означает, что вместо этого будет неучастие России в антибандеровском сопротивлении на Юго-Востоке Украины или сведение всего участия России к дипломатическим, политическим и информационным вопросам. «Нет! – сказал я. – Будет иначе. Государство российское (да, несовершенно государство, крах которого тем не менее ужасен – и такая констатация, повторяю, никоим образом не противоречит констатации крайнего несовершенства этого государства), ГОСУДАРСТВО может поддерживать Юго-Восток дипломатически, информационно и политически. Все!

Но есть еще российское общество с огромными возможностями. С возможностями невыразимо большими, чем, предположим, 25 лет назад. Общество в существенной степени раскрепощено. И это общество в состоянии, никоим образом не компрометируя государство, давая государству возможность выполнить все свои международные обязательства, оказать помощь Юго-Востоку по всем вопросам, включая самый больной вопрос». А самый больной вопрос таков: бандеровская бандитская хунта захватила огромные арсеналы оружия и, в сущности, захватила государство и армию. В этом своем варианте она стала суперхунтой, использующей всю военную мощь против народа, который оказался неадекватно вооружен для сопротивления бандеровской хунте. Можно ли адекватно вооружить народ, при этом сохраняя принцип государственного невмешательства и не вводя российские войска на территорию Украины? «Да, можно!» – сказали мы, и не сейчас сказали, а в мае месяце. Можно, а значит, и нужно. И это должно делать ОБЩЕСТВО. Общество.

Сразу же возникли крики: «Ах, это же невозможно! Да что вы такое говорите! Да это равносильно вторжению! Да это еще хуже, чем вторжение! Да это вообще не может даже состояться! Да как же так! Да что за бред!» и так далее.

Практика все показала. Все понимают сейчас, что восставший народ Донбасса, чья святая борьба с бандеровской хунтой нами всячески поддерживается, вооружен адекватно. И может быть вооружен еще лучше. А если он может быть вооружен, то ключевым вопросом становится только привлечение населения.

Потому что 7 миллионов населения, будучи по-настоящему привлечены, могут создать 70-тысячную армию мирного времени и 150-тысячную армию военного времени.

ТЕМНЫЙ ОГОНЬ

А такая армия превратит дрожащие губы господина Порошенко в коллективные слезы всех преступников, которые чинят расправы над свободолюбивым народом Донбасса.

Вот что было сказано – и сделано. Ведь это по факту сделано, и никто это не отрицает.

Я действительно отношусь к существующему государству, в котором живу, как к весьма и весьма несовершенной конструкции. Но эту конструкцию я буду спасать, жертвуя всем, чем угодно... Потому что я знаю, что ее крах влечет за собой чудовищные последствия... И что весьма несовершенная жизнь в условиях этого государства – в условиях краха превращается просто в ад...

С этих позиций борьба на Юго-Востоке Украины носит судьбоносный характер. И ее содержание не может быть разменено на мелкие амбиции, оперирование великодержавными мифами или борьбу личных предпочтений.

Я здесь попытался описать всю логику, всю совокупность обстоятельств.

А также поведать о том, что нацистский враг огромен. Что он существует. Что он рвется к решению своих глобальных задач. Что он в существенной степени инкорпорирован в американскую и другие западные элиты. Существенным образом модифицирован. Что он является беспощадным врагом.

Враг мощнее нас. Наше государство крайне несовершенно. Шансы наши на победу крайне невелики. Но это значит только следующее.

Мы должны отжать эти шансы до конца. Так, как это делают сильные духом люди, разумные и идущие к своей цели.

До момента нанесения самых мощных ударов по этому врагу наше государство должно окрепнуть, выздороветь, наполниться новыми духовными и прочими силами. Что и является для нас полным аналогом концепции СССР 2.0.

**В жизни народов не бывает чисто
заразных, наносных болезней; всякая
историческая болезнь идет изнутри,
определена органическими процессами и
силами.**

Семен Франк

**Что такое история человечества как не
предлинное повествование о невоплотившихся
замыслах и несбывшихся надеждах?**

Сэмюэл Джонсон

Игорь Максимычев

МЕСТО ГДР В ИСТОРИИ XX ВЕКА:

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
93/94

The disappearance of the GDR from the political map of Europe over a quarter of century ago clearly marked the beginning of the process of destabilisation of the continent, which are now manifesting themselves in an especially dramatic way in Ukraine and around it. This alone necessitates a more thorough analysis of the history of the East German republic that, to a great extent, embodied the European ideas of peacefulness and social equity. The attempts to reduce the memory of GDR only to the „Stasi horrors“ are inappropriate. Edward Snowden proved beyond any doubt that the secret services of the countries portraying themselves as the leaders of the world's democracy have left Stasi far behind in terms of horrors. The 65th anniversary of the creation of GDR calls for a serious discussion on the main stages of her 40 year-long development from a zone of occupation to a respected member of the European family of peoples. For Russia this subject is especially relevant because it reminds that of one the basic human truths is that you cannot leave a friend in need if you do not want to find yourself on your own. The Russian-German cooperation remains the cornerstone of European peace. The preservation of the traditions of friendship that have always characterised the relationships between the Russians and East Germans is in the interests not only of Russia and Germany but those of the entire continent as well.

Ключевые слова: Вторая мировая война; оккупация Германии; ФРГ; ГДР; российско-германские отношения; перспективы европейского мира.

Key words: Second World War; Occupation of Germany; FRG; GDR; Russian-German relationships; prospects of European peace.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

По неизвестной причине наши либеральные историографы и политологи усвоили по отношению к канувшей четверть века назад в небытие Германской Демократической Республике этакий снисходительный – чтобы не сказать высокомерный – тон. Это государство было-де с самого начала «неправильным» и «никому не нужным», созданным по капризу советских властей вопреки воле его населения с целью досадить симпатичному американскому империализму. Глубокое неприятие всего, что делал СССР, переносится и на его союзников, которые входили в социалистический лагерь, если пользоваться терминологией того времени. Но вот, скажем, Польша заслужила восхищение отечественных либералов тем, что активно способствовала развалу упомянутого лагеря, а теперь последовательно противодействует тому чтобы «международное сообщество», как США любит именовать себя и своих сателлитов, учитывало интересы Российской Федерации. ГДР же слишком быстро пробежала заключительный этап своей истории, ничем не успев навредить «старшему брату», а затем вообще исчезла с политической карты Европы. Какая уж тут у нее роль и в какой истории?!

Между тем роль этого государства была настолько велика, что история Европы и даже мира выглядела бы значительно более мрачно, не будь ГДР и ее вклада в строительство мирной Европы. Об этом стоит вспомнить в канун 65-й годовщины образования ГДР, которую мы отметим 7 октября 2014 года.

НАСЛЕДИЕ ВОЙНЫ

Ежегодно в день празднования Великой Победы мы прежде всего чтим людские жертвы, которые принес наш народ ради уничтожения абсолютного зла, нашедшего свое воплощение в мерзостных делах нацистских палачей и убийц. Как-то за пределами нашего внимания остается страшная разруха на европейской части Советского Союза, по которой дважды прокатился паровой каток военных действий невиданной дотоле в мировой истории интенсивности и которую пришлось восстанавливать в условиях неурожаев послевоенных лет и полного отсутствия какой-либо помощи извне. Причем задача экономического восстановления была осложнена необходимостью в сжатые сроки закрепить итоги войны,

построить эффективную систему безопасности страны в глобальном измерении, предотвратить возможность новых военных осложнений на длительную перспективу.

Первоначально Москва не считала приоритетной цель «советизации» стран, в которых к концу войны стояла Красная Армия. Преобладало мнение, что политических и экономических предпосылок для построения полноценного социалистического общества в этих странах было недостаточно: слишком обескровлены были их хозяйственные системы и слишком слабы местные коммунистические партии. В Кремле полагали: самое важное и первоочередное – добиться, чтобы эти страны, составлявшие своего рода пояс безопасности вдоль западных границ Советского Союза, занимали дружественную позицию по отношению к нам. Другими словами, ставилась задача воссоздать с противоположным знаком «санитарный кордон» межвоенного периода, превратив созданную Антантой антисоветскую конструкцию в ориентированную на сотрудничество с СССР структуру. На первых порах советские руководители исходили из того, что будет достаточно отстранить в этих странах от власти записных антисоветчиков и привлечь к участию в управлении представителей местных коммунистических партий (даже если оно примет только форму «блокирующего меньшинства»). По меньшей мере два фактора обусловили дальнейшую модификацию советской позиции – быстрое обострение начатой Западом «холодной войны» и настойчивое стремление местных компартий к достижению единовластия по примеру «старшего брата». У советских пропагандистов были основания называть «естественным» (или «объективным») процессом переход к построению социализма советского образца в странах пояса безопасности СССР, поскольку он был запущен не по инициативе Москвы. В то же время замена идеи нейтрального санитарного кордона на концепцию системы военно-политических союзов означала на деле серьезное укрепление позиций Советского Союза в его европейском предполье.

Восточная Германия, оккупированная советскими войсками в ходе военных действий финального периода войны и находившаяся под прямым советским управлением в соответствии с межсоюзническими соглашениями, стояла особняком среди составных частей «позитивного санитарного кордона». Возрожденная после разгрома фашизма Германская компартия, которую не зря называли «партией расстрелянных»,

была очень слаба. Новая КПГ состояла по сути лишь из вернувшихся из СССР политэмигрантов (таких как Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт), из поспешивших домой из разных стран нелегалов (как Эрих Мильке), а также из освободившихся из нацистских тюрем и лагерей бывших политзаключенных (как, например, Эрих Хонеккер). Поскольку «обыкновенных» людей, живших при фашистском режиме, можно было привлекать в партию лишь с большой осторожностью, степень ее влияния на население не поражала воображения. Положение несколько улучшилось после того, как из советского плена стали возвращаться прошедшие политическое перевоспитание бывшие солдаты вермахта, одним из которых был Ханс Модров. Однако самым действенным способом усилить позиции коммунистов в рамках Советской оккупационной зоны стало их объединение с социал-демократами при фактическом главенстве КПГ.

Возникшая в результате этого слияния Социалистическая единая партия Германии смогла при поддержке оккупационных властей претендовать на руководящую роль в политической жизни восточной части страны. Это было закреплено впоследствии в учредительных документах созданного в 1947 году Народного движения за единство и справедливый мир¹ и в конституции ГДР. Многопартийность формально сохранялась: помимо СЕПГ и ряда контролировавшихся ею общественных организаций, входивших в НФ (типа профсоюзов и Союза свободной немецкой молодежи), в ГДР наличествовали еще четыре партии – Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая, Крестьянская демократическая и Национально-демократическая партии Германии. Однако на практике все свелось к строительству разновидности однопартийного управления. Политические преимущества, присущие многопартийным режимам при отсутствующей или слабой внесистемной оппозиции, использовались не полностью, хотя подспудно и сохранялись. Сильно мешала крайне враждебная позиция западногерманских социал-демократов, отказавшихся одобрить эксперимент своих однопартийцев в Восточной Германии, и начатая ими чрезвычайно грубая кампания против СЕПГ, которую они постоянно сравнивали с нацистской партией. Такую линию в обстановке «холодной войны»

---

¹ С 1950 года Национальный фронт демократической Германии; с 1973 года Национальный фронт ГДР.

поддержали практически все западногерманские политические силы. Пропагандой дело не ограничивалось: Западная Германия и Западный Берлин кишели центрами шпионажа и саботажа против Востока. Разделение левых, а затем и правых сил (в частности, христианских демократов) на западную и восточную ветви стало предвестником надвигающегося раскола страны.

Инициатором подрыва единства Германии выступил Запад, который остро нуждался в немецких солдатах² для придания убедительности политике «отбрасывания» Советского Союза с занятых им после войны позиций в Европе. НАТО во главе с США выступила в качестве повивальной бабки германской дезинтеграции. Однако обвинять только внешние силы в разделении немцев на западных и восточных вряд ли оправданно. На раскол было получено четкое согласие западногерманских политических, экономических и финансовых элит, озабоченных перспективой расплаты за проигранную войну. Не подлежит сомнению, что мирный договор с Германией, будь он заключен тогда, содержал бы целый ряд суровых ограничений и штрафных санкций. По сравнению с ними постановления Версальского договора, на который немцы так жаловались после Первой мировой войны, показались бы объяснением в любви. Ведь на этот раз капитуляция Германии была безоговорочной, что означало принятие ею любых условий, продиктованных победителями. Мирный договор неизбежно резко ограничил бы (а то и просто запретил) перевооружение Германии, ввел международный контроль над германским военно-промышленным комплексом, запретил производство наиболее опасной военной продукции, прежде всего оружия массового поражения, но не только.

Главное то, что штрафные санкции мирного договора зафиксировали бы для всей территории Германии весьма существенные объемы репараций, в принципе предусмотренные Потсдамскими соглашениями. Справедливость таких репараций никем не подвергалась сомнению, поскольку их целью было хотя бы частично компенсировать ущерб, причиненный наиболее пострадавшим от германской агрессии и оккупации странам, в первую очередь Советскому Союзу и Польше. Репара-

---

² Западу нужен был кто-то, кто стал бы в случае чего воевать против СССР (надеясь в этом смысле на Францию или даже Англию было нельзя, сами американцы пока воздерживались от прямого участия в военных действиях).

ции должны были взиматься со всей Германии, так как войну вела именно вся Германия. Но для заключения мирного договора нужно было единое германское правительство, способное действовать от имени всей Германии. Разрушение Западом единства Германии означало невозможность заключения мирного договора, что на практике привело, в частности, к тому, что Западная Германия фактически оказалась «освобожденной» от репарационных обязательств. Практически все то, что в качестве репараций получили СССР и Польша, происходило из Восточной Германии, будущей ГДР. По подсчетам бременского экономиста Арно Петерса, на 31 декабря 1953 г. общая сумма реституций и выплаченных ФРГ репараций достигла 2,1 миллиарда немецких марок, в то время как реституции и репарационные платежи ГДР за тот же период составили 99,1 миллиарда немецких марок, то есть почти в 50 раз больше³.

При сопоставлении репарационных показателей следует также учитывать, что Западная Германия, претендовавшая на право говорить от имени «всей Германии», была наиболее индустриализированной частью страны, а также втрое превосходила Восточную Германию по территории и вчетверо по численности населения. К тому же восточная часть страны гораздо больше пострадала от военных действий: наземные бои, да еще такой интенсивности, которая была характерна для прорыва ударной группировки советских войск к Берлину, оставляли за собой полосу сплошных разрушений, несравнимую по нанесенному ущербу с последствиями даже самых мощных точечных англо-американских бомбардировок на Западе. Эффект усиливался тем, что отступающие гитлеровцы применяли на Востоке тактику «выжженной земли», чего на Западе не наблюдалось.

У восточногерманских экономистов, уже после исчезновения ГДР упрекавших советские власти в изначальной непоследовательности, были определенные основания заявлять: Москве надо было заранее решить, что хочет СССР видеть в лице Восточной Германии – источник репараций или строителя социализма; оба варианта сразу оказались несовместимыми. Может быть, теоретически рассуждения этих эконо-

---

³ См.: Dohmanyi K., von. *Das deutsche Wagnis. Über die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der Einheit.* Berlin, 1991. S.63. – Декабрь 1953 года взят в качестве рубежа потому, что в этом году СССР и Польша отказались от дальнейшей выплаты им Германией репараций.

мистов и логичны, но реальная политика редко отвечает законам логики. Вне всякой зависимости от планов на будущее, которые находились еще в стадии разработки и должны были учитывать изменения в состоянии отношений с Западом, немедленное получение репараций было совершенно необходимо для залечивания ран, нанесенных войной советской экономике. К тому же ослабление промышленного потенциала Германии представлялось одной из гарантий ее миролюбия на будущее. Немецкий же социализм долгое время был чем-то вроде миража в пустыне – красиво, но не осязаемо.

Фактическое предательство немецких национальных интересов, каким являлся курс на раскол Германии, взятый западными зонами оккупации, обусловило близкое к истерике отношение ФРГ к ГДР, создание которой 7 октября 1949 г. было лишь ответной реакцией на состоявшееся за полгода до этого (23 мая) провозглашение ФРГ. При этом Основной закон ФРГ не выносился на общенародное голосование, в то время как проект Конституции единой демократической Германии, которая стала первой Конституцией ГДР, получил поддержку немцев и на Востоке, и на Западе страны⁴. На нападки со стороны ФРГ (поддержанные всей пропагандистской машиной Запада) власти и общественность ГДР реагировали в соответствующем резком тоне. Отношения обоих германских государств между собой – и соответственно СССР и ФРГ – с самого начала характеризовались крайне неприязненной атмосферой. Установление Советским Союзом дипломатических отношений с боннским правительством через десять лет (1955) после окончания войны лишь приоткрыло дверь к нормализации, не изменив ничего по существу. Цели политики ФРГ и СССР продолжали оставаться прямо противоположными: Москва требовала закрепления итогов войны, к которым причислялось и существование ГДР; Бонн добивался их ревизии, в первую голову путем присоединения ГДР к ФРГ. От исхода этого противостояния зависела жизнь и смерть не только ГДР, но, как показало дальнейшее развитие, также жизнь и смерть самого СССР.

---

⁴ В 1949 году как таковой Германии не было, к тому же оставался открытым вопрос о том, какие территории будут в нее входить, если Германия вновь возникнет: ФРГ настаивала на «границах 1937 года», то есть на возвращении всех земель, отошедших после войны к Польше, Чехословакии и СССР (Калининград).

„NIE WIEDER KRIEG!“

Послевоенная жизнь для немцев и на Востоке, и на Западе Германии началась с клятвы: «Никогда больше не воевать!» Как ни один другой народ в Европе, немцы в своей массе были

по горло сыты военными катастрофами и смертями, которые по их вине затопили континент. Англичанам и американцам потребовалось немало усилий, чтобы вновь одеть хотя бы часть Германии в солдатский мундир и заставить маршировать под знакомые с давних времен прусские военные марши. Германская милитаристская традиция была возрождена не немцами, а лидерами Запада, готовившими свой вариант «Натиска на Восток».

Своеобразие отношений ГДР как с ФРГ, так и с другими государствами, возникшими или видоизменившимися в послевоенный период, заключалось прежде всего в том, что новое восточногерманское государственное образование настаивало на отсутствии у него всякой связи с почившим в бозе рейхом. Отрицание преемственности позволяло ГДР как представителю немецкой антифашистской традиции отвергать принадлежность к проигравшей войну стороне (это не затрагивало готовности к репарациям в пользу СССР в качестве вклада в искупление германской вины перед ним). Как союзник СССР республика видела свое место скорее на стороне победителей Второй мировой войны. Такое понимание ГДР своей исторической функции воспринималось в мире почти без возражений, тем более что ФРГ охотно взвалила на себя бремя германской преемственности, используя его для обоснования претензии на признание в качестве «настоящей» Германии, в отличие от «самозванной» ГДР.

С течением времени идеологическое соперничество германских государств привело к тому, что ГДР также стала искать в германском прошлом отправные моменты своей истории. В частности, акцентировались события, связанные с борьбой за социальную справедливость; основное внимание уделялось эволюции ситуации в Пруссии, которая рассматривалась как своего рода предшественник Восточной Германии⁵. К числу

---

⁵ В первые послевоенные годы союзники рассматривали Пруссию как «колыбель» германского милитаризма (особенно на этом настаивали англичане и французы). В результате Контрольный совет для Германии принял в 1947 году решение ликвидировать Пруссию

политических ошибок руководства ГДР можно отнести отказ от оставшегося популярным среди восточных немцев лозунга восстановления германского единства, что позволило ФРГ выступать в качестве единственного сторонника единой Германии. В результате раскольники смогли пиарить себя в качестве «чемпионов объединения».

Процесс послевоенного примирения русских и немцев начался в Восточной Германии. Его основу заложили вступившие на германскую землю советские солдаты, на чьи плечи легла миссия не только победить в самой кровопролитной войне в истории человечества, но и помочь побежденным немцам выжить среди руин, которыми окончилась начатая ими самими военная авантюра. Об этой стороне ратного подвига Красной Армии наглядно рассказывает связанный с Берлином короткий, но, пожалуй, самый важный эпизод биографии генерал-полковника Н.Э.Берзарина. Командовавший штурмовавшей столицу рейха 5-й ударной армией Берзарин был 24 апреля 1945 года, еще до окончания военных действий в черте города, назначен начальником берлинского гарнизона. 2 мая, после окончания боев в столице рейха, он стал первым военным комендантом Берлина. Кадровый военный, участвовавший еще в боях у озера Хасан на Дальнем Востоке и прошедший всю Великую Отечественную «от звонка до звонка», он сразу же всю свою кипучую энергию и организаторский талант посвятил спасению берлинцев от последствий многодневного и кровопролитного финального сражения войны. После капитуляции город представлял собой груды развалин объемом более 75 миллионов кубометров. Более 600 тысяч квартир были разрушены, все жизненные артерии – электричество, вода, газ и канализация – выведены из строя.

В практически стертом с лица земли Берлине Берзарину пришлось восстанавливать городскую инфраструктуру, налаживать медицинское обслуживание населения, снабжение людей водой, газом и электричеством, заботиться о спасении деятелей культуры и детей, обеспечивать поставки продовольствия и предметов первой необходимости. Именно благодаря подвигу спасения города, который уже по сути перестал существовать, советский генерал навсегда остался в благодарной памяти берлинцев, начавших новую мирную жизнь неожиданно скоро и без

как административную единицу. Сегодня роль ее преемницы играет восточногерманская земля Бранденбург.

дополнительных встрясок. Кстати, Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан в здании бывшего саперно-инженерного училища вермахта в берлинском пригороде Карлсхорст, в котором первоначально размещался штаб 5-й ударной армии. Это Берзарин предложил Г.М.Жукову провести там церемонию капитуляции: все остальные пригодные для этой цели здания в Берлине были разрушены.

Уже 4 мая вновь заработало берлинское радио. 13 мая стали функционировать первые автобусные линии; в тот же день состоялся первый концерт Берлинского камерного оркестра. 14 мая введены в действие первые линии метро. 15 мая вышла в свет первая берлинская газета – орган советских оккупационных властей на немецком языке «Тэгглихе рундшау» («Ежедневное обозрение»). На следующий день в городе открылись первые 30 кинотеатров. 19 мая начал работать первый демократический магистрат Берлина во главе с либеральным политиком Артуром Вернером. В тот же день начала формироваться берлинская полиция. 20 мая прошел первый послевоенный футбольный матч. Днем позже стала выходить первая немецкая газета «Берлинер цайтунг». 26 мая состоялся первый концерт Берлинской филармонии; на следующий день – первое театральное представление в театре «Ренессанс». 30 мая стало переломным моментом в обеспечении города электричеством: в 11 из 21 берлинских районов оно стало подаваться на постоянной основе. 1 июня возобновились занятия в берлинских школах. 7 июня Берзарин отдал приказ увеличить на 50% выпечку хлеба для населения. 10 июня открылся Немецкий театр на Шуман-штрассе. 15 июня образован центральный комитет берлинского отделения СДПГ. В этот же день состоялось первое представление Берлинского оперного театра. 18 июня открыла свои двери Берлинская высшая школа изобразительных искусств⁶. В городе не допустили возникновения эпидемий, его население возросло (за счет возвращения людей, бежавших от военных действий) за месяц с одного миллиона при окончании боев до трех миллионов в момент выдачи новых продуктовых карточек. Нигде в Германии возвращение к нормальной мирной жизни не прошло так стремительно, как в Берлине.

---

⁶ Цит. по: Присс Л. Николай Э.Берзарин. Берлинские диспуты: симпатии объединяются на его стороне. М., 2004. С.12, 19.

В 1946 году в еще едином Берлине в память о его первом военном коменданте, погибшем за год до этого в нелепом дорожно-транспортном происшествии, появились площадь Берзарина (бывшая Бальтен-плац) и улица Берзарина (бывшее Петербургер-шоссе). В 1975 году, к 30-летию Победы, первому военному коменданту города было присвоено звание почетного гражданина Берлина (столицы ГДР). Оба раза городские власти принимали соответствующие решения по инициативе самих берлинцев. После присоединения ГДР к ФРГ новое городское руководство с преобладающим влиянием западноберлинского ХДС начало искоренение памяти об СССР из истории Берлина. Населению берлинского района Фридрихсхайн удалось отстоять сохранение названия площади Берзарина, однако улицу Берзарина стали именовать Петербургер-штрассе. В 1992 году имя Берзарина не было включено в пересмотренный список почетных граждан объединенного Берлина, что вызвало энергичный протест в обеих частях столицы Германии. Пока у власти в городе стоял ХДС, этот протест, нашедший отражение в соответствующем постановлении городского парламента, не принимался во внимание. Лишь когда берлинский сенат перешел в руки СДПГ и ПДС, решение об исключении имени Берзарина из числа почетных граждан Берлина было отменено. Это произошло в феврале 2003 года в рамках торжественной церемонии в городском парламенте. Портрет Берзарина занял свое место в официальной галерее почетных граждан города.

Берзарин не был исключением. Как он, действовали советские военные коменданты в сотнях городов и населенных пунктов советской зоны оккупации. О большинстве из них вверенное их заботам население вспоминает с благодарностью. Их вклад в дело восстановления добрых отношений между немцами и русскими нельзя переоценить. Продовольственная помощь СССР населению советской зоны оккупации Германии в первые послевоенные, самые тяжелые, голодные для самих русских годы спасла миллионы немецких жизней. Для снабжения населения использовались армейские резервы продуктов питания. В то время продуктовые посылки для родственников шли с Востока на Запад Германии, а не наоборот, как это стало правилом после осуществленной в Западной Германии сепаратной денежной реформы 1948 года. Нормы снабжения в советской зоне оккупации были выше, чем в самом Советском Союзе.

Группа советских войск в Германии (ГСВГ)⁷ очень скоро утратила свою оккупационную функцию и превратилась в соединительное звено между русскими военными и восточными немцами. Конечно, полмиллиона советских солдат, образовавших своего рода «государство в государстве», были довольно серьезной «нагрузкой» для 17-миллионного населения ГДР. Но одновременно ГСВГ/ЗГВ была незаменимым средством для установления живых человеческих связей между гражданами обоих государств. Группа располагала по всей республике собственными военными городками, магазинами, госпиталями и больницами, детскими садами и школами, концертными залами и музеями, подсобными хозяйствами и ремонтными мастерскими, своей радиостанцией «Волга» и ежедневной газетой (не считая боевых листовок отдельных соединений). В районах дислокации Группы постоянно что-то строилось, приводилось в порядок, обновлялось, реставрировалось⁸. Кстати, эта сторона жизнедеятельности Группы гарантировала тысячи рабочих мест для местного населения. Разумеется, солдаты оставались солдатами, посещения военных городков извне строго регулировались. Но вечера дружбы, встречи молодежи, концерты оркестров и песенных коллективов Группы для населения ГДР были в порядке вещей. Пребывание наших войск означало весьма существенные вкрапления советской действительности в реальность ГДР. Найти замену этому связующему звену оказалось невозможным. Вывод ЗГВ в запредельно короткие сроки (1991–1994) был сложнейшей операцией в политическом и логистическом плане, которая до сих пор еще не оценена по достоинству.

И если в какой-то момент после завершения Второй мировой войны мы смогли констатировать факт примирения русских и немцев, совсем не подразумевавшегося само собой после нацистских зверств на оккупированных советских территориях, то начало этому сложному и длительному процессу положили дружественные отношения, сложившиеся между гражданами СССР и ГДР.

---

⁷ С 1989 года Западная группа войск (ЗГВ).

⁸ А.А.Ахтамзян сообщает, что в 1990 году ЗГВ располагала 777 военными городками, где имелось 36 290 зданий и сооружений общей стоимостью 30 миллиардов марок ФРГ по оценке ЗГВ (Ахтамзян А.А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. М., 2008. С.404).

ГЛАВНЫЙ СОЮЗНИК

К сожалению, мы смогли по достоинству оценить преимущества, обеспечиваемые на международной арене наличием союзников, лишь после того, как утратили их. ГДР была

одной из несущих опор той тесной общности поддерживающих друг друга социалистических государств, которая образовывала естественную среду обитания для каждого из них. Восточногерманские политики и политологи охотно говорили о состоявшем из ГДР, Польши и Чехословакии «железном треугольнике», на который опиралась система коллективной обороны Варшавского договора. Несущей опорой этой системы оставалась ГДР. Существование ГДР означало, прежде всего, ослабление германского военного потенциала, лежавшего в основе ударной мощи НАТО в Европе. С другой стороны, именно в восточногерманской республике размещались главные оборонительные силы Варшавского договора, которыми бесспорно являлись отлично оснащенные и укомплектованные соединения полумиллионной Группы советских войск в Германии. В свою очередь, на ГСВГ были «завязаны» группировки советских войск в Польше, Чехословакии и Венгрии, обеспечивавшие ее тыловые коммуникации и взаимодействие с ней в случае «часа X», который, к счастью, так и не наступил. Пока существовали ГДР и Западная группа войск, НАТО не располагала свободой действий. Ни одна из конфликтующих сторон не была в состоянии единолично определять характер ситуации в Европе.

Понятно, что в таких условиях главные подрывные усилия Запада концентрировались на странах «железного треугольника» и Венгрии. Череду инициированных и поддержанных извне внутривнутриполитических кризисов, которые подготовили смену общественного строя сначала в ключевых странах европейского предполья СССР, а затем и в самом Советском Союзе, открыли события 17 июня 1953 года в ГДР. Тогда для восстановления порядка на улицы ряда городов республики пришлось выводить советские танки⁹. Осенью 1956 г. последовали события в Вен-

---

⁹ К июню 1953 г. оккупационный режим в Восточной Германии был отменен не полностью, и ГСВГ продолжала нести ответственность за поддержание общественного порядка. Танки не стреляли по демонстрантам и никого не давили гусеницами. Хватило

грии, где вооруженный государственный переворот был предотвращен благодаря введению в действие расквартированных там советских войск. В 1968 году Организация Варшавского договора была вынуждена ради предотвращения континентальной катастрофы, так как на горизонте маячило лобовое столкновение между НАТО и ОВД, ввести войска ряда социалистических стран в Чехословакию. Все это время с разной степенью интенсивности продолжался процесс внутренней дестабилизации в Польше, вступивший в начале 80-х годов в свою активную фазу.

Естественно, у каждой социалистической страны были свои проблемы и слабые места, и только взаимная выручка обеспечивала им определенную степень безопасности в окружении стаи «доброжелателей», только и ожидавших подходящего момента, чтобы приступить к смещению центров тяжести в мире. К сожалению, к середине 80-х годов единство социалистического содружества сохранилось лишь в декларациях и совместных заявлениях, которые производились в больших количествах, но не соответствовали действительности. Перестройка в СССР, связанная с именем М.С.Горбачева, вызвала беспокойство и недоверие у союзников, которые чем дальше, тем больше стали опасаться деструктивных последствий стартовавшего процесса не очень продуманных реформ как для ведущей державы блока, так и для самих себя. Особенно неудобно чувствовало себя руководство ГДР, поскольку, в отличие от других восточноевропейских стран, кризис режима нес с собой опасность ее исчезновения как государства. В условиях, когда территория ГДР насквозь «простреливалась» заведомо недружественно настроенными западногерманскими радио и телевидением, всю расхваливавшими политику Горбачева, сподвижники Э.Хонеккера публично выдвинули тезис: перестройка – внутреннее дело КПСС и отнюдь не обязательна для остальных социалистических стран. Был даже снят существовавший с основания республики лозунг «Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать». Разнобой в отношении перспектив дальнейшего развития социализма демонстрировал растущую слабость восточного блока и прямо-таки провоцировал Запад на активизацию подрывной деятельности.

того, что их просто продемонстрировали.

Самым скверным оказалось то, что у руководящих кругов каждого участника социалистического содружества постепенно складывалось ошибочное впечатление, что именно его вклад в общую копилку непомерно велик и подлежит обязательному сокращению. Катастрофа стала неизбежной, когда на такие позиции перешло руководство Советского Союза. Конечно, ослабленная экономика СССР вряд ли могла подхватить под руки все социалистические страны, наделавшие множество ошибок в экономической сфере. Но поддержать ГДР, без которой «железный треугольник» неизбежно разваливался, Москва могла бы. Тем более, что для этого нужно было только поставлять ей такое количество сырой нефти, о котором в свое время была достигнута двусторонняя договоренность. Под это количество нефти в Шведте, близ границы с Польшей, был построен огромный нефтеперерабатывающий комбинат. Выгода для ГДР состояла в том, что нефть из СССР она приобретала по низким внутренним ставкам СЭВ, а полученные из нее нефтепродукты продавала в ФРГ по высоким экспортным ценам Общего рынка. Подобная комбинация стала возможной благодаря тому, что ФРГ, ссылаясь на включенное в ее Конституцию обязательство добиваться объединения Германии, настояла в Общем рынке на урегулировании, согласно которому ГДР не считалась для него «заграницей». Поэтому импорт из нее и экспорт в нее не облагался какими-либо дополнительными пошлинами и налогами.

В мае 1987 г. Хонеккер в очередной раз обратился к советскому руководству с просьбой об экономической поддержке. В беседе с Горбачевым он задал вопрос: «Нельзя ли за счет экономии нефти в Советском Союзе увеличить ее поставки в ГДР на 2 млн. тонн в год и довести тем самым до того уровня, который у нас был согласован, прежде чем вы сократили свои поставки. Мы построили большие мощности специально под вашу нефть. К тому же на нашей территории находятся ваши войска, которые мы снабжаем нефтепродуктами». Плата за предотвращение экономического коллапса главного союзника СССР в Европе представлялась отнюдь не чрезмерной. Но вместо помощи был дан совет обратиться за содействием к ФРГ. Информирова о разговоре с генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Горбачев сообщил на заседании политбюро 11 июня 1987 года: «Хонеккеру я сказал: находите общий язык с

ФРГ. Она в этом нуждается»¹⁰. Однако «она» нуждалась не столько в «общем языке» с ГДР, сколько в ее поглощении.

Слов нет, руководство ГДР наделало множество ошибок. К числу грубейших относилась административная неразбериха при отмене (ноябрь 1989 г.) запретительного режима посещения Западного Берлина гражданами республики. Охрана ГДР на линии секторального разграничения в городе не получила вовремя информации о вводимых изменениях правил пересечения этой линии. В результате перед контрольно-пропускными пунктами собрались толпы народа, и дело едва не дошло до разгона людей, просто настаивавших на выполнении правительственного постановления, о котором было объявлено несколько преждевременно. В итоге реализация решения властей республики об упрощении условий въезда и выезда стала именоваться «падением Берлинской стены». Версия, будто открытие границ¹¹ произошло под давлением возмущенных народных масс и вопреки воле властей республики, усиленно культивируется с тех пор в ФРГ и широко распространена за ее пределами. Впрочем, надо признать, что после упомянутых событий у Берлинской стены уличные демонстрации, которыми манипулировала Западная Германия, действительно стали диктовать дальнейшее политическое развитие в ГДР. Этим объясняется, что перешедшая под власть оппозиции ГДР просуществовала лишь чуть больше полугода, причем никаких референдумов относительно объединения Германии не проводилось.

В вопросе о слиянии ГДР и ФРГ Горбачев занял удивительную с точки зрения защиты интересов собственной страны позицию. Своим главным партнером для переговоров он избрал не руководителей ГДР¹² и даже не руководителей Англии и Франции, ответственных «за Германию в целом» великих держав, у которых был ряд оговорок относитель-

---

¹⁰ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986–1991 гг. М., 2006. С.41, 43.

¹¹ Постановление правительства ГДР относилось не только к линии секторального разграничения в Берлине, но и к «германо-германской» государственной границе.

¹² Хотя ее новые лидеры из рядов оппозиции также не горели желанием поскорее присоединиться к ФРГ. Ведь это означало их немедленное возвращение в неизвестность, из которой они только что вынырнули благодаря первой из длинной серии «цветных революций» на континенте.

но перспективы воссоздания германского гиганта в центре Европы¹³. Главным партнером Москвы стал западногерманский канцлер Гельмут Коль, связывавший свое грядущее «место в истории» со скорейшим поглощением ГДР и видевший в реализации этого плана залог успеха своей дальнейшей политической карьеры. Он, правда, посулил Советскому Союзу финансовую и экономическую помощь – она была мизерной по сравнению с тем, что приобретала ФРГ, но ведь больше никто кредитов не обещал. Впрочем, куда делось то, что было получено, никто не знает. Россия продала «право первородства» за немецкую чечевичную похлебку, которая пошла на пользу лишь стервятникам, слетевшимся на погребение великой державы.

Наверное, СССР не смог бы, даже если бы захотел, предотвратить поглощение одного германского государства другим: слишком велика была бы цена подобной операции. Во всяком случае, пошла бы на слом мечта об «общем европейском доме», которую Кремль никогда не детализировал, но которая оставалась чем-то вроде призрачной «путеводной звезды» для советской, а затем и российской внешней политики на европейском направлении. Но оградить кое-какие свои интересы он вполне мог бы – прежде всего закрепленным в юридическом порядке обязательством НАТО не выходить за свои существующие границы. Или оставлением в Берлине символического контингента своих войск, как это предлагала премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. Или запретом преследования тех политиков ГДР, которые сотрудничали с нами. Но в итоге получился проигрыш по всей линии: мы потеряли европейское предполье, союзников, друзей, в конечном счете – свою собственную страну, ничего не получив взамен, поскольку создание Большой Европы с нашим участием осталось в области благих пожеланий. Приходится признать: у Запада были определенные основания объявить нас проигравшими «холодную войну». А поскольку «холодная война» была в некотором роде продолжением Второй мировой войны, то, по логике Запада, мы проиграли по большому счету и ее. Действительно, из разряда равноценного соперника США и Запада в целом мы стремительно перешли в категорию подсевших на иглу западных займов и потому не совсем самостоятельных стран, оставаясь в этой пози-

---

¹³ На немедленном германском объединении настаивали только США, не без оснований видевшие в «большой ФРГ» гарантию своего будущего влияния на европейские дела.

ции на протяжении 90-х и начала нулевых годов. Когда же Россия к концу нулевых успешно вернула себе способность снова быть самостоятельной и независимой силой на международной арене, мир вокруг нее изменился до неузнаваемости.

ЧТО ЖЕ ОСТАЛОСЬ?

Возможность объединения Германии обеспечили главным образом восточные немцы, многим из которых казалось, что слияние с ФРГ гарантирует им резкий и быстрый рост благосостояния; большинство же западных немцев были вполне довольны достигнутым в рамках ФРГ и приветствовали присоединение ГДР скорее по привычке, чем по убеждению. Однако условия, на которых слияние германских государств произошло реально, свидетельствовали в пользу очередной «победы» Запада над Востоком. «Большая ФРГ» не унаследовала ни одной из свойственных восточногерманскому государству особенностей, если не считать продолжающуюся утечку населения (уходящего на процветающий Запад темпами, не уступающими временам «холодной войны») или прочные позиции Левой партии (наследницы партии демократического социализма, в которую превратилась СЕПП). ГДР просто исчезла, став частью Западной Германии. Новая власть всемерно постаралась вытравить позитивную память о восточногерманской республике, изображая ее кромешным адом, которым управляло министерство госбезопасности. Вариации на эту тему продолжают и по сей день, хотя разоблачения Эдварда Сноудена доказали, что «штази» и в подметки не годилась западным секретным службам. Неожиданным и неприятным для России явлением стала почти полная утрата выработанного в ГДР восприятия российско-германского партнерства как категорического императива, продиктованного всем предшествовавшим историческим развитием отношений между русскими и немцами.

Накал обстановки вокруг украинского кризиса, спровоцированного и поддержанного Западом, показал, насколько нам сегодня не хватает стоящих рядом с нами, даже имеющих свою специфику, друзей. Одно время нам казалось, что в лице «большой ФРГ» у нас есть если не союзник, то, по крайней мере, «симпатизант», поскольку позитивная роль нашей страны при объединении Германии должна была бы вызвать

признательность западных немцев. Однако мы явно переоценивали качество российско-германских отношений, рассматривая политику ФРГ сквозь розовые очки. Единый фронт Запада в связи с украинским кризисом показал, что Германия продолжает оставаться в основе своей политическим противником России, хотя характерные для сегодняшней Украины феномены крайнего национализма и неонацизма хорошо известны немцам по их собственному историческому опыту и должны были бы вызывать у них такую же реакцию отторжения, как и у нас.

В своей массе жители сегодняшней Германии подвержены тем же настроениям, которые были характерны до объединения для западной части страны. Они не располагают объективной информацией об истории отношений Восток–Запад, им неоткуда получать правдивые сведения о Советском Союзе, о России, об их политике в прошлом и настоящем, они не знакомы с истинным положением вещей в мире. Им постоянно вдалбливают, что немцы – «самый несчастный народ на свете», что в ходе Второй мировой войне именно они понесли самые тяжелые потери. Немцев надо, мол, жалеть, а не осуждать. Как будто нацисты прилетели в Германию откуда-то из космоса, захватили власть и заставили бедных немцев воевать! Кто начал войну – вопрос-де спорный, бесспорно лишь то, что немцам пришлось обороняться от наступающих русских. И вообще-то агрессором с самого начала был Советский Союз: Вторая мировая война началась, дескать, с продвижения советских войск на Запад, что стало угрозой для Германии, и поэтому Гитлер решил нанести «упреждающий удар» по СССР. Таким образом, война была для Германии оборонительной с самого начала! Вся эта галиматья крепко сидит в головах у немцев, ее им преподносят и в школах, и в университетах, и в средствах массовой информации. Очень трудно поколебать их веру в истинность этих и подобных заведомо ложных тезисов. Необходимо знакомить их с альтернативными вариантами, с взглядом «с другой стороны», чтобы они знали: имеется не только то представление, которое они считают единственно возможным, и существует фактический материал, который доказывает истинность противоположной точки зрения. Делать это в обстановке перманентной антирусской истерии трудно, хотя и не совсем безнадежно.

В принципе Вторая мировая война научила немцев миролюбию. Согласно недавним опросам, больше 80% простых немцев не хотят портить отношения с Россией, высказываются против любых осложнений

военного и невоенного характера. Но правительство, основные политические силы и средства массовой информации ФРГ действуют в совершенно ином направлении. Правящая коалиция ХДС/ХСС–СДПГ поставила своей целью выйти на ведущие позиции в деле реализации курса западной политики, определяемого США. Федеральный канцлер Ангела Меркель хлопочет, изобретая все новые антироссийские санкции, которые не били бы слишком болезненно рикошетом по самой ФРГ. Министр иностранных дел Франк-Вальтер Штайнмайер заявил недавно: «Германия слишком велика, чтобы только комментировать мировую политику». Президент ФРГ Йоахим Гаук призвал к расширению военных операций бундесвера за границей: «В борьбе за права человека или за выживание невинных людей иногда нужно применять оружие». Это не значит, что мы не можем рассчитывать на определенное улучшение российско-германских отношений в будущем. Берлинские консультации министров иностранных дел по поиску выхода из украинского тупика проходили в многообещающем формате «тройки» Россия–Франция–ФРГ плюс Украина. Однако иллюзий на этот счет питать не стоит.

* * *

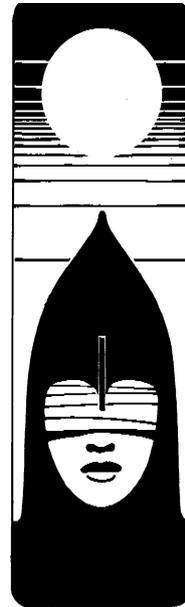
В памяти своих бывших граждан ГДР остается не только как государство с почти идеальной социальной защищенностью проживавших в нем людей, но и как первое (и пока единственное) по-настоящему миролюбивое государство германской истории. Недостатки есть у каждого, но достоинства, которыми могла гордиться ГДР, остаются до сих пор редкостью. Для нас самым важным является то, что она была нашим верным другом и союзником. Именно такой она запомнилась бывшим гражданам Советского Союза.

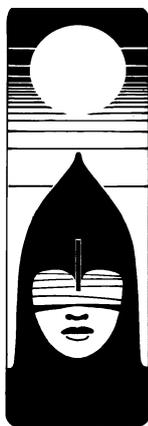
НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

**Именно среди бедных
народов создаются
неутомимые армии,
изменяющие судьбу империй.**

**Любовь к отечеству совместима
с любовью ко всему миру. Народ,
приобретая свет знания, не наносит
тем ущерба своим соседям. Напротив,
чем государства просвещеннее, тем
больше они сообщают друг другу идей
и тем больше увеличиваются сила
и деятельность всемирного ума.**

Клод Гельвеций

Олег Гром

**«МОЛДАВСКИЙ
ВОПРОС» В
БЕССАРАБИИ В
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ
XX ВЕКА:**

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
94(4)

The article deals with a comparative analysis of “Moldavian question” in Bessarabia in late XIX and early XX century. Bessarabia was an object of symbolical competition of Russian Empire and Romanian national state. The comparison of Bessarabian case with other “national questions” in Russia shows that the Moldavians had complex position in the ethno-cultural hierarchies and their national movement demonstrated resemblance with the nationalisms of both “western” and “eastern” national borderlands of Russian Empire. In Romanian national imagination and policy Bessarabia played smaller role as compared with Transilvania and Bucovina.

Ключевые слова: Бессарабия; окраины Российской империи; Румыния; национализм; сравнительный анализ.

Keywords: Bessarabia; borderlands of Russian Empire; Romania; nationalism; comparative analysis.

E-mail: gromescu@gmail.com

До недавнего времени Бессарабия оставалась «забытой окраиной», почти не затронутой историографическим бумом исследований национализмов в Российской империи. Целью данной статьи является, в первую очередь, определение места «бессарабского вопроса» в ряду вопросов о территориальных окраинах Российской империи конца XIX – начала XX века. Кроме того, представляет интерес сравнение Бессарабии с окраинами Австро-Венгрии, населенными этническими румынами, на которые, как и на Бессарабию, претендовали румынские националисты. Это позволит продемонстрировать специфику «бессарабского вопроса», состоящую в том, что этот регион представлял собой пограничную территорию, находившуюся в поле символического противостояния двух проектов идентичности – русского (имперского) и румынского (национального).

Сравнительный аспект «бессарабского вопроса» интересен еще и потому, что в историографии ему уделяется крайне мало внимания, а работы местных историков редко выходят за рамки локальных исследований. Пожалуй, единственной на данный момент значительной работой, посвященной Бессарабии, в которой сравнительная перспектива заявлена в качестве важнейшей исследовательской повестки дня, выступает коллективный труд, вышедший в серии книг об окраинах Российской империи¹.

Следует оговориться, что сравнительный анализ не претендует на всеохватность. Я буду обращаться лишь к тем сюжетам и аналогиям, которые необходимы для контекстуализации «бессарабского вопроса». При этом многие сюжеты из истории окраин Российской империи и населенных румынами областей Австро-Венгрии, интересные сами по себе, останутся за рамками повествования. Целью компаративного анализа является выявление общих тенденций и отправных точек для дальнейших изысканий. При этом следует учитывать определенные «технические» ограничения, присущие сравнительному анализу. Во-первых, сравнение неизбежно будет страдать асимметричностью, т. к. исходный материал для сравнения «национальных вопросов» представлен чаще всего вторичной литературой разного качества, разной полноты и разной доступности в силу языкового барьера. Во-вторых, зачастую схожие внешне процессы и явления могут иметь принципиально разные причины, и поэтому значительная часть выводов может рассматриваться лишь в качестве рабочих гипотез. В-третьих, сопоставляемые процессы не

---

¹ Кушко А., Таки В., Гром О. *Бессарабия в составе Российской империи, 1812–1917. М.: НЛО, 2012.*

всегда происходят синхронно, поэтому нет смысла говорить о строгих хронологических рамках.

Молдаване в этнополитических иерархиях Российской империи

Андреас Каппелер писал, что «с точки зрения имперского центра более сотни этнических групп царской империи, зафиксированных в переписи 1897 года, не обладали равными правами. Они были выстроены по иерархии, игравшей большую роль в царской политике»². Исследователь выделял три типа таких иерархий: одна выстраивалась в соответствии с показателем политической лояльности, другая – на основе сословно-социальных факторов, третья – по культурным критериям. Применительно к молдаванам эта классификация будет выглядеть следующим образом.

БЫЛИ ЛИ МОЛДАВАНЕ ВЕРНОПОДДАННЫМИ ИНОРОДЦАМИ?

У имперских властей не вызвала сомнений политическая лояльность молдаван (по крайней мере крестьян), которые представлялись одними из наименее проблемных инородцев

России. Даже политика русификации, проводившаяся в 60-х – 80-х годах XIX века, не вызвала серьезных протестов ни со стороны румыноязычного населения, ни со стороны местных элит. В представлении властей и большинства сторонних наблюдателей, молдаване были исключительно крестьянским народом, к тому же в течение многих столетий исповедовавшим православие – «господствующую веру» империи.

Сами представители имперской администрации видели в «беспроblemности» молдаван результат благосклонного отношения к ним со стороны «правительства и местных властей, которые... не смотрели на молдаван как на чуждых интересам России инородцев». Также было широко распространено убеждение, что молдаване склонны к ассимиляции: «Нередко местный молдаванин, не отрекаясь от своей народности, считает себя русским или именуется неопределенным термином бессарабец»³.

---

² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М, 1997. С.125.

³ Negru Gh. *Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia*. Chișinău, 2000. P.154–155.

Молдаване в степи у костра. Рисунок Л.Л. Беякина из книги «Русские народы: наброски пером и карандашом», 1892.

Сейчас довольно трудно судить об истинных мотивах, заставлявших молдаван в той или иной мере усваивать русский язык и ассоциировать себя с русскими, но, вероятнее всего, они лежали в практической плоскости и имели мало общего с официальными заявлениями о «сознательности» простого народа, преданности его монархии и «русскому делу». В публицистике нередко озвучивалось мнение, что русская грамота позволяла молдаванам, например, сделать карьеру сельского писаря, что обеспечивало стабильный и не сопряженный с физическим трудом заработок, а то и давало возможность брать взятки⁴. О подобных явлениях применительно к малороссийскому крестьянству пишет Алексей Миллер⁵. О добровольной ассимиляции нередко рассуждали и представители молдавской интеллектуальной элиты: «Если мы изучим народную душу, – писал молдавский публицист и актер Г.В.Мадан, – до конца прошлого столетия, то увидим, что мол-

⁴ См., например: *Гласул Басарабией*. 1913. №23; *Друг*. 1913. №104.

⁵ Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М.: НЛЮ, 2010.

даване питают самую беззаветную любовь и верность Государю-Императору, самое глубокое благоговение к Великой, святой России и горячо желают научиться по-русски, стать русскими совсем»⁶. Сепаратистские же тенденции, захватившие местных интеллектуалов, Мадан объяснял деятельностью ничтожной группы «агитаторов» (как внутренних, так и внешних), а также нежеланием правительства использовать молдавский язык как мощное средство пророссийской пропаганды. Еще более радикальных взглядов придерживался известный публицист и лидер бессарабских черносотенцев П.А.Крушеван.

Павел Александрович Крушеван (1860-1909). Молдавский дворянин, бессарабский публицист и общественный деятель, видный лидер Союза русского народа.

Полемизируя с «румынофилами» из газеты *Basarabia*, он писал, что «в Бессарабии, конечно, не 2 миллиона румын, а всего тысяч 800, да и те наполовину обрусели или, во всяком случае, слились душой с Россией». Актуализацию же локального «сепаратизма» он был склонен в характерной для себя манере трактовать как результат «еврейского заговора», имевшего целью «посеять вражду... между русским и румынским населением, между братьями, которые давно слились и живут мирной, дружной семьей»⁷.

Подобные представления об идентичностях и лояльностях не были исключительными и распространялись на подавляющее большинство православных инородцев империи. Именно православие здесь выступало основным маркером идентичности и средством интеграции нерусского населения. При этом в официальной риторике сама православная религиозность иноэтничных групп редко ставилась под сомнение (что не исключало одновременного постулирования угрозы отпадения от православия части этнической группы), а местная конфессиональная специфика не учитывалась. Так, например, католическое влияние на белорусов и их униатское прошлое, распространенность старообрядчества среди карел и специфика неофициальной религиозной жизни молдаван оставались либо почти неиз-

⁶ Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф.297. Оп.1. Д.98. Л.181.

⁷ Друг. 1906. №138.

вестными большинству апологетов «слияния», либо не рассматривались как серьезные препятствия для ассимиляции православных инородцев.

Широкое распространение получила идея о том, что у молдавского народа «нет будущности» и ему уготована судьба ассимилироваться, слиться с русским народом. Подобных взглядов придерживались и некоторые бессарабские интеллектуалы молдавского происхождения, как, например, священник и консервативный публицист Иермия Чекан⁸. Такой подход был общим местом в отношении многих «малых народов» Российской империи, в частности православных народов Поволжья. Например, известный миссионер и просветитель Н.И.Ильминский указывал на то, что эти народности не смогут самостоятельно существовать и, в конце концов, сольются с русским народом⁹. Примечательно, что ни Чекан, ни Ильминский при этом не предлагали форсировать процесс «слияния», а, наоборот, видели в ненасильственной языковой политике залог скорейшего обрусения.

Несмотря на постулируемую уверенность в молдаванах и других «инородцах», отличительной чертой представлений о них было незнание многих реалий местной жизни и поверхностные представления о межэтнических контактах. Молдаване вследствие низкой социальной мобильности почти не были вовлечены в процессы, происходящие в империи, находились в стороне от модернизации и современного образования и, как следствие, оставались *terra incognita* для внешних наблюдателей. Например, бывший в 1903–1904 годах бессарабским губернатором С.Д.Урусов в своих мемуарах лишь несколько раз упоминает молдавское население, и то в связи с крестьянскими волнениями. Если следовать его описанию, то Бессарабия представлялась скорее русско-еврейской окраиной, в то время как молдавское население оставалось маргинальным и удаленным от губернского центра. Характеризуя молдаван, Урусов повторяет многие устоявшиеся стереотипы о них: «Молдаване – чрезвычайно милый, добросердечный и покорный народ. Но они любят вежливое обращение, охотно выслушивают комплименты и не лишены некоторого простодушного хвастовства»¹⁰. Стереотипы касались не только «национального характера» и быта, но и политической иден-

---

⁸ *Наше объединение. 1910. №2. С.6.*

⁹ *Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М.: НЛО, 2010. С.108.*

¹⁰ *Урусов С.Д. Записки губернатора. М., 1907. С.230.*

тичности: «...молдаване с большим благоговением относятся к царской власти и любят указывать на свою преданность престолу»¹¹.

Не более полными были представления об «инородцах» Бессарабии у российских этнографов. Так, известный путешественник и исследователь юго-западных окраин середины XIX в. Афанасьев-Чужбинский, отправляясь в поездку, вообще не ожидал встретить в Бессарабии молдаван, считая, что этот край населен преимущественно малороссами¹². Автор одной из наиболее часто цитируемых дореволюционных работ, посвященной Бессарабии, Л.С.Берг, подчеркивая неполноту знаний о молдаванах, писал: «Быт молдаван Бессарабии, к стыду нашему, почти совершенно неизвестен. Кое-что сообщено Зацуком, писавшим в 1860 году, но автор этот не был специалистом-этнографом и данные свои собирал попутно. Кроме того, имеются две-три крохотные заметки в журналах. И это все о миллионном народе, находящемся под властью России свыше столетия»¹³.

Революция 1905–1907 гг. в некоторой мере поколебала веру в абсолютную лояльность молдаван. В период между 1908 и 1912 гг. благодаря публикациям в местной и петербургской прессе активно формируется дискурс «бессарабского сепаратизма». Часть авторов, писавших в это время о «молдавском вопросе», видела в желании местной интеллигенции и духовенства говорить с населением на родном языке угрозу сепаратизма. Лояльность бессарабских молдаван, прежде всего крестьян, все же не ставилась под сомнение, но и не исключалась возможность влияния на них националистической агитации в будущем¹⁴. Дискуссии начала 1910-х гг. подготовили почву для выстраивания «молдавской линии» в праздновании столетия присоединения Бессарабии к России в 1912 году. На молдаван стали обращать пристальное внимание, а значительная часть юбилейных мероприятий была направлена на развитие и укрепление среди коренного населения Бессарабии русского патриотиз-

---

¹¹ Там же. С.224.

¹² Чужбинский А. Собрание сочинений. СПб, 1893. Т.VIII. С.256–257.

¹³ Берг Л.С. Бессарабия: страна, люди, хозяйство. Пг.: Огни, 1918. С.82. – Хотя книга впервые издана в 1918 г., основная ее часть составлена в 1916 году в рамках проекта по этнографическому описанию регионов России.

¹⁴ Показательно в этом заявление П.А.Крушевана, что с появлением левых революционных газет на молдавском языке, молдавские крестьяне «неизбежно (текст выделен мною. – О.Г.) подпадут под влияние ежедневной социально-революционной пропаганды – румынской печати» (Друг. 1906. №153).

ма. Общественное мнение отреагировало на юбилей очередной серией дебатов о «сепаратизме» в Бессарабии и о судьбах молдавской народности. Юбилей заставил обратить внимание на молдавское население губернии не столько как на несущее угрозу, сколько как на нуждающееся в попечительстве и охранении. Но в то же время он показал и обособленность молдавских крестьян, не всегда соответствовавших сложившимся стереотипным представлениям о них. За декларациями о лояльности молдаван читались скрытые опасения, что они недостаточно сознательны в своих верноподданнических чувствах.

**БЫЛА ЛИ У МОЛДАВАН
СВОЯ ЭЛИТА?**

Если обратиться ко второму типу этнических иерархий, предложенному Каппелером, предполагавшему разделение народов в зависимости от полноты социальной структуры, то

место бессарабских молдаван в такой системе координат окажется двойственным. С одной стороны, местная молдавская элита существовала и была достаточно многочисленной. Она была представлена потомками молдавских бояр, получивших права российского дворянства и в первой половине XIX в. приглашенных для управления окраиной в рамках системы непрямого правления, существовавшей в первое десятилетие пребывания Бессарабии в составе России. С другой стороны, в течение XIX столетия автохтонная элита подверглась значительной русификации. Многие молдавские дворянские семьи со временем полностью принимали русскую идентичность. Ярким примером такого «обращения» может служить история рода Крупенских¹⁵. Кроме того, значительную часть бессарабских верхов в результате политики колонизации составляли выходцы из других губерний Российской империи, прежде всего из великорусских. Так, в 1911 году из 498 знатных фамилий в Бессарабии только 138 были молдавскими по происхождению¹⁶. В результате проводимой во второй половине XIX в. политики в сфере церкви и образования также были в значительной степени русифицированы

---

¹⁵ Крупенские были потомками крупных молдавских бояр, игравшими огромную роль в Бессарабии и за ее пределами. Однако в течение XIX века семья фактически утратила связь с молдавскими корнями, влившись в русское дворянство. Отдельные представители рода, как, например, П.Н.Крупенский, стали яркими сторонниками русского национализма и русификации инородцев.

¹⁶ Hitchins K. *Rumania: 1866–1947*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P.240.

религиозная и интеллектуальная элиты. Последняя была к тому же малочисленной. Показательно, что повседневным языком общения, а то и родным языком, некоторых молдавских активистов был русский. Аналогичное явление наблюдалось и на других окраинах империи¹⁷.

Важным показателем развитости элит можно считать распространенность высшего образования среди «национальной» интеллигенции. Так, с 1901 по 1917 год в крупных российских университетах обучалось всего 268 студентов-молдаван¹⁸. Общее число молдаван, поступивших в высшие учебные заведения России с 1861 по 1917 гг., оценивается в 672 человека¹⁹. Для сравнения: только в 1907/1908 учебном году в одном лишь Венском университете училось более 300 студентов-поляков, выходцев из Российской империи²⁰. Однако по меркам «восточных окраин» и Поволжья положение молдавской «национальной интеллигенции» было не столь плохим. Например, среди чувашей, численность которых по официальной статистике эпохи была сравнима с численностью бессарабских молдаван, к 1917 году насчитывалось всего несколько десятков человек, получивших высшее образование²¹. Образование, как высшее, так и начальное, для бессарабцев было возможно исключительно на русском языке. Это ограничивало его получение широкими массами населения и приводило к усилению культурной дистанции между ними и стремительно русифицирующимися образованными слоями молдавского общества. Лишь немногие интеллектуалы получали образование в Румынии или за границей.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что бессарабские молдаване были ближе к народам с неполной социальной структурой. Их положение во многом напоминало левобережных малороссов, элита которых хотя и разделяла общие «этнические корни» с крестьянами, но в период русского господства в массе своей ассимилировалась.

---

¹⁷ Штернберг Л. Иностранцы. Общий обзор // *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия* / Под ред. А.И.Кастелянского. СПб.: Общественная польза, 1910. С.572–573.

¹⁸ Бабий А.И. *Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1971. С.20.*

¹⁹ Там же. С.23–24.

²⁰ Иванов А.Е. *Российское студенческое зарубежье. Конец XIX – начало XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. №1. С.117.*

²¹ Александров Г.А. *Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. URL: http://gov.cap.ru/hierarhy_cap.asp?page=86/3743/1189/1201*

При этом роль дворянской элиты в оформлении национального движения была незначительной, что сближало молдаван с группами, вовсе лишенными собственных привилегированных классов.

**КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ
НАЦИИ: МОГ ЛИ
МОЛДАВАНИН СТАТЬ
РУССКИМ?**

Система оценки места того или иного народа в этнических иерархиях Российской империи по культурным маркерам, предложенная Каппелером, представляет собой довольно

сложную концентрическую систему. В центре ее находились православные христиане, промежуточное положение занимали христиане других конфессий, а на краях были представлены нехристианские инородцы. Ядро этой системы составляли русские в широком понимании определения *русскость*²². Положение конкретной группы внутри этой иерархии не было строго фиксированным, а зависело от того, каким образом были заданы границы русской нации. Эти границы, в свою очередь, не были строго оговорены.

Группа крестьян. Молдаване.
Из фотоархива Российского
Этнографического музея
(<http://www.ethnomuseum.ru/gruppa-krestyan-moldovane>)

Русская нация могла включать в себя всех подданных империи, членов привилегированных сословий, всех православных или всех восточ-

²² Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы... С.131–133.

ных славян, в традиционном значении понятия *Русь*²³. Православие гарантировало молдаванам относительно привилегированное (сравнительно с иноверцами) положение в имперских культурных иерархиях и открывало дорогу к членству в «большой русской нации» в том случае, если *русскость* понималась как обозначение культурной, а не этнической общности. Впрочем, как отмечает А.Миллер, даже восточнославянская этничность не была жестким барьером. В качестве примера он приводит финно-угорские народы Поволжья, полная ассимиляция которых русскими виделась неизменно положительным явлением. Кроме того, «значительное число обрусевших и христианизированных татар и среди русских крестьян, и среди русских дворян ни для кого не было ни секретом, ни проблемой»²⁴. В случае с молдаванами на практике потенциальную возможность считаться русским имел каждый. Примечательно, что участие молдаван в русских националистических и монархических организациях не только допускалось, но и поощрялось. Так, множество молдаван, включая крестьян, состояло в Союзе русского народа, принятие «инородцев» в ряды которого было возможно только по усложненной процедуре²⁵. По сути, единственным необходимым условием для превращения молдаван в русских являлось знание русского языка.

**НАЦИИ «СТАРЫЕ»
И «МОЛОДЫЕ»**

Другой возможной системой этнокультурной классификации Российской империи может служить разделение на «старые» (или «исторические») и «молодые» народы. Основ-

ными критериями при этом выступают наличие полной социальной структуры и опыт средневековой государственности. Каппелер выделяет в западной части Российской империи шесть крестьянских наро-

---

²³ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С.34.

²⁴ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2010. С.74.

²⁵ Устав общества под названием «Союз Русского Народа» // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Под ред. В.П.Викторова. М.; Л.: Государственное изд-во, 1929. С.414. – В реальности молдаване массово принимались в ряды Союза без соблюдения этих формальностей (См., например: Открытие подотдела Союза русского народа в с. Новорусеишты, Кишиневского уезда // Друг. 1907. №18).

дов («молодых наций»): украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев и финнов. Их общей чертой был почти исключительно крестьянский социальный состав и отсутствие или длительные перерывы собственных государственных традиций²⁶. По ряду формальных признаков (наличие средневековой государственности, письменной традиции и самобытной культуры) молдаване могли считаться «историческим» народом. Однако в силу обстоятельств, упоминавшихся выше, к концу XIX века они утратили большинство признаков, по которым их можно было бы отнести к «старым» нациям. Следует учитывать, что место той или иной этнографической группы в иерархии никогда не было строго определенным и неизменным. Наиболее часто встречающийся вариант – постепенная кристаллизация из крестьянской среды слоя современной элиты. Примерами такого перехода в категорию «старых» наций могут считаться финны²⁷ и, с некоторыми оговорками, прибалтийские народы²⁸. Благодаря лютеранской вере, предполагавшей обязательное умение читать, прибалтийские народы отличались от остальных «молодых наций» Российской империи самым высоким уровнем грамотности и наличием системы школ с преподаванием на родном языке²⁹. Это обеспечивало более интенсивную модернизацию общества и, как следствие, рост политического национализма. Бессарабия представляла обратный пример превращения относительно легитимной «исторической нации» в преимущественно крестьянское сообщество, практически лишенное собственной элиты. В подобном положении оказались также литовцы, которые утратили свою государственность и воспринимались скорее как молодая крестьянская «нация».

«Историчность» и «укорененность» того или иного народа также могла ставиться под сомнение русскими националистами, создававшими соответствующие исторические нарративы. В случае с Бессарабией речь шла об объявлении Пруто-Днестровского междуречья «исконно русской землей», автохтонными жителями которой признавались не дако-римляне – волохи – молдаване (румыны), а славянские племена уличей и

---

²⁶ Каппелер А. *Росія як поліетнічна імперія*. Львів, 2007. С.171.

²⁷ К началу XX века они имели литературный язык, свою профессиональную культуру, собственное политическое устройство и экономику.

²⁸ Витухновская М.А. *Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917*. СПб: Норма, 2006. С.21.

²⁹ Каппелер А. *Росія як поліетнічна імперія*. С.172.

тиверцев, бывшие какое-то время подданными киевского князя. Молдаване с этой точки зрения выступали пришельцами из-за Карпатских гор и выступали, если так можно выразиться, «арендаторами» «русской земли». Также подчеркивалось исключительное славянское влияние на средневековые румынские княжества – Молдову и Валахию – и относительно позднее распространение румынского языка, вытеснившего старославянский в господарских канцеляриях, церкви и культурной жизни княжеств лишь к началу XVII века. Наиболее известным прочтением прошлого Бессарабии в этом духе является книга П.Н.Батюшкова³⁰, бывшего также издателем целой серии книг по истории западных окраин России, по отношению к которым применялись сходные методы «символического присвоения» прошлого и «национальных» территорий³¹. Нередкими в этом контексте были и ссылки на пестроту населения Бессарабии и частые взаимные ассимиляции между славянским и румынским населением. В таком случае молдаване могли и вовсе сблизиться со славянами: «...Бессарабия, еще до воссоединения с Россией, была связана с нею не только единством православной веры, но и племенным родством значительной части населения»³². Выдвигались даже более радикальные исторические гипотезы, обосновывавшие русское господство в Бессарабии. Так, Л.С.Берг писал, что «для русских этот край [Бессарабия] имеет свой особый, специальный интерес: новейшими исследованиями³³ обнаруживается, что Бессарабия есть *прародина русского народа* (курсив мой. – О.Г.); здесь жили русские в ту пору, когда

---

³⁰ [Батюшков П.Н.] *Бессарабия. Историческое описание: Посмертный выпуск исторических изданий П.Н.Батюшкова*. СПб., 1892.

³¹ См.: [Петров Н.И.] *Холмская Русь. Исторические судьбы Русского Забужья* / Изд. П.Н.Батюшковым. СПб., 1887; [Петров Н.И.] *Волянь. Исторические судьбы Юго-Западного края* / Изд. П.Н.Батюшковым. СПб., 1888; [Петров Н.И., Городецкий М.И.] *Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края* / Изд. П.Н.Батюшковым. СПб., 1890; [Петров Н.И., Городецкий М.И.] *Подолія: Историческое описание* / Изд. П.Н.Батюшковым. СПб., 1891.

³² *Бессарабия. Географический, исторический, статистический, экономический, этнографический литературный и справочный сборник* / Под ред. П.А.Крушевана. М., 1903. С.91.

³³ По-видимому, речь идет об изысканиях известного филолога А.А.Шахматова (См.: Шахматов А.А. *Введение в курс истории русского языка*. Пг., 1916. Ч.1. С.46).

они еще не успели разделиться на три ветви: великорусов, малорусов (украинцев) и белорусов»³⁴.

Сравнивая Бессарабию с другими окраинами Российской империи важно отметить, что процессы националистической мобилизации начались здесь намного позднее, чем, например, в Северо-западном крае, Остзейских губерниях и в Малороссии. Одной из причин этого была неразвитость публичной сферы. До 90-х годов XIX в. потребности местной публики в печатном слове удовлетворялись, за исключением официоза, одесскими изданиями. Первая частная газета появилась здесь только в 1889 году³⁵. Среда, в которой могли бы артикулироваться националистические идеи, появляется в Бессарабии поздно, в период революции 1905–1907 годов. При этом она была, пожалуй, наименее развитой среди всех европейских окраин России. Для сравнения: только в 1905–1907 гг. выходило около 107 периодических изданий на латышском языке³⁶. На украинском языке в эти же годы в пределах Российской империи выходило 18 газет и журналов, в основном националистической ориентации³⁷. В Бессарабии же с 1906 по 1917 год не насчитывалось в общей сложности и десяти наименований периодических изданий и лишь немногие из них выходили больше года. Тиражи их были весьма скромными, редко превышали 1–2 тыс. экземпляров, и те не всегда удавалось полностью реализовать. Следствием было крайне низкое влияние националистической пропаганды среди бессарабского населения.

В этом отношении «бессарабский вопрос» логично было бы сравнивать не с «развитыми» национализмами западных окраин, а скорее с движениями «малых народов» в центре и на востоке России. Для этих групп только революция 1905–1907 гг. стала катализатором процессов национальной консолидации среди местной разночинной интеллигенции. Например, в этот период оформилось националистическое течение в Чувашии, выдвигавшее, помимо культурно-просветительных, также и

---

³⁴ Берг Л.С. Указ. соч. С.10.

³⁵ Трубецкой Б.А. Из истории периодической печати Бессарабии, 1854–1916 гг. Кишинев: Штиинца, 1989. С.30.

³⁶ Plakans A. *The Latvians. A short history.* Stanford: Hoover institution press, 1995. P.106.

³⁷ Довідник з історії України / За ред. І.Підкови та Р.Шуста. Київ, 1999. Т.2.

политические требования³⁸. Аналогичной была ситуация практически среди всех народов Поволжья и азиатской России³⁹.

Неразвитость публичной сферы была так или иначе связана с социолингвистической ситуацией в Бессарабии. Практически все «окраинные» языки Российской империи во второй половине XIX – начале XX века подвергались тем или иным формам регламентации со стороны центра. В одних случаях речь шла о попытках вытеснения языка из тех сфер, где он имел сильные позиции (например, попытки полного запрещения польского языка в школе, суде, администрации и т.д. во второй половине XIX в.), в других – об ограничении эмансипации молодых литературных языков⁴⁰. В отношении молдавского (румынского) языка до 1870-х годов, когда он был фактически полностью вытеснен из сферы богослужения и образования, проводился первый сценарий. На рубеже XIX–XX вв. языковая политика смягчается; румынский – пусть и в ограниченных масштабах – допускается в богослужении и образовании (как факультативный предмет), он также постепенно проникает в публичную сферу. При этом использование румынского языка все же остается ограниченным, в том числе благодаря цензуре, которая особенно пристально относилась к литературе, ввозимой из Румынии. Однако едва ли можно говорить о какой-либо целенаправленной и последовательной языковой политике в Бессарабии. Косвенно это подтверждается тем, что российские власти никогда всерьез не заботились о проблеме алфавита, применявшегося для молдавского языка, при том, что «алфавитный вопрос» был одним из ключевых элементов языковой политики Российской империи⁴¹. Единственным известным исключением была попытка запретить в административном порядке использование учебных семинаристов латинскому шрифту наряду с молдавской кириллицей.

---

³⁸ Щербаков С.В. *Национальное самоопределение чувашского народа в начале XX века: идеологический аспект*. Чебоксары: Новое время, 2013. С.74–93.

³⁹ См.: *Формы национального движения в современных государствах...* С.529–574.

⁴⁰ Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М.: НЛЮ, 2006. С.82.

⁴¹ *Во второй половине XIX в. предпринимались попытки законодательного запрещения использования латинского шрифта для литовского, латышского, украинского и белорусского языков (Подробнее про алфавитную политику см. тематический выпуск журнала: Ab Imperio. 2005. №2).*

Впрочем, благодаря протесту учеников и учителей, а также вмешательству епископа Владимира, эта попытка осталась нереализованной⁴².

По критерию интенсивности процессов националистической мобилизации окраинные вопросы в Российской империи можно разделить на несколько групп. К первой будут относиться развитые движения финнов и поляков. Сюда же тяготели и набиравшие силу движения латышей и эстонцев в Остзейских губерниях. Вторую волну составляли движения на западных и южных окраинах (украинское, белорусское, грузинское), зародившиеся еще в XIX веке, имевшие к началу XX свою историю, но остававшиеся, как отмечал Каппелер, «элитными»⁴³. Третья волна была представлена «малыми» народами, до революционных событий 1905–1907 гг. не сформулировавшими сколь-нибудь внятных националистических проектов.

Подобная классификация национальных движений в Российской империи лежала в основе авторитетного дореволюционного сборника⁴⁴, где молдаване упоминаются только один раз – в сводной таблице численности народов. Однако если бы составители этого труда посчитали нужным включить в него очерк о молдавском национальном движении в Бессарабии, то нет сомнений, что он был бы помещен рядом с описанием «инородцев», находящихся «на заре национальной эволюции» (якуты, народы Поволжья и Средней Азии).

Многие окраинные вопросы характеризовались борьбой местных активистов с русскими (или точнее русификаторскими) проектами, противостоящими внешним альтернативам. Так, становление украинского и белорусского, а отчасти литовского национализмов происходило в условиях русско-польского соперничества. Инородческие движения народов Поволжья испытывали влияние татарского националистического проекта, противостоявшего русификаторским усилиям имперских властей. Следует учитывать и немаловажный фактор соперничества в рамках системы континентальных империй, разыгрывавших «этническую карту», на который обращает внимание Алексей Миллер⁴⁵.

---

⁴² *Basarabia*. 1907. Nr. 10 (59).

⁴³ Каппелер А. *Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое изд-во, 2005. С.402.*

⁴⁴ *Формы национального движения в современных государствах...*

⁴⁵ Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм. М., 2010. С.35–45.*

«Бессарабский вопрос» в общерумынском контексте

Специфика Бессарабии состояла в том, что здесь Российской империи противостояла не соседняя империя или другая развитая в отношении нациостроительства окраина, а независимое национальное государство – Румыния. Насколько эта ситуация была уникальной и специфической? Определенную пищу для размышления здесь может предоставить сравнение бессарабского и карельского вопросов. Финляндия представляла собой особую территорию Российской империи, имевшую собственное законодательство, денежную систему и относительно независимую экономику, причем в некоторых отраслях более развитую, чем общероссийская. Попытки интегрировать Финляндию в общеимперское правовое, политическое и экономическое пространства наталкивались на жесткое сопротивление защитников местной автономии. В отличие от татарских и польских регионов российские власти имели куда меньше рычагов влияния на финский национализм и его ирредентистские устремления в отношении российской Карелии⁴⁶. Несмотря на формальную зависимость Финляндии от России и официальную независимость Румынии, возможности властей повлиять на положение дел в этих государственных образованиях были в целом сопоставимыми.

Таким образом ситуация в Бессарабии была, безусловно, специфической, но не уникальной. Кроме того, когда речь шла не о территориальных притязаниях как таковых, а о борьбе за «души» пограничных этнических групп, так ли было важно, имеет ли нация, противопоставляющая свой проект русскому, свою собственную государственность в формальном понимании (напр., финны и румыны)? Или, ощущая себя чуждым элементом в империи, она стремится всеми возможными и невозможными средствами эту государственность обрести (случай с поляками)? Если в политическом плане это имело значение, то в деле культурного и национального строительства наличием независимого (а в ряде случаев и автономного) статуса можно было до известной степени пренебречь.

**БЕССАРАБИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ
РУМЫНСКИХ
НАЦИОНАЛИСТОВ**

Специфика румынского проекта нациостроительства состояла в том, что в состав воображаемого «идеального Отечества» включалась значительная часть этнических румын,

⁴⁶ Витухновская М. Указ. соч. С.222.

«МОЛДАВСКИЙ ВОПРОС» В БЕССАРАБИИ

проживавших вне территории румынского национального государства. По оценке на 1900 год в венгерской части Австро-Венгрии⁴⁷ проживало 2,8 миллиона румыноязычных жителей, а в австрийской Буковине и российской Бессарабии 230 тысяч и 1 миллион соответственно⁴⁸. Все земли территории, населенной румынами, объединял окраинный статус. Бессарабия была окраиной Российской империи, Буковина – Австрийской Цислейтании, а Трансильвания, вместе с прилегавшими к ней Банатом, Кришаной и Марамурешем, – Венгерской короны.

Румыноязычное население в Восточной Европе в конце XIX века

Румынский национализм, как и другие восточно-европейские национализмы, развивался преимущественно в рамках «немецкой модели» понимания нации. Румыны определяли себя через призму общего происхождения (римского, дакийского или дако-римского), единого языка, общей истории, особой духовности⁴⁹. Подобная трактовка не допускала каких-либо вариантов в определении национальной идентичности на всем «румынском пространстве», в которое неизменно включалась и Бессарабия. К началу XX столетия в румынском национализме окончательно оформилась концепция объединения всех «румынских исторических провинций» в унитарное национальное румынское государство. В

⁴⁷ Историческая область Трансильвания и прилегающие к ней регионы Банат, Кришана и Марамуреш.

⁴⁸ Hitchins K. *Op. cit.* P.202.

⁴⁹ Boia L. *Istorie și mit în conștiința românească*. București, 1997. P.15.

разработке идеологии «Великой Румынии» принимали участие различные общественные и государственные деятели и, в первую очередь, известные румынские историки: Н.Йорга, К.Джуреску, А.Ксенопол, И.Нистор и др.⁵⁰

Наиболее полно бессарабская проблематика нашла отражение в творчестве одного из самых авторитетных националистов начала прошлого века, историка Николае Йорги, считавшегося главным «специалистом по Бессарабии». Он, как и подавляющее большинство румынских националистов, считал бессарабцев неотъемлемой частью румынской нации. Выражая идею символического присвоения Бессарабии, Йорга писал: «Мы знаем, что в Бессарабии живут румыны. Мы знаем, что никто не смог заставить их отказаться от древних традиций и не сможет заставить никто... Мы обещаем, что отдадим все лучшее, что в нас есть, веру и труд... чтобы старинная несправедливость была ликвидирована и свободная национальная жизнь господствовала и над этим краем тьмы и рабства, краем, куда нас зовет наше вечное право»⁵¹. Основой «румынскости» Бессарабии Йорга провозглашал местное крестьянское население. Он противопоставлял молдавских крестьян полиэтническому и космополитическому населению городов. О крестьянах он писал: «Те, кто живет в этих деревнях, высокие, красивые и сладкоречивые люди, люди, полные милосердия и сочувствия ко всем бедам, полные чувств ко всякому страданию, подчинению государственной власти, которые, как они думают, посланы Богом, чтобы испытать Его избранных... Эти люди – румыны»⁵².

Важно заметить, что «бессарабский вопрос» все же не являлся ключевой проблемой для румынского национализма. Его актуализация в «Старом королевстве» была по большей части заслугой политических эмигрантов – выходцев из Бессарабии. В конце XIX – начале XX века

---

⁵⁰ Их усилия были направлены на поиск аргументов, которые подтверждали бы этнические, исторические и географические права Румынии на территорию Буковины, Бессарабии, Трансильвании и Баната. Эта идея интенсивно пропагандировалась как внутри страны, так и за ее пределами (Григоришин С. Украина во внешнеполитических концепциях Румынии // Украинская государственность в XX веке (Историко-политологический анализ). Киев: Політична думка, 1996).

⁵¹ Iorga N. Un centenar // Neamul românesc. 1912. Nr.53.

⁵² Цит. по: Cușco A. Between nation and empire: Russian and Romanian competing visions of Bessarabia in the second half of XIX-th and early XX-th century [PhD thesis]. Budapest, 2008. P.113.

это было связано с такими деятелями, как Морузи, Хашдеу и Стере, которые через публикации книг и статей способствовали включению Бессарабии в румынское символическое пространство⁵³. Определенный вклад в дело пропаганды значимости Бессарабии для румынского общественного мнения внесла деятельность Культурной лиги за единство всех румын, основанной в 1891 году, и в частности ее бессарабского отделения.

Роль Румынии в поддержке националистов на территориях, населенных румынами, за пределами страны была различной. Трансильвания и Буковина были более приоритетными в этом отношении. Только в период с 1892 по 1895 год румынское правительство израсходовало 723 900 лей на поддержку румынских церквей и школ в Трансильвании из общей суммы 2 миллиона, выделенной на поддержку румынских организаций за рубежом⁵⁴. Для Бессарабии начала XX века речь шла лишь о единичных стипендиях на обучение в вузах королевства и финансовой помощи через посредство частных лиц, прежде всего Константина Стере⁵⁵.

**«ЗАБЫТЫЕ ПРОВИНЦИИ»:
БЕССАРАБИЯ И БУКОВИНА**

Помимо Бессарабии «румынское пространство» также включало в себя ряд территорий Австро-Венгрии, населенных преимущественно румынским населением.

Буковина, по выражению А.Тэйлора, «забытая провинция» Австро-Венгрии, во многом внешне напоминала Бессарабию. Неоднородный этнический состав в эпоху роста национализма делал край потенциальным объектом для соперничества румынского, украинского и австрийского проектов. По данным австрийской переписи 1910 г. румыны составляли только треть населения герцогства и составляли большинство в южных районах. По этнической неоднородности населения и социальной структуре Буковина также была схожей с Бессарабией. Сходство особенно было заметно в сравнении с северными уездами Бессарабии. Среди провинций австрийской части дуалистической монархии, за ис-

---

⁵³ Подробнее см.: *Ibidem*. P.306–385.

⁵⁴ *Hitchins K. Op. cit.* P.212.

⁵⁵ *Раух А.Б. Бессарабский вопрос и деятельность Константина Стере в Бессарабии в период первой русской революции // Международные отношения в новое и новейшее время: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти К.Б.Виноградова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. С.254–258.*

ключением Далмации, Буковина характеризовалась самым низким уровнем грамотности населения: 24,55% среди мужчин и 16,9% среди женщин⁵⁶. Схожим был уровень урбанизации. Румыны вместе с украинцами были в основном сельскими жителями, в то время как в городах доминировали немцы и евреи⁵⁷. Структура населения Бессарабии была аналогичной, за исключением того, что место немцев в общественной иерархии занимали русские. Но при всем при этом румынское общество Буковины отличалось большей политической мобильностью. Политические и культурные организации начали появляться в крае еще в середине XIX в. Так, в 1865 году по примеру «Трансильванского общества румынской литературы и румынского народа» в Черновцах создается «Общество румынской культуры и литературы на Буковине». В последние десятилетия XIX в. существовал ряд групп, добивавшихся открытия кафедры румынского языка в Черновицком университете⁵⁸. Издававшиеся обществом периодические издания *Foaia* (Листок) и *Aurora Română* (Румынская заря) пропагандировали современную румынскую литературу и стандартизированный румынский язык. На рубеже веков создаются первые национальные политические партии, крупнейшей из которых стала «Румынская социал-демократическая партия», руководимая Джордже Григоровичем. Политические организации буковинских румын отличались умеренностью и в своих требованиях не шли дальше культурной автономии. Вплоть до Первой мировой войны сколь-нибудь серьезного ирредентистского движения на этой окраине не существовало. Во многом это объясняется более либеральным отношением австрийских властей к участию национальных меньшинств в политической жизни. Большой вклад в формирование национальной идентичности внесла православная церковь. Однако следует заметить, что православная церковь на Буковине, как и в Бессарабии, обслуживала интересы полиэтнического населения. Это отличало Буковину и Бессарабию от Трансильвании, где к православной и униатской конфессиям принадлежали исключительно румыны⁵⁹.

---

⁵⁶ *Bukovina Handbook. L., 1919. P.20.*

⁵⁷ *Livezeanu I. Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building, and Ethnic Struggle, 1918–1930. Cornell University Press, 2000. P.54.*

⁵⁸ *Старик В. Від Сараєва до Парижа. Буковинський Interregnum. 1914–1921. Чернівці: Прут, 2009. С.73.*

⁵⁹ *Hitchins K. Op. cit. P.235, 237.*

Ситуация в сфере национального образования на Буковине также была более благоприятной, чем в Бессарабии. Румынский язык ко второй половине XIX в. был полностью вытеснен из сферы образования в Бессарабии. Попытки его возвращения в начале XX века не привели к существенным результатам. Только в Кишиневской духовной семинарии и Епархиальной школе для девочек с 1905 года допускалось преподавание молдавского языка в качестве факультативного предмета. Попытка даровать право на национальный язык в начальной школе бессарабским молдаванам в 1910 году (в связи с обсуждением в Государственной Думе закона о народном образовании) также провалилась. В то же время на Буковине в 1900 году действовало 115 румынских школ (37% от общего числа). К 1908 году их количество возросло до 169, причем в двух гимназиях преподавание велось на румынском⁶⁰.

Общими чертами в процессе формирования национальных идентичностей в Бессарабии и на Буковине были сильное влияние домодерного самосознания и региональной традиции. Вплоть до конца XIX в. местные активисты пытались утвердить региональную «волошскую идентичность», ключевым признаком которой выступала принадлежность к православию. Этот проект должен был объединить как местных русинов, так и румын. В частности, идею «буковинской нации двух языков» отстаивал епископ Евгений Гакман⁶¹. На схожей основе православной идентичности и памяти о принадлежности к Молдавскому княжеству строилась традиционная идентичность бессарабских крестьян.

**ТРАНСИЛЬВАНИЯ: МОГЛИ ЛИ
РОССИЙСКИЕ ВЛАСТИ
ПЕРЕНИМАТЬ ОПЫТ ВЕНГРОВ
В «НАЦИОНАЛЬНОМ
ВОПРОСЕ»?**

Еще в 1868 году здесь был принят закон о национальностях. Его первая статья гласила: все жители Венгерского королевства представляют собой «единую и неделимую венгерскую нацию». Закон гарантировал формальное равенство всех жителей страны, однако в реальности не обеспечивал права национальным меньшинствам и фактически положил начало политике мадьяризации. Наиболее ярко эта политика проявилась

Трансильвания входила в венгерскую часть Австро-Венгрии. Венгерский проект национализма предполагал форсированную мадьяризацию в границах субимперии.

---

⁶⁰ *Ibidem.* P.236.

⁶¹ *Старик В. Указ. соч. С.42–43.*

в сфере народного образования. По школьным законам (1879, 1883, 1891), а также по знаменитому закону Аппоньи (1907)⁶² даже в униатских и православных церковных школах (бывших традиционно румынскими) предполагалось увеличить количество часов преподавания на венгерском языке⁶³. Школы, в которых невозможно было в полной мере преподавание на венгерском, нередко закрывались. Политика венгров по отношению к национальным меньшинствам приносила определенные плоды. Если в 1848 году венгерское население (без учета Хорватии) составляло 41%, то в 1910 году его численность возросла до 54%⁶⁴. Это было следствием вытеснения национальных языков из сферы образования.

В российской Бессарабии в это время шли сходные процессы. В 60-е – 80-е годы молдавский язык был полностью вытеснен как из светских, так и церковно-приходских школ. Власти Российской империи в Бессарабии добились гораздо больших успехов в русификации образования, чем их венгерские коллеги в деле мадьяризации. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, система образования в Бессарабии складывалась уже при российском правлении и изначально была ориентирована на задачи империи. Во-вторых, православная церковь в Бессарабии была непосредственно подчинена российскому Синоду, не обладала автономией и тем более не воспринималась как «национальная», в отличие от православной и униатской церквей в Трансильвании. Даже сама конфессиональная разнородность Трансильвании (румыны примерно в равной пропорции принадлежали к униатской и православной конфессиям, в то время как венгры и немцы исповедовали, в основном, католицизм и протестантизм) заставляла адептов мадьяризации проводить более гибкую политику в сфере образования и богослужения.

Интересно сопоставить отношение к румынскому национальному движению со стороны венгерских и русских властей. Вплоть до начала XX в. венгерские правительства не воспринимали процессы национальной консолидации и требования трансильванских румын всерьез и не

---

⁶² Закон Аппоньи (1907) требовал обязательного знания венгерского языка выпускниками всех национальных школ.

⁶³ См.: *Istoria României. Transilvania. Cluj-Napoca, 1997. Vol.II. P.79, 118.*

⁶⁴ Контлер Л. *История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. С.385.*

осознавали до конца опасности последствий проведения агрессивной мадьяризации. Во время правления министров Шандора Векерле и Дежо Банфи (1892–1899) в правящих кругах Венгрии сложилось представление о румынском национализме как о деятельности небольшой группы «агитаторов» и «мятежников», действовавших при поддержке из-за рубежа, т.е. из Румынии⁶⁵.

Для бессарабской политической элиты начала XX в. было характерно такое же индифферентное отношение к молдавской проблеме. Общим местом в полицейских рапортах и отчетах губернаторов стало постулирование тезиса о «беспроблемности» местного молдавского населения и его невосприимчивости к панрумынской агитации, которая также приписывалась небольшой группе «бунтарей», спонсируемых извне. Во многом самая низкая интенсивность «национального движения» в Бессарабии не давала поводов для беспокойства. Однако события 1906–1907 гг. заставили власти внимательнее относиться к проблеме молдавского национализма и румынского ирредентизма. В 1909 году Г.В.Мадан стал тайным осведомителем под псевдонимом «Заграничный», в обязанности которого входило наблюдать за сепаратистскими течениями в Бессарабии, а также за развитием «румынского вопроса» в Румынии и Австро-Венгрии. В одном из своих донесений он писал: «В последние годы венгры привлекли на свою сторону несколько румынских элементов; для большего престижа и соблазна дали им отличные служебные и общественные положения и некоторых из них поставили во главе 3-х румынских журналов («Унгария», «Лумина» и «Сервинул»), основанных венгерским правительством специально для борьбы с сепаратизмом и для проведения идей мадьярской культуры и государственности, братства и

Георгий Васильевич Мадан (1872–1944). Бессарабский и румынский фольклорист, прозаик, журналист, актер.

---

⁶⁵ Hitchens K. *Op. cit.* P.215–216.

единения с венграми. Судя по румынской печати, это ужасно вредит пан-румынской пропаганде»⁶⁶.

В 1910 году венгерское правительство (в лице тогдашнего премьер-министра Иштвана Тисы) пошло на прямой диалог с лидерами румынских националистов, в том числе с теми, кто придерживался радикальных взглядов. Задачей Тисы была попытка переманить румын на свою сторону. Однако в ходе переговоров (1910–1914) выявились существенные противоречия. Максимум, что могло предложить венгерское правительство, – это культурная автономия, в то время как планы румынских лидеров к этому моменту предусматривали определенные политические требования⁶⁷. Несмотря на то, что переговоры так и не привели к желаемому примирению, сам факт изменения тактики венгерского правительства показателен.

Опыт венгерской Трансильвании по созданию «управляемого национализма» очень важен. Ссылка на румынские проправительственные журналы возникает у Мадана не случайно. Еще будучи «личным агентом губернатора» Харузина, он оказывал определенное влияние на восприятие губернскими властями «национального вопроса». С начала 1907 до отставки Харузина осенью 1908 г. Мадан издавал за государственный счет проправительственную газету «Молдованул». Возможно, процитированное выше сообщение «Заграничного» было попыткой обратить внимание нового губернского начальства на «молдавский вопрос» и призывом возродить политику «управляемого национализма».

Ключевой проблемой, волновавшей трансильванских румынских националистов во второй половине XIX – начале XX в., было восстановление автономии провинции⁶⁸. Одним из путей достижения этой цели виделась федерализация Габсбургской монархии. Виднейшим представителем румынского федерализма был Аурел Попович, предложивший реорганизацию Габсбургской монархии в целом в федерацию, основанную на этнических, а не на историко-политических принципах⁶⁹. Такая перестройка, по его убеждению, позволила бы всем народам монархии

---

⁶⁶ НАРМ. Ф.297. Оп.1. Д.98. Л.183 об.

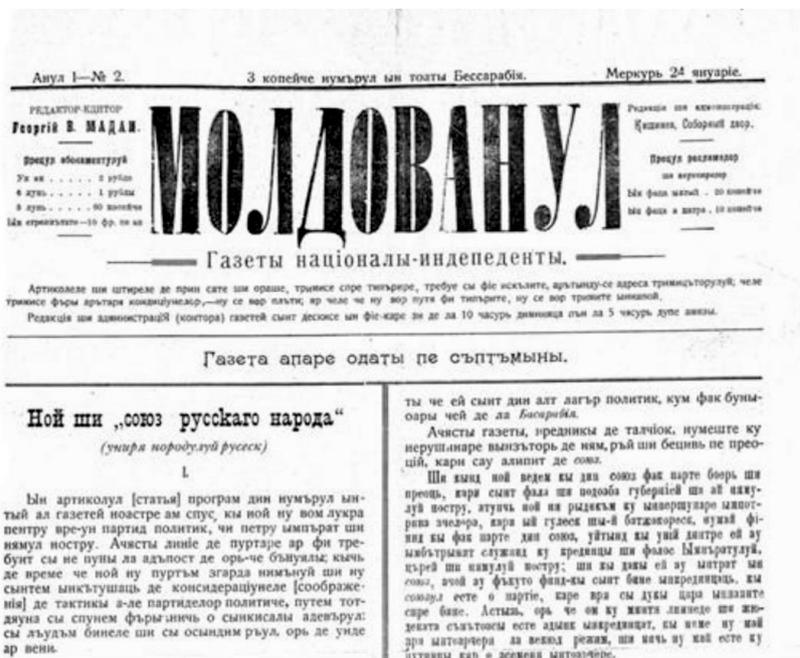
⁶⁷ Hitchins K. *Op. cit.* P.224–228.

⁶⁸ *Ibidem.* P.204.

⁶⁹ Подробнее об идеях Поповича см.: Turda M. Aurel C. Popovici's Nationalism and its Political Representation in the Habsburg Empire (1890–1910). URL: <http://igi.osi.hu/ethnic/relations/index.html>

«МОЛДАВСКИЙ ВОПРОС» В БЕССАРАБИИ

развиваться свободно. И в то же время могла бы защитить их от того, что, по его мнению, представляло наибольшую опасность – от русской экспансии в Центральной Европе. В начале XX в. вновь появившееся бессарабское национальное движение также эксплуатировало автономистские идеи. Аргументация была схожей – ссылка на опыт автономии в прошлом, гарантия культурно-политического развития румынской нации. Прослеживалась и тенденция, в соответствии с которой автономия мыслилась в этнических категориях, но ее границы должны были соответствовать «историческим» и тем самым включать значительные области, населенные не-румынами.

«Молдованул» – газета на молдавском языке, издававшаяся в 1907–1908 гг. Г.В.Маданом по инициативе Бессарабского губернатора

Однако, говоря о подобного рода параллелях, следует помнить о существенных различиях трансильванского и бессарабского автономизма. Опыт автономного существования Трансильвании был несравненно

больше аналогичного опыта в Бессарабии (бессарабская автономия просуществовала всего 10 лет, с 1818 по 1828 г.). Кроме того, идея самостоятельности Трансильвании всегда была частью политического дискурса местной элиты. В то же время в случае Бессарабии имелся довольно значительный временной лаг между существованием автономии в начале первой четверти XIX столетия и реактуализацией соответствующей идеи в начале века XX. По-видимому, трансильванское движение не было источником автономистских идеологем для бессарабского молдавского национализма. В имеющихся источниках нет ссылок на пути, по которым шли заимствования идеи автономии. Однако можно предположить, что наибольшее влияние на бессарабцев оказали дебаты об окраинных автономиях в Российской империи, порожденные революцией 1905–1907 годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положение молдаван в иерархии народов, населявших Российскую империю, было неоднозначным. В зависимости от набора изначальных критериев классификации они могли либо приближаться к центру, представленному большой русской нацией, либо отдаляться от него. В общем виде их можно было охарактеризовать как православных инородцев, лояльных династии и властям. Несмотря на «историчность» их прошлого, после десятилетий русификации во второй половине XIX в., приведшей к маргинализации языка и обрусению элиты, они воспринимались скорее как малый крестьянский народ со слабо развитой культурной жизнью, едва ли способный к самостоятельному национальному бытию. В этом отношении их место в имперских иерархиях было в одном ряду с литовцами, латышами, карелами и белорусами (в случае, если последние не рассматривались как часть русской нации).

По интенсивности процессов модернизации и утверждения форм современной идентичности Бессарабия была одной из наиболее отстающих окраин, спецификой которой выступало позднее формирование молдавской национальной интеллектуальной элиты. Вопреки географической близости Бессарабии к западным окраинам Российской империи, молдавское национальное движение проявляло ряд сходных черт с движениями народов Поволжья и азиатской России. Как кажется, дальнейшие

параллельные исследования в этом направлении могли бы быть крайне продуктивными.

В контексте румынского национального проекта Бессарабия также занимала маргинальное положение. Круг активистов, агитировавших за культурную и политическую пропаганду среди молдаван, был невелик и состоял в основном из политических эмигрантов из Российской империи. На протяжении всего рассматриваемого периода Трансильвания, Банат и Буковина оставались приоритетными объектами румынского ирредентизма. В сравнении с «румынскими провинциями» Австро-Венгрии процессы национальной эмансипации и утверждения современной румынской идентичности в Российской империи шли значительно медленнее.

**Без цели нет деятельности,
без интересов нет цели,
а без деятельности нет жизни.
Источник интересов, целей
и деятельности – субстанция
общественной жизни.**

В.Г. Белинский

По-настоящему нация велика не тогда,
когда она состоит из большого числа
думающих, свободных и энергичных людей,
а когда мысль, свобода и энергия подчинены
идеалу более высокому, чем у среднего
члена общества.

М. Арнолд

Андрей Келлер

«СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИНСТИТУТ» ИЛИ ИННОВАЦИЯ В ДУХЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ?

ЦЕХИ В РОССИИ
И КОРПОРАТИВНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
РЕМЕСЛЕННИКОВ
НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
С НАЧАЛА XVIII ДО НАЧАЛА XX ВЕКА¹

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
93/94
331.104

The introduction of guilds in Saint Petersburg in 1722 played an important role in the growth of the city's handicrafts and corporate self-administration. With signs of development in the middle of the nineteenth century, a civic consciousness appeared in the guilds. Initiatives of the guild masters during the period of reform, demanding the right to choose permanent and non-permanent masters, were not supported by the state, which brought about institutional stagnation, in spite of considerable growth of guilds up to 1914.

Ключевые слова: цехи; городское ремесло; модернизация; ремесленники; мастерские; ремесленное самоуправление.

Key words: craft guilds; city's handicraft; modernization; craftworker; craftworkers self-administration.

E-mail: a.v.keller@urfu.ru

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

История цехов в России до сих пор остается в российской и зарубежной историографии малоисследованной, хотя и имеет непосредственное отношение к процессам модернизации страны, начиная с петровских реформ первой четверти XVIII века. В чем кроется причина такого отношения цеха историков к ремесленным цехам в России, факт существования которых не удостоен пристального внимания ученых как некий исторический *casus exceptionis*, как институт, не имевший исторических корней в России? Следует ли из этого, что цехи не «прижились», что эпизод их существования в России является лишь «куриозным» фактом русской истории?

Безусловно, отсутствие какого-либо социального института или его «чуждость» российской традиции не говорит о принципиальной невозможности его существования на российской почве. История петровской модернизации и введение цехов как ее составляющей наглядно показывают это. Причина негативного отношения к цехам в российской историографии кроется в традиционном видении российской истории через призму истории европейской, согласно которой возникает иллюзия анахроничности и «антипрогрессивного» значения ремесленных цехов². Согласно этой логике, их введение якобы противоречило «прогрессивному, поступательному» движению промышленности, их постепенному упразднению в Западной и Центральной Европе в XVIII и XIX веках. Следовательно, причины недостаточного освещения темы цехового самоуправления в России кроются, прежде всего, в истории развития самой исторической науки. Становление последней в России приходится на время, наследовавшее идеалы эпохи Просвещения, а с ними и постулат о «мрачном» и «темном» Средневековье.

Представление о цехах, как об «отсталом» и «реакционном» социальном институте, сформировавшемся именно в эту эпоху, имело однозначно негативный характер. Этот устоявшийся взгляд на цеховое ремесло в России не претерпел значительных изменений и является в российской историографии общепризнанным: «Участие ремесленников в европейском коммунальном движении X–XIII вв. внесло свою лепту в формирование городского самоуправления, в частности, основ и прин-

---

² См., например: Дитятин И.И. *Устройство и управление городов в России*. СПб., 1875. Т.1.; Плошинский Л.О. *Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен*. СПб., 1852.

ципов демократии и гражданского общества в целом. Ничего подобного в отечественной исторической реальности не происходило»³. Этим объясняется устоявшаяся историческая ретроспектива, определяющим вектором развития которой является безальтернативное введение бессловного общества в России, что само по себе верно, но имеет свою специфику. Нецелесообразно рассматривать введение цехов в России как ненужное, так как это подменяет реальные потребности конкретной исторической ситуации ретроспективным оценочным взглядом на историю цехового ремесла.

Долгое отсутствие институционализации ремесла и каких-либо обширных архивных фондов о ремесленниках вплоть до XIX века не способствовали появлению исследований по данной теме. В XX в. в России разрабатывалась прежде всего история «рабочего класса и крестьянства», включая крестьянские промыслы. А ведь история цехового ремесла дает уникальную возможность показать в новом свете проблемы модернизации России в целом и цехового ремесла в частности. Результатом исследований советских историков, писавших или затрагивавших тему цехового ремесла Петербурга, явились дальнейшие классификация и упорядочение тематики⁴. Работа Н.И.Ивановой о немецких ремесленниках столицы в XIX в. вплоть до 1913 г., появившаяся уже в постсоветский период, страдает своей фрагментарностью, так как основывается в своих статистических выкладках почти исключительно на адрес-календарях Санкт-Петербурга и учитывает лишь владельцев недвижимости⁵. Из последних работ, касающихся петербургского ремесла следует упомянуть статьи М.В.Сергеева и В.Г.Егорова⁶.

---

³ Егоров В.Г., Чистова С.М. *Городское ремесленное производство России в отечественной историографии*. М., 2009.

⁴ Копанев А.И. *Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике / Отв. ред. Н.Е.Носов*. Л., 1975. С.78–89; Пажитнов К.А. *Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма*. М. 1952; *Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / Ред. Н.В.Юхнева*. Л., 1989; Полянский Ф.Я. *Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века*. М., 1960; Юхнева Н.В. *Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга*. Л., 1984.

⁵ Ivanova N.I. *Deutsche Handwerker und Unternehmer in St. Petersburg vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Jahre 1913 // "...das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat"*. *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20.*

**CASUS EXCEPTIO-
NIS**
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Еще в 1985 году немецкий историк Томас Штеффенс в своей диссертации по изучению промышленных рабочих Петербурга сетовал по поводу отсутствия каких-либо статистических данных о ремесленниках этого города⁷. Такого рода данные приводятся в монографии автора этой статьи⁸.

До 1722 года в России отсутствовала какая-либо юридически закреплённая форма организации городских ремесленников, за исключением сотен, игравших преимущественно фискальное значение, а также привилегированных корпораций, выполнявших государственные заказы, вроде кадашевских ткачей и тульских оружейников. Слободской принцип расселения специалистов одной отрасли был характерным структурным признаком городских поселений с древнейших времен. Ремесленные слободы как территориальные корпорации с фискальными функциями дополнялись объединениями ремесленников в форме артелей при отхожих промыслах⁹, крестьянами-кустарями, «промышлявши-

---

Jahrhundert / Dahlmann D., Scheide C. (Hrsg.). Essen, 1998. S.275–312. См.: Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2002. S.383–385.

⁶ Егоров В.Г. Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. // *Вопросы истории*. 2011. №1. С.28–39; Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я.Беккер» (1841–1917) // *Немцы Санкт-Петербурга: Наука, Культура, Образование*. СПб., 2005. С.339–354; Сергеев М.В. Новые материалы о фортепианных мастерах России XVIII – первой половины XIX вв. // *Вопросы музыкального источниковедения и библиографии: Сб. ст.* СПб., 2001. С.39–51; Его же. Петербургский ремесленник XVIII века // *Печать и слово Петербурга: Петербургские чтения 2003*. СПб., 2003. С.245–252; Его же. Русские периодические издания для ремесленников // *Книга. Культура. Общество: Сб. науч. тр. по мат. 12-х Смирдинских чтений*. СПб., 2002. С.100–107; Его же. Формирование системы изданий для русских ремесленников XVIII–XX вв. // *Печать и слово Петербурга*. С.10–16; Его же. Фортепианное дело в Петербурге XIX века: (По материалам русской периодической печати) // *Российская культура глазами молодых ученых*. СПб., 1994. Вып.3. С.74–92.

⁷ Steffens Th. *Die Arbeiter von Petersburg 1907 bis 1917. Soziale Lage, Organisation und spontaner Protest zwischen zwei Revolutionen*. Freiburg, 1985. S.45.

⁸ Keller A. *Die Handwerker...*

⁹ *Объединение мастеровых, преимущественно крестьян, работающее в области строи-*

ми» ремеслами, иногородними ремесленниками, а также представителями городских сословий: мещанского и в меньшей мере купеческого и дворянского. Все эти группы являлись неотъемлемой частью представителей русского городского ремесла, создавая его характерную особенность, но одновременно и сложность «самого предмета исследования, не получившего, как и ряд других социальных реалий, завершенности и определенности»¹⁰. Ремесло воспринималось многими не как профессия, а как способ заработать на жизнь, освященный традицией: для иностранцев, мещан, купцов, стрельцов, как отдельного военно-служилого сословия, остального населения на посаде и в слободах, крестьян. Отсюда отсутствие узкой специализации и частое перепрофилирование на новые ремесла, дающие больший доход. Дворцовые ремесленники: оружейники, литейщики, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, часовщики и механики – составляли здесь исключение и не оказывали большого влияния на общее состояние ремесла. Отсутствие спроса на сложные технические продукты, например в области изготовления медицинских и научных инструментов, сложных технических приспособлений и машин, долгое время приводило к тому, что спектр ремесленной продукции ограничивался исключительно товарами повседневного назначения для массового потребителя.

Введение цехов по образцу немецких первоначально в Петербурге и в Москве в 1721–1722 годах послужило усилению социальной стратификации российского общества, появлению высококвалифицированного ремесла с полным циклом обучения, возникновению значительного ремесленного сословия. Ремесленное образование¹¹ повышало разнообразие ремесел, технические стандарты, пусть даже в ограниченном объ-

---

тельства домов и дорог. Стройотряды советского времени близки функционально к последним, но состояли из студенческой молодежи. Типологически близки к ним и так называемые «шабашники». Артельщики жили на месте работы и питались всем «обществом».

¹⁰ Егоров В.Г. Указ. соч. С.28.

¹¹ См. об этом: Батышев С.Я., Новиков А.М., Осовский Е.Г. и др. *История профессионального образования в России* / Гл. ред. С.Я.Батышев. М., 2003; *Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России* / Науч. ред. Г.М.Романцев. Екатеринбург, 2012.

еме первоначально в пределах границ обеих столиц, способствовали росту качества продукции¹².

Именной указ о цехах от 27 апреля 1722 г. предполагал введение монопольного права цехов на производство ремесленных товаров в Петербурге. Единственное исключение делалось в дополнительном указе от 16 июля 1722 г. для мастеровых «в Архиерейских, монастырских и вотчинниковых домах какое мастерство имеют, только для своих домовых нужд, а не для посторонних: и таких, також и без писем не записывать, и на сторону без позволения оным делать запретить»¹³. Принципиальным отличием указа от 27 апреля 1722 г. от прежних попыток законодательно закрепить статус городского ремесла было создание института цехов, дающего возможность развития «регулярного» ремесла. Определяющую роль здесь играл спрос, стимулируемый новыми потребностями государства, дворянского сословия и, не в последнюю очередь, быстрым ростом населения города.

Особенностью русских цехов, по сравнению с западноевропейскими, является то, что с введением первых фактически невозможно было добиться их абсолютной монополии, предусматривавшейся указом 27 апреля 1722 г. Об этом говорят недвусмысленные формулировки о том, что «в цехи писать ремесленных всяких художеств и гражданских жителей <...> которые похотят вечно или временно, а в неволю не принуждать». Много споров породило последнее указание, побудившее некоторых историков сделать вывод, что запись в цехи была добровольная. Правомерно полагать, что ремесленник имел возможность выбора записаться в цехи временно или вечно, но никак не освобождался от записи в цехи как таковой. Далее читаем: «<...> явиться того цеха старшине, кто какое художество имеет». Товар должен был иметь два клейма: мастера и ремесленного старшины, без которых товары было запрещено продавать в торговых рядах. За нарушение этого правила один или два раза для старшины предусматривались штрафы, а в третий раз ему грозила ссылка «на галеры». Товары плохого качества приказано

---

¹² Регламент или устав Главного Магистрата // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-1). Т.6. №3708. С.291–309; О цехах // Там же. №3980. С.664–665.

¹³ [О] записке в цехи // ПСЗ-1. Т.6. №4054. С.746. URL: http://www.nlr.ru/res/law_r/search.php

было ломать и уничтожать. Согласно указу, цехи должны были учреждаться первоначально в Петербурге и Москве *из всех* наличных ремесленников¹⁴. Но на деле трудно было даже в новой столице ввести исключительную монополию цехового ремесла. Ее невозможно было добиться ввиду большой гетерогенности русского ремесла и представителей в нем низших и средних социальных слоев: государственных, крепостных и церковных крестьян, посадских и служилых людей «по прибору».

Оговоримся, что в Западной Европе монополии цехов тоже не существовало в чистом виде. Известен феномен внецеховых ремесленников, работавших за стенами города и получивших в немецком языке презрительные прозвища «Böhhnhasе», «Fellnepper», «Husel-» или «Wetschelbäcker», «Schotte», «Hosenkoch», являвшихся синонимами слов «Pfuscher», «Stöhrer» или «Lästerer», что соответствует в русском языке «бракоделу» или «халтурщику»¹⁵. Разнообразие обозначений внецеховых ремесленников говорит о распространенности этого феномена на всей территории Германии, где существовали цеха.

В России конкуренция цеховым мастерам со стороны внецеховых ремесленников носила еще более выраженный характер. Либерализация российского городского права в контексте Грамоты на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г., разрешавшей всем сословиям заниматься ремеслами «для пропитания», создавала неблагоприятные условия для осуществления монополии цехов и делала затруднительным использование в полном объеме привилегий цеховых ремесленников¹⁶. Показательно, что это не помешало некоторым цехам Петербурга достичь временно фактической монополизации ремесла в первой трети XIX столетия. В этой конкурентной борьбе разные виды ремесла сосуществовали, если можно так выразиться, в

¹⁴ ПСЗ-1. Т.6. №3980.

¹⁵ Fikenscher G.W.A. *Beitrag zur Geschichte der Handwerke und Zünfte*. Böse, 1803. S.20; Gronewold E., Ohl G. *Böhhnhasen – Pfuscher – Freimeister: die "handarbeitende Classe" St.Paulis im 19. Jahrhundert*. Hamburg, 1990; Hayme Th., Dietherr M. *Allgemeines Teutsches Juristisches Lexicon*. Leipzig, 1738. S.287; Schade K.B. *Vollständiges Wörterbuch der deutschen Sprache mit Bezeichnung der Aussprache und Betonung für die Geschäfts- und Lesewelt*. Leipzig, 1824. S.58.

¹⁶ Грамота на права и выгоды Городам Российской империи // ПСЗ-1. Т.22 №16187; Ремесленное положение // Там же. №16188. П.120–123, nn.1–117. С.369–379.

«параллельных мирах». И все же нельзя забывать о главной привилегии цеховых ремесленников: ремесленные мастерские и подмастерьев с учениками разрешалось содержать только им, за исключением купцов 1-й и 2-й гильдий, что являлось естественным ограничением для внецеховых ремесленников.

НАРОЖДАЮЩЕЕСЯ «ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ»

Грамота городам 1785 г., составными частями которой были Городовое и Ремесленное положения, и введение общей и шестигласной дум, стали важным шагом в развитии ремеслен-

ного сословия и дальнейшем оформлении его самоуправления, на основе которого произошла консолидация мелких и средних собственников в некоего рода низший слой нарождающегося «третьего сословия»¹⁷.

Примерно с 1850-х годов быть членом цеха стало означать для петербургского ремесленника принадлежность к престижной городской корпорации профессионалов и возможность пользоваться социальными благами, что позволяло ремесленникам укрепиться на социальной лестнице и занять более надежную нишу в городском хозяйстве.

Ремесленники Петербурга образовывали важную социальную группу в экономической жизни города вплоть до их упразднения в 1917 г. Без них промышленное сердце столицы остановилось бы. Число только цеховых ремесленников в XVIII веке выросло с 1 566 человек в 1724 г. до 12 000 человек в 1800 г. В период с 1801 по 1848 г. их число утроилось и достигло 35 000 человек. В последующие два десятилетия, до начала 1870-х годов, увеличения не происходило, а затем снова начался неуклонный рост. Вопреки расхожему мнению об упадке ремесла с развитием крупной промышленности, в Петербурге ремесленников (цеховых в том числе) стало значительно больше именно с началом быстрой индустриализации города и ростом крупной промышленности,

---

¹⁷ Keller A. *Die Zünfte in Russland und die Anfänge der städtischen Selbstverwaltung // Mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum. Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft / Schmidt B. (Hg.). Hamburg, 2006. S.227–231. См. противоположную точку зрения: Brunner O. *Europäisches und russisches Bürgertum // Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. 3. Unveränderte Aufl. Göttingen, 1980; Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland 1760–1870. Rechtliche Lage und soziale Struktur. Köln; Wien, 1986.**

особенно с 1870-х годов. С 30 000 человек в 1868 г. число цеховых ремесленников увеличилось до 51 000 человек в 1886 г. Несмотря на сильный спад в 1887 г. (41 791), цеховое ремесло смогло оправиться, и число ремесленников достигло в 1900 г. 53 400, а в 1910 г. 57 500 человек, причем их общее число достигало 150 000 человек¹⁸.

Петербург для России является символом открытия страны в сторону Западной Европы и городом с долгой традицией международного культурного и экономического обмена. До 1917 г. он занимал одно из важнейших мест во всем регионе северо-восточной Европы, на Балтийском море, был крупнейшим центром ремесленной продукции, причем среди ремесленников Петербурга наблюдалось наибольшее национальное и отраслевое разнообразие¹⁹.

Ремесленники Петербурга были частью экономических связей (каких именно – это отдельная тема: например, в скорняжном и ювелирном деле), распространявшихся на весь северо-запад России, балтийский регион, вплоть до Германии и других европейских государств. Многие из них приехали из разных уголков Центральной, Западной и Восточной Европы. Движение трудовой миграции и обмен опытом осуществлялись не только за счет приезда мастеров, но и за счет странствующих подмастерьев, прибывавших из Гамбурга, Кёнигсберга (Калининград), Риги, Ревеля (Таллинн), Стокгольма и Хельсинки. Славились финские ювелиры, немецкие булочники и колбасники, сапожники и механики, французские и итальянские портные и кондитеры. Поэтому трудно одним словом обозначить идентичность петербургских ремесленников. Здесь можно было встретить иностранных и русских, вечных и временных, цеховых и нецеховых мастеров, крестьянских ремесленников-кустарей, мещан и купцов, занимающихся промыслами²⁰.

С самого начала цехи были разделены на «русские» и «немецкие», причем последние, особенно в первые 150 лет своего существования, были дополнительным источником профессиональных знаний и технологий. Трудно сказать, каково было положение внецехового ремесла до Городового положения 1785 г., разрешавшего ремесленникам-кустарям, иногородним мастерам, мещанам и купцам 3-й гильдии заниматься

---

¹⁸ См.: Keller A. *Die Handwerker...* S.479–484.

¹⁹ *Ibid.*; Юхнева Н.В. *Этнический состав...; Петербург и губерния...*

²⁰ Keller A. *Die Handwerker...*

ремеслами при условии, что они не имеют подмастерьев и учеников, а также мастерской, а только необходимые инструменты²¹. В противном случае они должны были записываться в цех.

Это правило включалось во все законы и положения о цеховых ремесленниках, вплоть до их упразднения в 1917 г. С одной стороны, внецеховые ремесленники создавали цеховым конкуренцию. С другой, – не причиняли последним особого вреда, так как обладали, как правило, низшей квалификацией, благодаря чему во всех технологически сложных ремеслах доминировали цеховые ремесленники. Существовало довольно четкое разделение труда в зависимости от отрасли. В строительном деле, например, преобладали внецеховые ремесленники, в других, с использованием сложных технических приспособлений и машин, – почти исключительно цеховые. Такое разделение труда подтверждает и ежегодная миграция около 100 000 ремесленников-кустарей и сезонных рабочих летом²².

Важно заметить, что дебаты в правительственных кругах и среди технической интеллигенции велись в двух ключах: одни ратовали за полное упразднение цехов, другие – за их модернизацию. Последнее означало уравнение в правах временноцеховых (как правило, иногородних) ремесленников, приписанных к другим обществам, с вечноцеховыми. По мнению «модернизаторов» временноцеховые должны были, внося, как и ранее, цеховые взносы, иметь право голоса на выборах ремесленных голов, старшин и их помощников, пользоваться социальным обеспечением в виде пенсии, допуска их детей к обучению в Александровской ремесленной школе, содержащейся на средства ремесленной управы, к членству в кассе взаимопомощи. Это сделало бы цехи намного более открытыми, что в долгосрочной перспективе означало возможность постепенного реформирования цехов в профессиональные

²¹ ПСЗ-1, Т.22, №16187. См. Пажитнов К.А. Указ. соч. С.81.

²² Ковальченко И.Д. Об особенностях работы по найму помещичьих крестьян России в первой половине XIX века // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965. С.396–397 (Цит. по: Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800–1861 гг.: промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение. Л., 1991. С.120). См. также: Китанина Т.М. Роль крестьянства в формировании промышленных рабочих Санкт-Петербурга в период генезиса капитализма // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1994; Ее же. Рабочее сословие и правительственная политика в первой половине XIX в. // Мавродинские чтения. СПб., 1994. С.161.

ассоциации современного типа: ремесленные объединения (нем. *Innungen*), ставшие наследниками цехов, как это произошло в Германии к середине XIX века. В XX веке это движение привело к возникновению там ремесленных палат (нем. *Handwerkskammer*), регулирующих все вопросы, касающиеся ремесла. Пример Германии здесь закономерен, так как все законодательные начинания и попытки выработки новых концепций организации и реформирования ремесла в XIX веке в Петербурге делались вместе с внимательным изучением и учетом немецкого опыта.

В пореформенное время в Санкт-Петербурге все чаще стали раздаваться голоса цеховых мастеров, старшин и даже ремесленных голов Г.Г.Петровского (1868–1871) и А.А.Иванова (1905–1909) о назревшей необходимости либерализации цехового самоуправления, как этого требовало изменившееся экономическое положение в условиях индустриализации²³. Но эти предложения не были реализованы из-за упорного сопротивления консервативно настроенной части русского правительства и вечноцеховых мастеров. Различие мнений по этому вопросу раскололо цехи, общество и правительство на два лагеря. Их противостояние закончилось поражением либерально настроенных сторонников реформирования цехов. Сословное общество, а значит и ремесленное сословие, должно было сохраниться, составляя, по мнению правительства, одну из главных опор монархии. Это не давало реформистским силам в обществе и правительстве, внутри цехов реорганизовать их по принципам универсальных сообществ, объединяющих своих членов не по сословному, а по профессиональному признаку.

В отличие от 1830-х годов, когда некоторые цехи смогли добиться почти исключительной монополии в своем ремесле, в конце XIX в. ремесленная управа более не препятствовала ремесленникам из других сословий записываться в цехи временноцеховыми. Они не обязаны были более сдавать экзамены на знание ремесла и не ограничивались законом как в содержании учеников и подмастерьев, так и в сбыте своей продукции. Ежегодно в цехи записывалось временноцеховыми несколько сотен ремесленников. Временами число записавшихся доходило до 1 000 человек. Если верить докладу Ремесленной управы, на протяжении нескольких последних десятилетий XIX в. не последовало ни одно-

---

²³ Keller A. *Die Handwerker...* S.147–148, 164–179.

го запрета при основании ремесленной мастерской. Так ли это было на самом деле – трудно сказать. Конфликт между временными и вечными мастерами русских цехов говорит о том, что часть вечных мастеров упорно сопротивлялась в уравнении их в правах²⁴, хотя дебаты среди цеховых ремесленников по этому вопросу начались уже в 1860-е годы.

При абсолютном большинстве временноцеховых ремесленников, их интересы в Ремесленной управе представлялись лишь двумя гласными, в то время как у вечноцеховых имелось 180 представителей. Ремесленная управа оправдывала свои действия, ссылаясь на закон, что общее ремесленное собрание предназначено исключительно для решения словных задач. Временноцеховые же ремесленники формально не принадлежали сословию цеховых ремесленников. Архаичность аргументации вечноцеховых ремесленников была очевидна. Ведь на более низком уровне – в цеховых управах и на собраниях мастеров одного цеха, – временноцеховые участвовали с первыми наравне, более того, занимали на них зачастую доминирующее положение, являясь основными плательщиками взносов в цеховые кассы.

В защиту ремесленной управы необходимо сказать, что в 1883 г. по инициативе собрания депутатов ремесленных цехов управа подавала заявление, предположительно на имя ультраконсервативного министра внутренних дел графа Д.А.Толстого²⁵, об уравнении в правах вечных и временных мастеров. Но их просьба была отклонена²⁶.

Надо заметить, что линия раскола в ремесленном сословии проходила не только между вечными и временными мастерами, но и в самих ремесленных мастерских между мастерами и подмастерьями. Их отношения резко ухудшились, особенно во время и после революции 1905 г. Укрупнение ремесленных мастерских приводило во многих из них к схожим отношениям между рабочими и владельцами заводов и фабрик. Особенно остро цеховое ремесло критиковалось со стороны подмастерьев и рабочих, взгляды которых основывались теперь на социальном

---

²⁴ Мнение С.-Петербургской ремесленной управы по проекту положения об устройстве и содержании промышленных заведений и о надзоре за производством в них работ. СПб., 1897. С.4, 6–7.

²⁵ Витте С.Ю. 1849–1894: Детство. Царствования Александра II и Александра III, гл.15 // Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.1. С.298, 302.

²⁶ Мнение С.-Петербургской ремесленной управы... С.6–7.

учении К.Маркса о якобы непримиримой борьбе классов и принципиальном антагонизме между ними.

Участник Второго съезда ремесленников в 1911 году в Петербурге Б.Богданов писал о результате дебатов, отмечая, что ремесленники не отрицают упадка «старого» ремесла, уменьшения его роли и возникновения «новых общественных отношений». Структурные изменения в ремесле, по его словам, определяли внутренние отношения в мастерских и усиливали поляризацию в ремесле²⁷. Для его статьи были характерны такие понятия, как «классовая борьба», «классовые интересы» и «рабочий класс». Целью борьбы должны были стать отмена цехов и полное освобождение рабочего класса от системы наемного труда²⁸. Острый политизированный тон статьи показывал широкое распространение марксистского учения и социал-демократических идей среди рабочих и ремесленников-подмастерьев. Другой участник съезда, А.Малин, соглашался со своим коллегой, что результат съезда был негативным, так как общее промышленное законодательство решительно отвергалось участниками съезда, ратовавшими за введение ремесленной, а не фабричной инспекции, которую поддерживали названные авторы²⁹. Последнее означало бы упразднение автономии цехов.

Откуда такая непримиримость по отношению к цехам? Среди участников съезда были представители технической интеллигенции и подмастерья, заведомо критично настроенные по отношению к цеховому ремеслу. И все же, несмотря на всю риторику левого толка, характерна резолюция съезда, высказавшегося за сохранение цехов: цеха, ремесленные и цеховые управы, ремесленный голова и цеховые старшины должны были, по мнению большинства мастеров, продолжать свое существование. Это говорит не столько о закоренелом консерватизме цеховых ремесленников и желании сохранить свои привилегии, сколько о доверии к испытанному временем административному и организационному устройству ремесла. В конечном итоге правительству удалось-

---

²⁷ Богданов Б. *Итоги ремесленного съезда* // *Наша заря*. 1911. №2. С.62–75; *Труды второго всероссийского съезда по ремесленной промышленности, протоколы заседания от 17.01.1911 г.* СПб., 1911. С.1–2; Keller A. *Die Handwerker...* S.466.

²⁸ *Труды второго всероссийского съезда...* С.65–66.

²⁹ Малин А. *Второй всероссийский ремесленный съезд* // *Вестник Европы*. 1911. Т.3 (март). С.287–292.

таки «законсервировать» цеховое ремесло и отношения между мастерами и подмастерьями³⁰. Данное обстоятельство не шло на пользу социальному миру в обществе и, прежде всего, самим ремесленникам. Показательно, что мнения Богданова, печатавшегося в рабочей газете «Наша заря», и Малина, публиковавшего свои статьи в журнале либерально-демократического толка «Вестник Европы», – органах печати, стоящих на противоположных идеологических позициях по отношению к так называемому рабочему вопросу, совпадали в своем негативном отношении к цехам. Богданов считал, что имеется два основных расхождения между мастерами и подмастерьями, причем пользовался исключительно термином «рабочий» вместо подмастерья, что указывает на изменившуюся социальную реальность и о поляризации интересов в ремесле:

1. Рабочие высказываются за введение общего промышленного устава. Мастера же голосуют за ремесленный устав.

2. Рабочие – за введение фабричной инспекции. Мастера – ремесленной.

Богданов, как и другие рабочие-делегаты съезда, голосовал за упразднение цехов, что вполне соответствовало духу времени³¹. Несмотря на это, имелся и позитивный результат прений и острой критики, прозвучавшей в адрес цехов на ремесленном съезде в 1911 г. – цеховые ремесленники сознательно брали на себя ответственность за положение дел в ремесле и принимали согласно резолюциям съездов обязательство проявлять больше инициативы³². Многие цеховые ремесленники довольно скептически относились к развитию цехов, так как видели мало возможностей развития в сложившейся системе общественных отношений. Дело было не столько в цехах, сколько в самом обществе, переживавшем острый социальный кризис. Примечательно, что старшина серебряно-позументного цеха, а позже последний ремесленный голова (1914–1917) А.Ф.Иванов высказался на последнем съезде за отмену сословного принципа организации ремесла в пользу профессионального. Он открыто критиковал закрытость ремесленных цехов и ремесленную управу, на содержание которой ежегодно тратилось 40 000 рублей.

---

³⁰ Там же. С.290; Keller A. *Die Handwerker...* S.467.

³¹ Богданов Б. Указ. соч. С.70–71.

³² Малин А. Указ. соч. С.287.

Но не следует забывать, что именно цеховая организация со своим уникальным опытом в самоуправлении была наиболее идеальным фундаментом для таких реформ, где мастера на протяжении десятилетий приобретали навыки в новых демократических практиках. Именно в этом ключе высказал свое пожелание Иванов о трансформации цехов в свободные ремесленные союзы³³. Пример Германии показывает, что в этом направлении двигалось развитие цеховой организации ремесла.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что промышленная политика, основы которой были заложены Петром I, имела своим результатом появление в столицах и крупных промышленных центрах значительного по своей экономической и социальной роли ремесленного сословия. Реформы в области ремесленного производства ориентировались в основном на опыт ремесленных цехов Прибалтики, а также прибрежных городов Северной Германии.

Политика русского правительства с 1722 по 1917 год в отношении ремесленников проводилась в рамках, заданных экономическими и социальными реформами Петра I, предусматривавшего образование развитого городского ремесла, и Екатерины II, городская реформа которой способствовала образованию городских сословий, системы самоуправления и либерализации экономической жизни³⁴. Эта политика может быть признана успешной, если учесть появление в Петербурге к середине XIX века ремесленников-профессионалов как социального слоя и развитого цехового самоуправления³⁵.

Цехи как институт городского выборного сословного самоуправления корпоративного типа, наряду с аналогичными сословными органами городского самоуправления дворян, купцов и мещан, получили свое наибольшее развитие, начиная с первой трети XIX века до 1914 г., в Санкт-Петербурге и Москве³⁶. У цехового мастера, выступавшего в двух

---

³³ Труды второго всероссийского съезда... С.1–2; Keller A. Die Handwerker... S.467.

³⁴ Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб, 1997; Каменский А.В. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 2001.

³⁵ ПСЗ-1. Т.22. №16187. С.369–379.

³⁶ См. о положительном опыте проведения реформ городского самоуправления в XVIII–XIX вв.: Андреев Н.В. История пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург; Пермь, 2003; Галкин П.В. Из российского опыта административного надзора за городским самоуправлением (1870-е гг.) // Новый

ипостасях, вырабатывались демократические практики поведения. Как мастер цеха – он был профессионалом своего дела, как член общества ремесленников – гражданином, принимавшим участие в сословном самоуправлении, где цеховые старшины на собрании цеха, гласные общего собрания цехов и ремесленные головы выбирались посредством тайного голосования.

История российского городского ремесла наглядно показывает, что петровские реформы послужили толчком в преобразованиях, касающихся не только верхушки общества (дворян, именитого купечества, крупных промышленников). В данных трансформационных процессах русского города принимали активное участие ремесленники и сопряженные с ними сословия мещан, среднего и мелкого купечества.

Реформа городского самоуправления Петербурга 1846 г. и введение Общей и Распорядительной думы дали положительный импульс развитию ремесленного самоуправления и способствовали более активному участию ремесленников в жизни ремесленного сословия и городского общества в целом. Этого нельзя сказать о Городовых положениях 1870 и 1892 гг.³⁷, введивших более высокий имущественный ценз, что отсекало от участия в выборах в городскую думу большое число ремесленников. Более того, новые правила не распространялись на временных ремесленников, которые, как и прежде, не могли участвовать в выборах ремесленных голов на общих собраниях цеховых ремесленников, имея лишь два совещательных голоса.

ОТ ТЯЖКОЙ ПОВИННОСТИ К ОСОЗНАННОМУ УЧАСТИЮ

Что же касается участия горожан в органах самоуправления, нужно сказать, что исторические предпосылки для этого были не всегда благоприятными. Негативное отношение населения к любым государственным предписаниям, а тем более к

исторический вестник. 2012. №31. С.60–67.

³⁷ См.: Борисов А.В. Избирательный закон и организация системы выборов по городским положениям 1870 и 1892 годов // *Изв. Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г.Белинского*. 2011. №23. С.326–332; Ионов А.Н. *Отечественная историография городского управления в Российской империи 1785–1870 гг.* // *Вестник Ярославского гос. ун-та им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2011. №4. С.26–29.

участию в органах самоуправления, считавшемуся тяжким бременем, выливалось в пассивное сопротивление широких слоев населения. Будь то выборы в Бурмистерскую палату в Москве 1699 г., выборы в магистраты в 1720-е годы, в городскую думу после 1785 г. или органы ремесленного самоуправления в первой половине XIX века, в большинстве случаев правительство наталкивалось на нежелание ремесленников, считавших ниже своего достоинства участвовать в выборах и общественном самоуправлении. Поэтому указы от 17 января 1721 г. и 28 июня 1731 г. освобождали «заводчиков» и «фабрикантов»³⁸, получивших соответствующее свидетельство от мануфактур-коллегии, от городских служб³⁹.

Это первый признак того, что городское общество долгое время существовало больше формально, на бумаге. Тому подтверждением стал и указ 1824 г., освобождавший купцов первой и второй гильдии от службы в органах самоуправления. Поэтому городская дума состояла почти исключительно из купцов третьей гильдии, мещан и цеховых ремесленников⁴⁰. Не вызывало энтузиазма у цеховых мастеров и высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 февраля 1842 г. об освобождении от телесных наказаний депутатов городской думы, но не

---

³⁸ Понятие ремесленной мастерской, а также ее отличие от фабрики или завода, было довольно расплывчато. В XVIII веке ремесленника, так же как и купца, содержащего расширенную, т.е. более 16 наемных рабочих и мастеров, ремесленную мастерскую, могли назвать «заводчиком» или «фабрикантом», если он находился не в ведении цеха, но мануфактур-коллегии. В фабричном законодательстве XIX века к ремесленным мастерским относились заведения, число сотрудников в которых доходило до 16 человек. Если это число превышалось, сотрудники Статистического отделения при Совете Министерства внутренних дел относило такое заведение к фабрикам и заводам, хотя по сути это оставалась та же мастерская с мастером, подмастерьями и учениками. В данном случае ремесленник переходил в иную категорию городских жителей и должен был записаться в купеческое сословие. Еще предстоит изучить динамику и механизмы перехода из ремесленного сословия в купеческое, трансформацию некоторых ремесленных мастерских в фабрики или заводы и процессы их приспособления к новым условиям промышленной революции последней трети XIX – начала XX века.

³⁹ Дитятин И.И. Указ. соч. Т.2. С.246; Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852. С.202; ПСЗ-1. Т.6. №3710.

⁴⁰ Андреев Н.В. Указ. соч. С.328; Дитятин И.И. Указ. соч. Т.2. С.245.

ремесленников, а лишь купцов третьей гильдии и мещан⁴¹. И все же положение в Петербурге постепенно меняется, особенно после проведения государственной комиссии по проверке немецких цехов под руководством барона Ю.Ф.Корфа в 1842–1854 гг. и введения в Петербурге нового Городового положения 1846 г., в связи с чем наблюдается значительное оживление в собраниях ремесленных мастеров по выборам в органы ремесленного самоуправления, а некоторое время спустя и настоящая борьба «фракций»⁴². Работа этой комиссии стала точкой отсчета, с которой начинается новое осмысление и качественное изменение внутреннего содержания цехового самоуправления.

Комиссия по пересмотру уставов фабричного и ремесленного под руководством А.Ф.Штакельберга в 1857–1862 годах провела сравнительный анализ цехового устройства Германии и России и пришла к выводу о необходимости либерализации ремесла и отмены цехов⁴³. Либеральная позиция Штакельберга и дух демократических реформ определяли во многом его негативное отношение к цехам. Складывается впечатление, что руководитель комиссии после продолжительных путешествий по Европе (в частности, Германии) находился под глубоким впечатлением от повсеместной отмены цехов в Австрии в 1859 г., в Нассау в 1860 г., в Саксонии в 1861 г., в Вюртемберге и Бадене в 1862 году⁴⁴.

Ирония, высказанная Р.Зельником по поводу укрепления системы цехов в России в середине XIX века, в то время как она отменяется в Европе, может быть понятна с точки зрения параллельного и поступательного исторического времени и теории модернизации с «догоняю-

⁴¹ Дитятин И.И. Указ. соч. Т.2. С.158–159. – В законе, в частности, говорилось, что «Государственный совет не может не признать, что на будущее время полезно бы было установить в сем отношении изъятие, дабы возвысить несколько городскую службу и вместе поощрить более граждан к принятию должностей по выборам» (Полное собрание законов Российской империи. Собр.2. СПб., 1843. Т.17. Отд.1. №15206. С.15).

⁴² Российский государственный исторический архив. Ф.1287. Оп.37. Д.92. Л.113–119; Keller A. Die Handwerker... S.85, 132–136.

⁴³ Штакельберг А., Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе // Труды комиссии, учрежденной в 1859 г. для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. СПб., 1865; Keller A. Die Handwerker... S.92–96.

⁴⁴ Zelnik R. Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855–1870. Stanford, 1971. P.119–159, 120–125.

щими» и «опережающими цивилизациями»⁴⁵. Альтернативным к доминировавшей ранее истории индустриализации и крупного промышленного производства⁴⁶ является направление истории ремесла, изучающее малые формы успешного ремесленного предпринимательства, которые не должны заменяться автоматически массовым машинным производством, но, напротив, гармонично дополнять его. Методика, примененная авторами сборника статей, выпущенного Г.-Г.Гауптом в 2002 г., и Р.Зеннетом в книге о ремесле, увидевшей свет в 2008 г., может помочь переосмыслить и оценить по-новому историю развития малого и среднего ремесленного производства Петербурга⁴⁷. Это позволило бы уравновесить роль институций и «роль личности» в истории ремесленного общества Петербурга, исследовать историю повседневности столицы. Ведь до сих пор остаются недостаточно освещенными вопросы взаимодействия между институтами власти и социальными институтами, стратегии мастеров и их подопечных при достижении своих личных целей. Цехи долгое время служили не столько преградой в развитии промышленности, сколько трансмиссионным механизмом, позволявшим смягчать противоречия промышленного развития, решать социальные вопросы и сдерживать какое-то время напор крупного капиталистического

⁴⁵ *Ibid.* P.122.

⁴⁶ Victoria E. Bonnell. *Roots of rebellion; workers' politics and organisations in St. Petersburg and Moscow, 1900–1914*, Berkeley, Calif., 1983; Daniel R. Brower. *The Russian city between tradition and modernity: 1850–1900*, Berkeley, Calif., 1990; Crisp O. *Labor and industrialisation in Russia // The Cambridge Economic History of Europe*. L., 1976. Vol.VII. Part 2; Hildermeier M. *Bürgertum und Stadt in Rußland 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Struktur*, Köln; Wien, 1986; Hogan H. *Forging revolution: (metalworkers, managers and the state in St. Petersburg), 1890–1914*. Bloomington, Indiana, 1993; McKean R.B. *Saint Petersburg between the revolutions: (workers and revolutionaries, June 1907 – February 1917)*. N.Haven, 1990; Pipes R. *Social Democracy and the St. Petersburg labor movement, 1885–1897*. Cambr., 1963; Puttkamer J., von. *Fabrikgesetzgebung in Rußland vor 1905: Regierung und Unternehmerschaft beim Ausgleich ihrer Interessen in einer vorkonstitutioneller Ordnung*. Köln, 1996; Share M. *The Central Worker's Circle of St. Petersburg, 1889–1894: A Case study of the "Workers' Intelligentsia"*. N.Y.; L., 1987; Surh G.D. *1905 in St. Petersburg: labor, society and revolution*. Stanford, 1989; Zelnik R.E. *Op. cit.*

⁴⁷ Haupt H.-G. *Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa // Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich / Haupt H.-G. (Hrsg.)*. Göttingen, 2002. S.9–38; Sennett R. *Handwerk*. Berlin, 2008.

производства XIX века, отметавшего, как ненужные, социальные нормы труда и общежития.

Несмотря на значительный рост роли ремесленного самоуправления, его работа и полномочия жестко ограничивались и регламентировались государством, что задерживало и даже препятствовало его развитию во второй половине XIX в. Проблемы при решении дел, попадавших под сукно государственной бюрократии, могли быть хотя и не быстро, но успешно решены на уровне сословия. Импульсы и предложения цеховых ремесленников доходили до высших коридоров власти: министерства внутренних дел, сената, государственного совета и самого царя, но не встречали там понимания⁴⁸. И все же в интеракции между государственными и городскими властями, с одной стороны, и ремесленного и городского самоуправления, – с другой, росло сословное и профессиональное самосознание цеховых ремесленников, особенно с середины XIX века⁴⁹. Это выражалось в позиционировании цеховым ремесленником себя как профессионала своего дела, активно участвующего в выборах старшин и других членов цехового самоуправления, в жизни городского самоуправления. Среди цеховых мастеров и старшин раздавались голоса не только о преобразовании ремесла и обучения, но проходили жаркие дебаты на собраниях, в том числе и по выборам ремесленного головы, где не оставались в стороне генерал-губернатор Санкт-Петербурга Н.В.Левашов (1866–1871), обер-полицмейстер, позже градоначальник, Ф.Ф.Трепов (1866–1878), градоначальник А.Е.Зуров (1878–1880) и министр внутренних дел П.А.Валуев⁵⁰.

С усилением миграции из села в город в пореформенный период и значительным увеличением числа временноцеховых, назрела острая потребность в реформировании цехов, на что правительство не пошло ввиду своей консервативной политики в отношении сословий⁵¹. Предстояла долгая работа по завоеванию прочных позиций в обществе и

⁴⁸ См. более подробно: Писарькова Л.Ф. *Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998*; Нардова В.А. *Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984*.

⁴⁹ Keller A. *Die Handwerker...* S.379.

⁵⁰ *Ibid.* S.148, 153–156, 172. *О столкновениях с административным аппаратом см.: Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С.8.*

⁵¹ Нардова В.А. *Самодержавие и городские думы...* С.8.

элементарного уважения со стороны властей, видящих зачастую в собраниях ремесленных гласных несанкционированные «сборища»⁵². А ведь развитая цеховая организация столицы имела все шансы стать современным профессиональным объединением ремесленников. Ремесленники Петербурга занимали ведущую роль среди городских ремесленников России за счет, как правило, более высокой квалификации, что было убедительно продемонстрировано на всероссийских ремесленных выставках в Петербурге в 1885 и 1899 годах⁵³.

Не последнюю роль здесь играла близость к учреждениям правительства. Ремесленные съезды в Петербурге в 1900 и 1911 гг. показали, что именно ремесленники столицы были в глазах остальных ремесленников тем адресатом, на которого возлагались надежды по проведению реформ и развитию ремесла. Ремесленниками организуются ремесленные школы, классы рисования, кассы взаимопомощи и общества вспоможения малоимущим ремесленникам. Это объясняет, почему именно в Петербурге первыми и наиболее активными в 1905 году были профсоюзные организации ремесленников, возникали первые кассы взаимопомощи и инициативы по ремесленному образованию, вплоть до бюро помощи ремесленникам в поисках работы, ставшего прототипом бирж труда⁵⁴.

Ремесленное самоуправление давало ремесленникам и представителям других социальных сословий – мещанам и крестьянам – возможность профессионального развития и социального роста, выражения своей гражданской позиции, организации социальных институтов ремесленного образования, благотворительности, потребительских, производственных и ссудных кооперативов. Политическая активность ремесленников до и после 1905 г. привела к появлению политической партии ремесленников, вошедшей в блок с кадетами для артикуляции своих интересов в Государственной думе Российской империи⁵⁵. Потенциал развития цехового самоуправления в сторону современных про-

---

⁵² Там же. С.9; Галкин П.В. Указ. соч. С.62.

⁵³ Keller A. *Die Handwerker...* S.282, 320, 441, 446, 453–454, 457, 467.

⁵⁴ *Ibid.* S.121–194, 235–322, 467–468.

⁵⁵ *Ibid.* S.426 f.; Dahlmann D. *Die Provinz wählt. Russlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912.* Böhlau; Köln u.a., 1996; Von Duma zu Duma. *Hundert Jahre russischer Parlamentarismus Beiträge zur parlamentarischen Entwicklung in Rußland von den Anfängen bis in die Gegenwart / Dahlmann D., Trees P. (Hg.).* Bonn, 2009.

фессиональных и социальных институтов ремесла вплоть до 1914–1917 годов не был реализован до конца.

Революционные события 1917 года помешали развитию ремесленного самоуправления и завершили существование самобытного феномена российской экономической, политической и социальной жизни. Для ремесленника, как самостоятельного предпринимателя и профессионала своего дела в одном лице, не было места в системе хозяйства, построенного по социалистическим принципам. И все же было бы рано ставить точку на существовании всех видов ремесла в новых социальных условиях. Портные, например, продолжали работать в специальных пошивочных ателье, к лучшим из которых принадлежали ателье имени Крупской, располагавшееся на галерее Апраксина двора, или ателье № 1 на Невском проспекте, 51. Но это уже иная история, требующая отдельного исследования.

Наталья Казакова

**МЕДИА-МАГНАТ
ИВАН СЫТИН**

УДК
655

Sytin was one of the most important figures of the publishing business at the end of the 19th and the beginning of the 20th century in Russia. This article gives us not only an analysis of his biography, but also shows the process of the development of the book publishing business and Sytin's key role in it. The personality of the entrepreneur is considered in the complex and difficult historical context.

Ключевые слова: Сытин; издатель; книга; типография; издательство; предприниматель; газета; редакция; «Русское слово»; журналист; Дорошевич; Москва.

Key words: Sytin; publisher; book; printing house; entrepreneur; publishing house; newspaper; editorial office; “Russkoe slovo”; journalist; Doroshevich; Moscow.

E-mail: natkaz2002@yahoo.com

«...человек коммерческий...»

А.П.Чехов

Его происхождение было низким, а образование ничтожным – всего три класса (выходец из крестьянской среды, он так и не закончил школы). В подростковом возрасте четыре года простоял у двери лавки купца Шарапова, будучи мальчиком на побегушках (чистил сапоги хозяину и приказчикам). Он мог стать маляром или продавцом меха, но предпочел торговать более невыгодным на взгляд бывалых купцов продуктом – книгой. «Он принял книгу как товар... навсегда, на всю жизнь поверил в ее "меновую материальную ценность"»¹. И не прогадал – его природное крестьянское чутье не подводило никогда. Через несколько десятилетий оборот его капиталов будет составлять 18 миллионов рублей (огромная сумма для начала XX века), каждая четвертая книга России будет издана в его издательстве, тираж его газеты «Русское слово» будет около миллиона экземпляров, а с пятидесятилетием деятельности издателя лично поздравит государь император. Иван Дмитриевич Сытин – первый медиа-магнат России – не проиграл ни одной сделки в своей жизни. Его психологические установки на личное обогащение не уступали амбициозности его замыслов о переустройстве всего издательского рынка. Жесткие условия развивающегося капитализма в России начала XX века предлагали свои правила игры для предпринимателя нового типа. Необходимы были:

- смелость;
- умение рисковать, никогда не останавливаясь на достигнутом;
- категоричность в принятии решений
- и, самое важное, страстное желание обогащения как главная и неумная страсть жизни.

При таких требованиях предприимчивость безродных выскочек стала далеко превосходить возможности владельцев прежнего (старого) капитала.

Главная проблема любой биографии, как считал Лотман, – становление психологической структуры личности. А для этого необходимо понимание взаимосвязанности и неизбежности разных сторон личностного развития². В Сытине была поразительна его двойственность: с одной стороны – жадность и корыстность, а с другой – искренний аль-

---

¹ Андреев Л. Знаменательный юбилей // Русская воля. 1917. 19 февраля.

² Лотман Ю.М. Чему учатся люди? М., 2009. С.9.

труизм и открытость. Эти взаимоисключающие качества стали основой характера и привели к самым неожиданным результатам в его карьере. «Торговец, но не торгаш», – писал о нем Л.Андреев³. Две встречи не только изменили карьере Сытина, но оказали на него глубокое влияние, – встречи с Толстым и с Чеховым.

«В один счастливый день в лавку зашел молодой человек в изящной дохе и предложил, не хочу ли я издавать для народа более содержательные книжки»⁴. Этим молодым человеком оказался близкий к Л.Н.Толстому человек, ученик и приверженец его идей – В.Г.Чертков. Писатель давно мечтал реализовать свою идею об издании дешевых и доступных для народа произведений. Но все издатели, с которыми он пытался договориться, отказывались начинать столь невыгодное и рискованное дело. Согласился один Сытин, не побоявшийся убытков и просчитавший, сколько выгод (не только коммерческих) ему может принести подобное предприятие. Так появилось в «Товариществе Сытин и К^о» издательство «Посредник», выполнявшее, по мнению Черткова, миссию посредничества между интеллигенцией и народом. Удача «Посредника» была обусловлена несколькими причинами, и прежде всего косвенным участием в этом деле такой личности, как Лев Толстой. Многие известные русские писатели – Гаршин, Короленко, Эртель, Чехов, Лесков, Григорович – отзывались с энтузиазмом на это начинание. Таким образом Сытин стал первым издателем в России, который начал выпуск серьезной и дешевой литературы для народа. А престиж издательства и новые деловые знакомства стали достаточно дорогим приобретением.

Но не все было столь безоблачно: за первые два года удалось выпустить только 37 изданий. Организаторы издательства, как могли, расширяли ассортимент книг. Это была не только беллетристика, но и популярная литература по медицине, сельскому хозяйству, просветительская, духовная литература. Однако общий тираж за первое пятилетие составил лишь 800 тысяч экземпляров – очень мало по сравнению с календарями и лубочной литературой. Развитие производства требовало модернизации издательского процесса, а на это нужны были новые средства. С другой стороны, оборот капитала не соответствовал издательским запросам, и Сытин начал беспокоиться. К тому же общественный резонанс был тоже неоднозначным. Конечно, издательство «По-

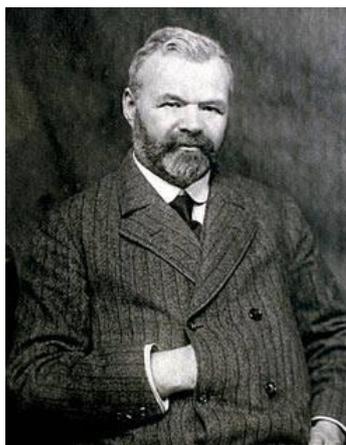
---

³ Андреев Л. Указ. соч.

⁴ Сытин И.Д. Из пережитого // Полвека для книги. М., 1916. С.21.

средник» играло немаловажную роль в просвещении народа. Благодаря ему, темная и необразованная масса крестьянской России стала получать издания, содержащие элементарные знания по медицине, ведению хозяйства, произведения известных русских писателей.

Но далеко не все в русском обществе считали это издательство полезным и необходимым. Н.Лескову не нравилось появление произведений Толстого на Никольском рынке – символе продажи дешевых изданий низкого качества и убогого содержания. Российскую власть раздражала сама идея издания книги для просвещения народа. Так, например, начальник Главного управления по делам печати, ведавшего цензурой, Е.М.Феоктистов писал: «...ничего мерзостнее "Посредника" нет и быть не может. Надо обращать осо-

Иван Дмитриевич Сытин

бое внимание на его деятельность, очевидно, направленную ко злу»⁵. Система, которая противилась любому просветительскому началу для народа, боясь элементарного образования в крестьянской среде, периодически давала о себе знать. Тем не менее Ивану Дмитриевичу удавалось маневрировать между толстовцами, либеральной интеллигенцией, властью и экономическими тревогами. Хитрый Сытин умело использовал свое происхождение, прикидываясь простаком, и это не раз помогало выходить из весьма щекотливых ситуаций. Сотрудничая с толстовцами и Чертковым, он так и не вдохновился философскими идеями этого направления, но приобрел нечто другое: «Благодаря Вам, Вашим наставлениям и указаниям, я понял, что такое литература и что такое значит быть издателем для народа»⁶. А расходы полностью окупились репутацией серьезного издателя, не боявшегося сотрудничать с русской интеллигенцией. Издания «Посредника» стали

---

⁵ Блюм А.В. *Издательство «Посредник» и его читатели // История русского читателя: Сборник научных трудов. Л., 1979. Вып.3. С.72.*

⁶ Сытин И.Д. *Из пережитого. С.24.*

первой ступенью Сытина на пути к славе всероссийского издателя. Второй стало издание газеты «Русское слово».

«Комнату редакционных совещаний "Русского слова" украшает большой портрет А.П.Чехова. Это долг благодарности писателю за само существование "Русского слова"⁷. Случайное знакомство Сытина с Чеховым⁸ стало не только обоюдно выгодным сотрудничеством, но и вылилось в настоящую дружбу. Сытин издавал книги писателя и прислушивался к его советам и рекомендациям, тем более, когда они совпадали с его собственными амбициозными замыслами. Так, Чехов почти при каждой встрече с Сытиным настойчиво призывал его издавать дешевую, общедоступную, народную газету, и, в конце концов, «..он не только убедил, но, – по словам Сытина, – положительно зажег меня»⁹. Этот романтически-возвышенный комментарий не совсем точно определяет замысел его создателя. Сытин давно задумывался об издании собственной газеты. Прежде всего, он считал это коммерчески выгодным предприятием, которое расширит возможности, укрепит влияние в издательском деле и принесет немалую прибыль. Еще до знакомства с Чеховым Сытин обсуждал возможности издания газеты с Толстым и Чертковым, а позже еще дважды подавал прошение об издании в качестве приложения к журналу «Вокруг света» еженедельной газеты с отделом новостей. Но красивая легенда о создании газеты «Русское слово» прочно укрепилась в сознании современников Сытина.

У Сытина не было возможности напрямую приобрести газету: все-таки из-за «Посредника» он считался не совсем благонадежным; к тому же отсутствие образования не позволяло ему быть ее редактором (в отличие от Суворина). Но его любимой поговоркой было «Надо дело делать!», а практическая ловкость и коммерческое чутье верно подсказали выход: он решил приобрести газету через подставное лицо. Свой выбор он остановил на приват-доценте Московского университета А.А.Александрове¹⁰, зная, что среди покровителей последнего не только

---

⁷ Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С.644.

⁸ По воспоминаниям самого Сытина, на Красной площади к нему подошел молодой человек, окликнул и представился – это был молодой писатель Чехов.

⁹ Сытин И.Д. Страницы пережитого. М., 1985. С.183.

¹⁰ Александров Анатолий Александрович (1861–1930), журналист и общественный деятель, редактор журнала «Русское обозрение», член Русского собрания, поэт. Известен своими глубоко консервативными, монархическими взглядами. Закончил с золотой медалью Катковский лицей в Москве, а затем историко-филологический факультет Москов-

редактор «Московских ведомостей» М.Н.Катков, но и обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев. С такими именами можно было рассчитывать получить долгожданное разрешение на издание газеты. И Сытин не ошибся. 15 декабря 1894 года вышел пробный номер ежедневной, политической, общественной, экономической и литературной газеты «Русское слово». Результаты доверия власти к Александрову превзошли все ожидания: газета выходила без предварительной цензуры. Ее главный девиз: «Православие, самодержавие, народность». Эти рамки определили убогость содержания издания, иногда доходящего до шовинизма (в первые годы своего существования издание было консервативно-монархическим). Несмотря на «добропорядочность», газета не вызвала никого интереса у подписчиков. Сытин начал нести убытки. «Мне было грустно и тоскливо. Я чувствовал, что сижу в чужих санях, которые сам же запряг»¹¹. Но он был не из тех, кто останавливается на полпути к достижению своего замысла. Ему необходима была сенсационная газета с большим тиражом, приносящая прибыль. Он был убежден в возможности смены курса издания вместе со сменой ее владельца. Настало время приобрести газету в полную собственность и сменить Александрова.

Сытин целенаправленно стремился к этому и через три года (в 1897 г.) получил свидетельство на право издания газеты «Русское слово». Уже в следующем году тираж начал медленно возрастать¹², а убытки – сокращаться. Но этого Сытину было мало. Он хорошо помнил совет Суворина, который на вопрос Чехова: «Как нужно издавать газету?», – ответил: «Газету? Прежде всего, нужны таланты. Где бы то ни было берите таланты, таланты, таланты»¹³. Сытин хорошо понимал, что для популярности «Русскому слову» нужны громкие имена, необходим настоящий мастер своего дела, профессионал высокого класса, который

ского университета. Был репетитором сына Л.Толстого Андрея. Существует предположение, что именно Толстой рекомендовал Сытину Александрова. При поддержке К.Победоносцева, стремившегося возродить в печати «катковский дух», возглавил редакцию журнала «Русское обозрение». В 1895 году основал газету «Русское слово», которую потом продал Сытину. В годы революции и после нее оказывал гостеприимство и услуги многим известным людям. Умер в эмиграции в Риге.

¹¹ Сытин И.Д. Страницы пережитого. С.188.

¹² Сытин перенес печатание в специально оборудованную типографию, начал издавать приложения к газете.

¹³ Дорошевич В.М. Воспоминания. С.645.

бы возглавил газету, сделал бы ее яркой, интересной, сенсационной и увеличил бы число читателей. Начались поиски способного и талантливого редактора. Неутомимый издатель искал в Москве, ездил в Петербург, по городам русской провинции, был в Одессе. Он мечтал пригласить в свою газету «короля фельетона» Власа Дорошевича (его блестящие злободневные статьи гремели по всей России). Первые переговоры были начаты еще тогда, когда Дорошевич работал в «Одесском листке». Журналист пообещал присылать раз в месяц фельетон, но Сытин просил о переезде в Москву и не отступал в своей просьбе. «Этого нельзя. Я ведь дорогой, – улыбнулся Дорошевич, – я всю вашу газету съем»¹⁴. В данном случае цена не остановила Сытина. Будучи настоящим коммерсантом, он не боялся инвестировать в самые смелые проекты, а приглашение Дорошевича было одним из самых рискованных шагов. Сытин хорошо понимал, что талантливые, яркие люди всегда помимо успеха и денег могут доставлять еще и много проблем, но неутомимого предпринимателя это не сдерживало. Ведь именно такого рода начинания всегда окупались в его деле. Так Дорошевич стал редактором газеты «Русское слово». С его приходом «газета не только ожила, но и засверкала»¹⁵.

Еще во время своих путешествий по Европе и Америке Дорошевич обращал внимание на работу ведущих периодических изданий. Его интересовала не только современная технологическая оснащенность, но, прежде всего, сам принцип работы информационного издания, быстрота реагирования на происшествия, события в стране и за рубежом. Получив от Сытина неограниченные полномочия на управление газетой, Дорошевич сделал упор именно на быстроте и качестве осведомленности читателя в информационном пространстве. Это было грандиозной задачей, с которой он справился блестяще. «Информация, фельетоны, статьи. Вот та тройка, на которой едет "Русское слово"... и первый принцип: "Быть самой осведомленной из русских газет"»¹⁶. Он изменил не только ритм и распорядок жизни в редакции, но и сам принцип доставки материалов. Вместе с увеличением гонораров журналистам, он ввел строжайшую дисциплину и строгую иерархию подчиненных. Так, у каждого из редакторов ведущих отделов был свой кабинет, и никто из посторонних не мог туда войти без доклада, а к самому Доро-

---

¹⁴ Сытин И.Д. *Страницы пережитого*. С.207.

¹⁵ Гиляровский В.А. *«Русское слово»* // Гиляровский В.А. *Москва газетная*. Минск, 1989. С.180.

¹⁶ Дорошевич В.М. *Воспоминания*. С.652.

МЕДИА-МАГНАТ ИВАН СЫТИН

шевичу – так даже и Сытин. Для мелких поручений были наняты мальчишки-рассыльные. Дорошевич почти совсем отменил «корреспонденцию почтой», это не соответствовало ритму газетной жизни, и стал использовать срочные телеграммы и телефонограммы. Редакция не жалела денег на их оплату. Особое внимание обращалось на работу провинциальных и иностранных корреспондентов. «"Русское слово" должно быть уверено, что, где бы что бы ни случилось, оно будет об этом знать. Первым – по большей части»¹⁷. Дорошевич гордился, что газета имела своих авторов во многих уголках русской провинции. Он создал, как сам писал, сеть корреспондентов, покрывающую всю Россию.

Лавка Сытина

У газеты были свои журналисты и во многих европейских центрах. Дорошевич лично занимался подбором людей, соответствующих, как он говорил, «калибру» издания. Несмотря на частые отъезды из России, он внимательно следил за работой информационной службы. В одном из своих писем к Ф.И.Благому Дорошевич отмечает, что в 1906 году «Париж становится центром, в котором решается многое в судьбах Рос-

¹⁷ Там же.

сии»¹⁸, а уже после 1907 года пишет о влиянии Англии: «Лондон теперь стал... еще более важным центром, чем когда бы то ни было»¹⁹. С 1907 года у газеты появились корреспонденты в Брюсселе, с 1908 – в Константинополе и Риме, с 1909 – в Афинах. Информационная служба из-за границы не только обрисовывала картину событий западной жизни, но и представляла «Русское слово» на одном уровне с ведущими изданиями Европы. «Сведения и суждения "Русского слова" – выдержки из статей – передаются по телеграфу представителям крупных органов иностранной печати...»²⁰. Газета стала одним из ведущих информационных изданий России.

Яркость, блестящее владение материалом, незаурядные организаторские способности и нечеловеческая трудоспособность главного редактора «Русского слова» оправдали коммерческие риски Сытина. «Воробыниными строчками» (определение К.Чуковского) Дорошевича зачитывалась вся Россия, а тираж издания неуклонно возрастал. Всего за несколько лет газета превратилась, по меткому определению современников, в «газетного Левиафана». Правда, многих раздражала тематическая «всеядность» и идеологическая беспринципность Дорошевича. Так когда-то его мягко упрекнул Н.К.Михайловский: «...уж очень Вы неуловимы. У Вас будто нет убеждений». Дорошевич мгновенно отреагировал на упрек: «Напротив, Николай Константинович, я нахожу, что у меня их слишком много... каждый день новое»²¹. Но, несмотря на упреки Дорошевичу (в основном со стороны либеральной интеллигенции), именно благодаря его умению, по словам С.Букчина, держать газетную интригу, «Русское слово» стало самым популярным изданием в России. Газету читали все слои населения, она пользовалась неизменным успехом как в среде либеральной интеллигенции, так и среди купечества, крестьянства и рабочих. Немаловажным фактором была и цена. «Русское слово» было одной из самых дешевых газет, годовая подписка стоила 7 рублей. Сытин гордился этой ценой и даже в периоды кризисов старался ее не повышать, хотя сложных моментов в развитии его издательской империи было немало.

¹⁸ Письмо В.М.Дорошевича к Ф.М.Благову. 16.01.1906 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф.259. П.14. Д.1–2. Л.3.

¹⁹ Письмо В.М.Дорошевича к Ф.М.Благову. 31.01.1908 // ОР РГБ. Ф.259. П.14. Д.5. Л.3.

²⁰ Дорошевич В.М. «Русское слово» // Дорошевич В.М. Воспоминания. С.654.

²¹ Дорошевич В.М. Воспоминания. С.301.

В декабре 1905 года началась одна из самых крупных забастовок московских рабочих, к которой присоединились и «сытинцы». Книжная типография стала одним из центров революционной деятельности. Во время перестрелки, завязавшейся между печатниками и солдатами, возник серьезный пожар, который практически полностью уничтожил четырехэтажное здание знаменитого сытинского комплекса. Сам издатель в этот момент ехал в Петербург, спасаясь, по его признанию, от возможного ареста и даже убийства. На вокзале его ожидали журналисты, которых интересовала реакция и отношение Сытина к происходящему в Москве. Позвонив жене и выяснив, что сгорело все, Сытин пригласил репортеров в ресторан – «отметить» это событие и «кутнуть». Демонстрация почти рогожинской лихости отнюдь не означала отсутствия некоей корысти. Конечно, он переживал случившееся, но, как всегда, был уверен, что даже такой катастрофический поворот сможет принести немалые дивиденды его деятельности, и не ошибся. Официальная версия пожара была весьма и весьма туманна. Неизвестно, как начался пожар, но еще более непонятно то, что его не спешили тушить московские полицейские. В ходе судебного разбирательства этот вопрос так и не был выяснен, страховая компания отказалась возместить Сытину даже часть убытков. Но Сытину больше, чем возмещение материального ущерба, нужна была огласка: власть воспользовалась случаем, чтобы нанести ему удар, во-первых, считая его более либеральным издателем, чем он был в действительности, а во-вторых, надеясь подорвать способность к конкуренции. Первое было рекламным подарком для деятельности Сытина, а второе лишь укрепляло его решимость действовать. Он сумел договориться с поставщиками о кредитах и почти через полгода полностью восстановил здание фабрики. Подобный оптимизм и веру в будущее своего дела Сытин черпал в непрерывной деятельности, главным для него было движение вперед к достижению своих коммерческих целей. И на этом пути он победно преодолевал любые препятствия.

За всю историю своей издательской деятельности Сытин принимал участие во многих судебных процессах. «Всякий раз, как правительство возбуждало иск по содержанию книги или брошюры, уголовная ответственность автоматически возлагалась на лицо, имеющее статус издателя»²². Бизнес, а не литература был главной составляющей интересов Сытина. Как правило, он не только не читал издаваемых книг, но даже приблизительно не знал об их содержании. К тому же ежегодно через

---

²² Рууд Ч.Р. *Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин. М., 1996. С.128.*

его книжное издательство проходили сотни рукописей, и прочитать их при такой деловой ежедневной загруженности было просто физически невозможно. Адвокаты умело использовали эти доводы и кажущуюся простоту издателя, его «низкое происхождение» для выигрышей в делах. Сытин мастерски мог казаться «...полуграмотным офеней, чрезвычайно умело прикидывавшимся простаком, чтобы поглубже укрыть острую смекалку, сверхъестественно чужавшую вкусы и потребности окружающей обстановки»²³. Подобная игра часто выручала Сытина в наиболее сложных жизненных ситуациях, его способность договориться, интуитивное чувство собеседника и момента приводили к поразительным результатам. Несмотря на производимое впечатление этакого «простака», Сытин отнюдь не был таким в жизни. Прежде всего, он был жестким предпринимателем, заботившимся о своем деле. Оппоненты Сытина давали ему весьма справедливую, но нелюбезную оценку: «Делая свою карьеру, вы всегда умели приспособляться к требованиям минуты, к запросам времени и рынка. Когда требовался "Бова Королевич", вы подносили народу "Бову Королевича". Когда, по-вашему, нужно было в издаваемой вами газете елейничать и черносотничать, вы и елейничали и черносотничали. Подуло иным ветром, вы стали издавать ходовые красные брошюры. Словом, вы всегда и прежде всего были купцом и заранее учитывали состояние и запросы рынка»²⁴.

В начале XX века «Товарищество И.Д.Сытин и К^о» начинает расправляться с конкурентами. Сначала это была типография Г.В.Васильева, затем – А.Т.Соловьева, а в 1911 году Сытин приобретает контрольный пакет «Контрагентства А.С.Суворина». В 1913 году он покупает большой писчебумажный синдикат, что дает возможность не беспокоиться о ценах на бумагу. За год до революции Сытин выкупает «Московское товарищество издательства и печати Н.Л.Казецкого» и основной пай своего главного конкурента – издательства А.Ф.Маркса. После этого конкурентов практически не было.

В планах Сытина был грандиозный проект – «Дом книги». Предполагалось, что это будет что-то вроде небольшого городка недалеко от Москвы, с печатными предприятиями, с домами для рабочих, со школами, больницей, театром. «Дом книги» был задуман как своеобразный учебный комбинат, в полном смысле «университет книжного дела», с

---

²³ Гессен И.В. *В двух веках. Жизненный отчет*. Берлин, 1932. С.218.

²⁴ *Книжник – фарисей // Москва*. 1909. 6 июля. С.3.

МЕДИА-МАГНАТ ИВАН СЫТИН

«издательским, книгопродавческим и типографским отделениями...»²⁵. Это был широкомасштабный план, который Сытин серьезно обсуждал не только внутри «Товарищества», но и с крупными дельцами и государственными деятелями. Он все делал с размахом, когда дело касалось его замыслов.

Типография Сытина. Москва, Пятницкая улица, 71.

На протяжении своей деятельности Сытин издавал самую читаемую газету России; публиковал почти всё:

- издания классиков и современников;
- учебные издания (его «Букварь» переиздавался около 30 лет);
- детскую литературу;
- журналы;
- календари;
- брошюры разного содержания – от монархических до революционных (печатал Ленина);
- многотомные энциклопедии;
- духовную литературу.

---

²⁵ Динерштейн Е.А. Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С.220.

Обложка и форзац обложки «Детской энциклопедии». Издание 1914 года

В общей сложности издал около 500 миллионов книг и полностью изменил издательский рынок России.

Он был грандиозен в проектах, щедр и одновременно поразительно прижимист в деньгах. В Москве ходили слухи, что знаменитая забастовка рабочих в 1905 году началась из-за Сытина, который решил не платить наборщикам деньги за запястье²⁶; к тому же в его типографии был 12-часовой рабочий день. С другой стороны, Сытин платил своим журналистам самые высокие зарплаты и не скупился, когда дело доходило до гонораров тех, в ком был заинтересован. Однажды он решил оживить книжное приложение к «Русскому слову» и издавать там работы анархиста Кропоткина. Приехав к князю и сделав предложение об издании книг, Сытин сказал, извиняясь, что больше 10 тысяч рублей сейчас заплатить не сможет, но заплатит еще 10 тысяч потом. Кропоткин ответил, что готов на публикацию бесплатно. Сытин изменился в лице и промолчал, а по дороге домой хмуро заметил: «Эх, дура, даже денег не берет за свои книги. Видать, что книги – собачье дерьмо»²⁷.

Сытин работал всю жизнь, не останавливаясь ни на минуту, фанатично отдаваясь служению книгоизданию. Обдумывая и просчитывая

²⁶ В то время набор осуществлялся вручную, и рабочий тратил одинаковое количество времени на букву и знак препинания.

²⁷ Чуковский К.И. Дневник. М., 2011. Т.3. 1936–1969. С.486.

МЕДИА-МАГНАТ ИВАН СЫТИН

каждую сделку, верил в свое дело и всегда оставался победителем. Но не смог просчитать, что власти того народа, к которому сам принадлежал, будет не нужна его романтическая идея просвещения так же, как и его гениальный талант менеджера большого дела. Сделка с большевиками не состоялась. Несмотря на встречи с Лениным и инерцию НЭПа, издательство Сытина было конфисковано, а он сам стал никому не нужным пенсионером. Это было его первым и последним поражением.

Современники вспоминают, что в 1918 году Сытин договорился с властями и добился разрешения для себя звонить в Пасхальную ночь на колокольне Ивана Великого. Несмотря на его радость, звон этот «...при запертом Кремле и безмолвных соборах, производил странное, даже жуткое впечатление»²⁸. Эта иллюзорная радость пасхального звона стала символически последним аккордом в жизни Сытина. Но тогда он еще этого не понял и, обращаясь к новой власти, говорил: «Мне прибыли не надо. Мне бы только работать»²⁹.

---

²⁸ Дурьлин С.Н. *Москва // Встречи с прошлым. М., 2000. Вып.9. С.180–181.*

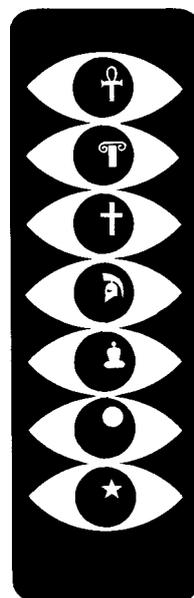
²⁹ Лундберг Е. *Записки писателя. 1917–1920. Берлин, 1922. С.202–203.*

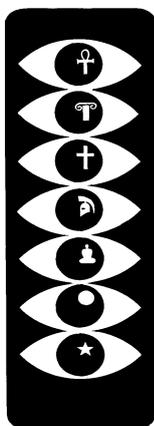
История – совокупность преступлений, безумств и несчастий, среди которых замечаются некоторые добродетели, некоторые счастливые времена, подобно тому как среди дикой пустыни там и сям обнаруживаются человеческие поселения.

Вольтер

Легче завоевывать, чем управлять.
С помощью соответствующего
рычага можно одним пальцем
поколебать мир; но, чтобы
поддерживать его, необходимы
плечи Геракла.

Жан-Жак Руссо

Татьяна Симонова

РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПОРТРЕТУ
СТАНИСЛАВА БУЛАК-БУЛАХОВИЧА**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47)
929

The World War I changed the geopolitical picture of the post-war Europe and encouraged emergence of extraordinary personalities. Stanislaw Bulak-Balakhovich, a guerilla warrior, adventurer, lucky and successful army commander, can be described as one of such figures. War experience he obtained at the frontlines and personal qualities ensured that he was welcomed in armies of several states, including the Russian Empire, the Soviet Russia, Estonia, and Poland. Bulak-Balakhovich made his way from the rank of captain of horses in the Russian Imperial army to the rank of the Polish Republic army general rapidly. He was decorated with Virtuti Militari, the highest Polish order. His attempts to create Belorussian detachments (army) failed because the Polish leaders vigorously suppressed any expression of national self-consciousness on territory under their control. After the Soviet-Polish war ended and the self-contained march to Belorussia failed Bulak-Balakhovich resided in Poland down to the World War II beginning and collaborated with the Polish military command (intelligence and counterintelligence).

Ключевые слова: Первая мировая война; гражданская война в России; советско-польская война; антисоветские формирования в Польше; Польское военное министерство; Балахович.

Key words: The First World War; The Russian Civil War; Soviet-Polish war; anti-Soviet formations in Poland; Polish Ministry of War; Balakhovich.

E-mail: ivansimo@ya.ru

«БАТЬКА-АТАМАН»

Один из самых масштабных вооруженных конфликтов XX века, «Великая война», «Большая война», был результатом глубокого социального, политического, национального – цивилизационного сдвига в планетарном масштабе. В пожаре Первой мировой войны сгорели четыре империи, в ее горниле выплавилась новая система международных отношений (Версальско-Вашингтонская). В ходе войны самое большое и сильное государство мира, Российская империя, была уничтожена. По словам военного министра Англии У.Черчилля, «ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду»¹. Россия постепенно утонула в болоте гражданской войны. Регион кровопролитных боевых действий Первой мировой войны стал пограничьем между Советской Россией и лимитрофами – молодыми, формируемыми союзниками, независимыми республиками. В условиях отсутствия границ две соседние республики – Советская и Польская – вошли в военный конфликт, преследуя собственные геополитические цели.

Эта эпоха сформировала определенный тип личности – военного лидера, партизана, авантюриста. Один из них, «батька-атаман», кавалер польского ордена «Виртути Милитари», генерал Станислав-Мария Бэй-Булак-Балахович привлекает к себе особое внимание. В автобиографической записке он сообщал, что появился на свет 10 февраля 1883 года в деревне Мейшты, близ местечка Видзы Ковенской губернии (современная Витебская область) в семье повара и горничной богатого помещика. Его отцу удалось купить небольшое имение, поэтому детство и юность Станислава прошли в фольварке Стакавиево около города Браслава². Юноша о военной карьере не мечтал, четыре года учился на агронома, работал бухгалтером; с 1904 года до начала Первой мировой войны служил управляющим имения графа Пляттера в Дисненском уезде Виленской губернии. Пользовался авторитетом среди местного населения и выступал арбитром в спорах³. Именно в это время получил прозвище «батька».

¹ Churchill W. *The World Crisis. 1916–1918. N.Y., 1927. Vo1.1. P.227.*

² Літвін А.М. *Генерал Булак-Балаховіч (міфы, фальсіфікацыі, рэальнасць) // Сыны і па-сынкі Беларусі. Мінск, 1996. С.287–288.*

³ Симонова Т.М. *Я зеленый генерал // Родина. 1997. №11. С.36.*

С началом Первой мировой войны братья Балаховичи ушли добровольцами в российскую армию. Вначале Балахович-старший служил во 2-м лейб-уланском Курляндском императора Александра II полку. Но в ноябре 1915 г. его командировали в Отряд особой важности штаба Северного фронта, сформированный по предложению поручика Л.Н.Пунина. Отряд был многонациональным, высококомобильным, совершал вылазки в немецкий тыл⁴. Назначенный командиром эскадрона кавалерии корнет Балахович и сотник барон Р.Ф.Унгерн-Штернберг отличились уже в первых разведоперациях. Бойцы отряда называли себя «рыцарями смерти». К концу войны Балахович получил звание штаб-ротмистра, был награжден шестью орденами⁵ и тремя Георгиевскими крестами⁶. В Послужном списке старшего Балаховича подполковник Пунин отметил «огромную храбрость, решимость, редкую находчивость и предприимчивость»⁷.

15 сентября 1917 г. отряд Пунина был расформирован; в последние недели его существования Балахович «перетянул на свою сторону бойцов» и взял в свои руки кассу отряда. Под командованием «бабки-атамана» оказался «дезорганизованный шумный балаган». Накануне заключения большевиками Брест-Литовского мирного договора отряд был распущен, Балахович пришел в Лугу и был приписан к 4-й Петроградской дивизии. Некоторые авторы пишут о его встрече с Троцким, когда Балахович «убедил» Льва Давидовича «в необходимости форми-

⁴ В отряде было 10 офицеров, все преимущественно Георгиевские кавалеры. В их числе: ротмистр С.Булак-Балахович, его младший брат – корнет Юзеф, сотник барон Р.Ф.Унгерн-Штернберг, корнет Г.Домбровский и другие (См. подробнее: Хорошилова О.А. Всадники особого назначения. М., 2013).

⁵ Орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», тремя орденами Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2-й степени с мечами.

⁶ Внучка командира отряда Л.Н.Пунина, О.А.Хорошилова, опубликовала дневник своего деда и другие материалы из семейного архива. Она ставит под сомнение все награды Балаховича, в первую очередь – Георгиевские кресты, утверждая, что он имел лишь крест 3-й степени (См: Хорошилова О.А. Указ. соч. С.66–67). Однако в Послужном списке Балаховича упомянуты все перечисленные нами ордена. После Октябрьского переворота ему вручили 4-ый солдатский Георгиевский крест на основании постановления общего собрания солдат его эскадрона от 7 ноября 1917 г. (Российский государственный Военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.409. Оп.1. Д.120.017).

⁷ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.120.017. Л.208 об., 209 об., 115.

РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

рования партизанского полка, беззаветно преданного идеалам большевистской революции»⁸. По поручению Л.Троцкого, якобы «связанный по рукам и ногам» его приказами⁹, с апреля 1918 г. Балахович начал формировать 1-й Лужский конный партизанский полк, в который были влиты и остатки польского легиона, разоруженного в Петрограде. В это время с ним связался Б.С.Пермикин¹⁰, потерпевший неудачу в деле воссоздания Русской армии под руководством генерала А.В. фон Шварца (под лозунгом «Армия вне политики») для борьбы с германской оккупацией Прибалтики¹¹.

Отряд Балаховича использовался большевиками для подавления целого ряда антисоветских восстаний и сбора оружия в районе Гдова–Луги. Выполняли эту «работу» балаховцы «с большим рвением и усердием, не разбираясь в истинных причинах того или иного восстания». До конца октября 1918 г. отряд был в составе Красной Армии¹². Однако уже тогда, по мнению Н.А.Корнатовского¹³, Балахович установил контакт с представителями будущей Северо-Западной армии (СЗА), готовя пере-

⁸ Хорошилова О.А. Указ. соч. С.192, 196.

⁹ Łatyszonek O. *Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923*. Białystok, 1995. S.277.

¹⁰ Борис Сергеевич Пермикин – потомственный дворянин, фамилия происходит от названия Пермской губернии. Прошел путь от вольноопределяющегося до генерал-лейтенанта. Фактический материал о нем содержится в незавершенной автобиографии, обнаруженной С.Г.Зириным в собрании документов Института Гердера в Марбурге (См.: Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. Из записок 1912–1959 гг. / Сост. С.Г.Зирин. М., 2011). Человек огромной отваги и мужества, студентом юридического факультета Санкт-Петербургского университета уехал добровольцем (1912) на фронт Балканской войны в Болгарию. В первую неделю Первой мировой войны также ушел добровольцем. И в первом же бою заслужил Георгиевский крест 4-й степени, затем – Георгиевский крест 3-й степени с бантом и крест 2-й степени. Дослужился до чина штабс-капитана (1917), был награжден четырьмя орденами.

¹¹ Гершельман А.С. *В рядах добровольческой Северо-Западной Армии: Вооруженная борьба с III-им Интернационалом, 1919 год*. М., 1997. [Ч.] 1. С.46.

¹² Кручинин А.С. «От Двуглавого орла к Красному знамени»... и из-под Красного знамени к Белому Кресту: С.Н.Булак-Балахович в 1918–1919 годах // *Война и оружие. Новые исследования и материалы: Международная научно-практическая конференция, 12–14 мая 2010 года*. СПб., 2010. Ч.1. С.378.

¹³ Корнатовский Н.А. *Борьба за Красный Петроград*. URL: http://chapaev.ru/books/6/Kornatovskiy-Nikolay-Arsenevich_Borba-za-Krasnyy-Petrograd/4 (дата обращения: 12.06.2013).

ход к ним. В конце октября – начале ноября подъяесаул Б.Пермикин¹⁴, ротмистр Балахович и капитан 2 ранга Д.Д.Нелидов перешли на сторону «белых» одновременно с матросами флотилии Чудского озера¹⁵. База формирования и штаб Северной армии находились в Пскове, первым туда прибыл Б.Пермикин – 27 октября¹⁶, Балахович прибыл 2 ноября 1918 г. Он потребовал себе чин ротмистра, амнистию отряду и сохранение его целостности, офицерские чины для своих командиров в обмен на обещание привести с собой 500 штыков, 200 сабель и 8 конных орудий¹⁷. Балахович и его соратники пришли в Псков с крупными суммами денег. Личный состав отряда был «хорошо одет и снаряжен», лошади были «прекрасные»¹⁸. К концу ноября в составе партизанского отряда Балаховича, приписанного теперь уже к Северной армии, насчитывалось 800 «шашек»¹⁹.

**ОТ «КРАСНЫХ» К «БЕЛЫМ»,
ОТ РОТМИСТРА К ГЕНЕРАЛУ...** Балаховцы предприняли неудачную попытку сделать своего командира командующим армией, но ее личный состав поддержал полковника Г.Г. фон Неффа, занимавшего этот пост. В ходе отступления под натиском Красной Армии Балахович был произведен в подполковники. Поскольку британский консул в Риге отказал «белым» генералам в поддержке, Северная армия перешла в подчинение эстонского командования и была переформирована в Северный корпус, под временным командованием полковника

¹⁴ Пермикин командовал одним из эскадронов 3-го Петроградского кавалерийского полка 3-й Петроградской дивизии. Ротмистр Балахович увел с собой остальные эскадроны этого полка (См: Корнатовский Н.А. Указ. соч.).

¹⁵ Во главе с капитаном 2-го ранга Д.Д.Нелидовым на сторону формировавшейся Северной армии из советской базы Раскопель ушли пароходы «Ольга», «Ермак» и «София» (См. подробнее: Широкопад А.Б. Великая речная война. 1918–1920-е годы. М., 2006).

¹⁶ Кручинин А.С. С.Н.Булак-Балахович и балаховцы в борьбе за Псков осенью 1918 г. Доклад на IV Международной научно-практической конференции «Война и оружие» в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. С.8 (Рукопись статьи предоставлена ее автором). С.10.

¹⁷ Симонова Т.М. Я зеленый генерал. С.37.

¹⁸ Белое дело. Летопись белой борьбы / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1926. Кн.1. С.129–130.

¹⁹ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921. С.134.

А.Ф.Дзержинского, затем, после заключения 6 декабря договора с командованием эстонской армии, – генерала Й.Лайдонера²⁰.

Отряд Балаховича действовал в это время на берегу Чудского озера, между Мехикормом и Перрисаром. Он отбил весеннее 1919 года наступление большевиков, более того, красноармейцы были отброшены за Чудское озеро. Эстонское командование высоко оценило и удачный набег Балаховича на советскую базу Раскопель²¹ и на Гдов, откуда Балахович привез 9,5 млн. рублей, богатое военное снаряжение и продукты. Эстонское командование в планах готовящегося наступления поставило перед Балаховичем задачу взятия Гдова и базы Раскопель, с которой он справился блестяще²².

Эстонская армия взяла Псков, а 25 мая Балахович был приглашен на должность начальника города. Он стал единоличным правителем, упразднил земскую управу²³, и ввел публичные казни на фонарях в центре Пскова. 19 июня Северный корпус вышел из подчинения эстонского командования, подчинившись Н.Н.Юденичу²⁴. 23 июня Н.Н.Юденич посетил Псков, высоко оценив военные качества отряда Балаховича и крайне низко – моральные, назвав его «преступником»²⁵.

С Северо-Западной армией польское военное командование развернуло тесное сотрудничество. Еще в мае 1919 г. Юденич подписал соглашение²⁶, по которому поляки взяли на себя обязательство выявлять военнопленных и интернированных, желающих воевать на стороне белых, и содействовать отправке их в армию Юденича. Вербовку про-

²⁰ Там же. С.16.

²¹ Трофеями отряда стали 3 автомобиля, радиостанция, 11 пулеметов, 4,5 млн. думских рублей и керенок, табак и папиросы (Барков М.Н. Воспоминания о Северо-Западной армии и моя служба в ней // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.5881. Оп.2. Д.239. Л.23, 23 об.).

²² Были награждены многие командиры, в частности, командир Талабского полка Б.Пермикин за успешные действия на Нарвском и Петроградском направлениях был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами (Пермикин Б.С. Указ. соч. С.12).

²³ Булахович даже выпустил фальшивые керенки.

²⁴ Юденич назначен на эту должность в июне 1919 г. Верховным правителем России и главнокомандующим «белой» армией адмиралом Колчаком.

²⁵ Барков М.Н. Указ. соч. Л.60.

²⁶ Juzwenko A. Polska a "biała" Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920 r.) Wrocław, 1973. S.190–192.

водили русские агенты в лагерях военнопленных на территории Польши. Представителями Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) и армии Юденича в Польше были князь К.А.Ширинский-Шихматов и ротмистр Г.А.Гоштофт (миссия Северо-Западной армии в Польше). Из Польши прибыло около 3-х тысяч добровольцев, их зачислили в отряд А.П.Ливена. Князь Ливен вспоминал: «...чины этого отряда были необу-ты, неодеты, жалования не получали». Обмундирование было закуплено на средства из латвийского казначейства. К началу июня 1919 г. численность отряда князя А.П.Ливена в Латвии возросла с 250 до 3 500 человек²⁷.

С 1 апреля 1919 года в Варшаве приступила к работе французская военная миссия под командованием генерала П.Анри, возглавлявшего ее до 30 сентября 1920 года²⁸. Военное ведомство Польши предписало освобождать пленных красноармейцев, добровольно сдавшихся в польский плен, чтобы они вступали в Русский добровольческий легион или отправлялись в «небольшевистскую Россию»²⁹.

Военный атташе Польши в Финляндии М.Пожерский сообщал 23 июня в главное командование польской армии о присутствии в Эстонии отряда Балаховича численностью от 1 500 человек и наличии в нем 250 поляков³⁰. Балахович обратился через атташе в польское правительство и выказал готовность «действовать в соответствии с указаниями польских властей». Об использовании отряда Балаховича в военных целях речь не шла, однако военное командование Польши

---

²⁷ Ливен А. Основание отряда // *Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., научн. ред., предисл. и коммент. С.В.Волкова. М., 2003. С.32, 48, 52.*

²⁸ *Французская военная миссия в Польше (1919–1939) в составе 400 офицеров официально являлась консультативным органом и имела задачу подготовки национальной польской армии (См. подробнее: Schramm T. Francuskie misje wojskowe w państwach Europy środkowej 1919–1938. Poznań, 1987; Guelson F. Le capitaine de Gaulle et la Pologne (1919–1921) // Charles de Gaulle, la jeunesse et la guerre 1890–1920. Plon, 2001; Maliszewski L. Louis Faury (1874–1947): entre gloire et oubli // Revue historique des armées. 2010. №260).*

²⁹ *Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.; СПб., 2004. С.63.*

³⁰ *Сообщение Военного атташе в Финляндии полковника М.Пожерского в главное командование польской армии от 23 июня 1919 г. // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.308 к. Оп.9. Д.645. Л.11.*

РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

придумало оригинальный ход³¹. 22 июля Пожерский обратился к Балаховичу: «Общая ситуация требует, чтобы г-н полковник оставался под прежним командованием. Пока у нас с добровольческой российской армией общий фронт, служба г-на полковника в российской армии будет рассматриваться нами как служба на благо нашей страны».

Атташе от имени польского командования высказал пожелание использовать в командовании Польско-Белорусским фронтом (генерал-лейтенант Станислав Шептицкий в Вильно) офицера для связи, рекомендованного Балаховичем (обязательно – поляка). Военный атташе запросил точную информацию о группе поляков в отряде³² и подчеркнул, что в состав польской армии могут войти только регулярные части, предварительно выведенные с фронта и переформированные в соответствии с требованиями, существующими в армии Польши. Связь Балаховича с польским военным атташе осуществлялась через эстонский генеральный штаб.

Этим событиям предшествовала «конференция» под руководством главы военной миссии союзников в Прибалтике британского генерала Х.Гофа 7 июля 1919 г. Речь шла о взятии Петрограда и «вовлечении в эту акцию финских войск»³³. Отряд Балаховича насчитывал уже 3 000 человек³⁴. После очередного удачного набега младшего брата

---

³¹ Телеграмма из второго отдела главного командования Польши Военному атташе в Финляндии полковнику М.Пожерскому от 16 июля 1919 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.645. Л.11 об.

³² Информация о поляках должна была включать следующие сведения: «1. Общее число; 2. Возраст (группы); 3. Место рождения (округ); 4. Где находятся родственники; 5. Выделены ли поляки в отдельную военную единицу; 6. Число офицеров и низших офицеров; 7. Число пехоты и конницы; 8. Цель вступления в отряд г-на полковника (борьба за отчизну, личное доверие к г-ну полковнику, поиск впечатлений и т.д.); 9. моральная ценность поляков в отряде г-на полковника (могут ли поляки из отряда г-на полковника пополнить польскую военную единицу; есть ли поляки, непригодные к Военной службе)» (См.: Телеграмма Военного атташе полковника М.Пожерского Балаховичу от 22 июля 1919 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.645. Л.12).

³³ По информации полковника М.Пожерского, генерал К.Г.Маннергейм заявил, что Финляндия не предпримет каких-либо шагов против Петрограда, «пока Коалиция не признает во всей полноте независимость Финляндии и не будет гарантировать целостность ее границ» (РГВА. Ф.308 к. Оп.1. Д.647. Л.10).

³⁴ Военно-информационный рапорт Военного атташе Польши в Финляндии полковника

Юзефа на батарею большевиков, Станислав Балахович в конце июля 1919 г. получил звание генерал-майора. Он заявил о намерении дойти до Петрограда и даже до Москвы, т.к. его поддерживали эстонцы и союзные миссии в Эстонии. Неизбежным стал его конфликт с командующим Северным корпусом генерал-майором А.П.Родзянко, который с 1 июня официально вступил в эту должность и был предупрежден телеграммой Юденича о том, что союзная миссия назначила Балаховича командиром корпуса (Балахович, впрочем, метил выше). Для стабилизации ситуации полковник Пермикин получил «категорическое приказание» Юденича арестовать ряд чинов штаба Балаховича, разоружить его личную сотню и «взять Балаховича под охрану»³⁵. Балаховича арестовали 23 августа³⁶, но после заявления о сдаче им командования – отпустили. После этих событий эстонское командование сняло свои части с фронта, поскольку крайне негативно оценило арест Балаховича. Его отряд постоянно пополнялся дезертирами из Северо-Западной армии, терпевшей неудачи от большевиков, и в середине августа насчитывал около 8 тысяч шашек³⁷.

25 августа Красная Армия заняла Псков³⁸.

М.Пожерского от 22 июля 1919 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.1. Д.647. Л.9.

³⁵ *Письмо полковника Б.С.Пермикина генерал-майору Булак-Балаховичу. Без даты // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University. Stanford. B.I.Nicolaevsky Collection. 128–8. – Документальные материалы из коллекции Б.И.Николаевского в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете представлены автору профессором Торуньского университета им. Николая Коперника З.Карпусом (Польша).*

³⁶ *Пермикин Б.С. Указ. соч. С.12.*

³⁷ *Военно-информационный рапорт о российской «белой» армии военного атташе в Финляндии М.Пожерского от 15 августа 1919 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.647. Л.42.*

³⁸ *Донесение военного атташе в Финляндии полковника М.Пожерского в главное командование польской армии от 28 августа 1919 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.647. Л.54. – В исторической литературе имеет место иное название этой военной части – «Особый отряд БНР в Прибалтике» (См.: Генерал Станислав Булак-Балахович в 1939 году / Публ. А.Кручинина и П.Мицнера // Новая Польша. 2010. №7–8. С.69).*

**ВО ГЛАВЕ «БЕЛОРУССКОГО
ОТРЯДА»**

26–27 августа 1919 года по инициативе и под руководством представителя миссии союзников в Прибалтийских государствах британского генерала Ф.Марша состоялась встре-

ча представителей антибольшевистских военных сил Северо-Запада³⁹. На ней было подписано соглашение о разделе антибольшевистского фронта между участниками встречи. Начало общего наступления было назначено на 15 сентября, однако вследствие взаимных противоречий сторон соглашение не было реализовано⁴⁰.

В сентябре 1919 г. представлявший правительства Колчака и Деникина в Париже С.Д.Сазонов⁴¹ обратился в посольство Польши с предложением создать представительство в Варшаве «с официальным наименованием специальной миссии». 18 сентября миссия начала работу⁴².

МИД Польши поставил вопрос об условиях возможного соглашения с А.И.Деникиным. К командующему Вооруженными силами юга России прибыл глава польской военной миссии А.Карницкий. Деникин вспоминал: польский представитель должен был «настаивать перед командованием Юга на границах "Великой Польши", обнимающих Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию и Волынь». Деникин подчеркивал также: Франция серьезное внимание уделяла лишь одной Польше и только для ее спасения «вступила впоследствии в более тесные отношения с командованием Юга в финальный, крымский, период борьбы»⁴³.

В конце сентября 1919 г. командование Польши начало переговоры с командованием Северо-Западной армии по вопросу о координации совместных действий против большевиков. Представители Колчака и Юденича были направлены в Варшаву. Туда же 2 октября прибыл заведующий Отделом внешних сношений СЗА полковник К.А.Крузенштерн, «с целью проинформировать о положении на русском

³⁹ Латвия, Литва, Эстония, Польша, Н.Н.Юденич и П.Р.Бермодт.

⁴⁰ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. М., 1964. Т.2. С.137.

⁴¹ *Сергей Дмитриевич Сазонов – в 1910–1916 годы министр иностранных дел Российской империи. В 1918–1920 – член Политического совета (Париж)*.

⁴² *Документы и материалы...* Т.2. С.314.

⁴³ Деникин А.И. *Поход на Москву // Белое движение: начало и конец*. М., 1990. С.267.

Северо-Западном фронте» и провести вербовку русских для «усиления армии Юденича и Ливена»⁴⁴.

В октябре 1919 г. стало ясно, что армия Юденича потеряла возможность сопротивляться. 17 октября польский военный атташе в Финляндии рапортовал о планах эстонского главного командования и армии Юденича создать новые формирования по типу отряда Балаховича⁴⁵. В тот же день он сообщал в Варшаву: «Юденич дезорганизован»; Северо-Западное правительство⁴⁶ ведет переговоры с главным военным командованием Эстонии о переформировании Северо-Западной армии⁴⁷. На следующий день генерал Балахович уже был «принят генералом Лайдонером в эстонскую армию и носил ее мундир». Лайдонер разрешил Балаховичу «создавать добровольческие отряды из русских» при общем подчинении командованию 2-й Эстонской дивизии⁴⁸. Отряд Балаховича располагался в Верро, подчинялся командованию Эстонии и получал от него содержание и вооружение. В этот период в отряде числилось всего 600 штыков и имелось 4 пушки⁴⁹. Б.Пермикин также входил в контакт с полковником Пожерским и был в Польше с письмом от него⁵⁰.

В октябре 1919 г. Пилсудский издал декрет о создании белорусских отрядов («Белорусской военной комиссии»)⁵¹, но для этого не было условий. Если к «белорусу и католику»⁵² Балаховичу польское военное командование проявляло интерес, уделяя ему пристальное внимание, то

⁴⁴ *Документы и материалы...* Т.2. С.349, 367.

⁴⁵ *Военно-информационный рапорт о российской «белой» армии польского военного атташе в Финляндии М.Пожерского от 17 октября 1919 г.* // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.647. Л.105.

⁴⁶ *Коалиционное правительство, сформированное 11 августа 1919 года в Ревеле на совместном заседании представителей политических партий России и командования союзников при содействии представителя английской военной миссии генерала Марша.*

⁴⁷ *Донесение военного атташе в Финляндии полковника М.Пожерского в главное командование польской армии от 17 октября 1919 г.* // РГВА. Ф.308 к. Оп.1. Д.647. Л.105.

⁴⁸ РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.647. Л.105–107.

⁴⁹ *Донесение военного атташе в Финляндии полковника М.Пожерского в главное командование польской армии от 18 октября 1919 г.* // РГВА. Ф.308 к. Оп.1. Д.647. Л.107.

⁵⁰ *Пермикин Б.С. Указ. соч. С.20. – В тексте воспоминаний фамилия польского военного атташе искажена: «Пашерский».*

⁵¹ *Литвін А. Указ. соч. С.300.*

⁵² *Так С.Н.Булак-Балахович охарактеризовал себя в разговоре с З.Гитциус (Симонова Т.М. Я зеленый генерал. С.36).*

политические и военные планы русских белых генералов не вписывались в планы поляков⁵³. Для решения русского вопроса, полагал Пилсудский, есть только две силы – «Польша и Германия»⁵⁴.

Однако в Лондоне придерживались другого мнения. Падеревский⁵⁵ сообщал в МИД Польши: «Сейчас все изменилось, все считаются с большим успехом (Деникина. – Т.С.) ... В случае малейшего столкновения с войсками Деникина наши отношения с Антантой будут порваны». Начальник польской военной миссии в Париже Т.Розвадовский также сообщал в Варшаву, что английские и, в первую очередь, французские круги «весьма встревожены» назревающим конфликтом поляков с Деникиным⁵⁶.

Руководство Польши исходило из установки, что если «Деникин хочет идти на Москву, то он должен перед этим договориться с нами». Они были убеждены: после захвата власти в Москве лидеры Белого движения потребуют вывода польских войск из Литвы, Белоруссии и других территорий, занятых войсками Польши, в первую очередь, из тех, которые до 1 августа 1914 года не входили в состав Привислинского края Российской империи. В этот момент главное командование Антанты потребовало выдвижения польской армии в направлении на Витебск и Смоленск, что могло бы облегчить наступление Деникина на Москву и способствовать восстановлению армии Колчака. В ответ военный министр К.Соснковский затребовал от французского правительства «срочную и активную помощь»: «обеспечение войск одеждой и снаряжением», «создание достаточных резервов боеприпасов», «улучшение транспорта» к марту 1920 г. Польская военная элита тесно увязала необходимость антисоветского фронта, который «может быть в любой момент прорван по всей линии»⁵⁷, с требованием военной помощи со стороны Англии.

Сотрудничество с Англией было возможно, если «отвечало бы» польским интересам⁵⁸, поляки являются силой, «готовой предпринять в

⁵³ *Вопрос о Восточной Галиции и Холмщине А.И.Деникин решал не в пользу поляков. В данной ситуации он рекомендовал продвинуть польские войска к Мозырю и верхнему Днепру.*

⁵⁴ *Документы и материалы... Т.2. С.345.*

⁵⁵ *В 1919 г. занимал пост премьер-министра, министра иностранных дел Польши.*

⁵⁶ *Там же. С.331, 336.*

⁵⁷ *Там же. С.330; 416; 339–340; 357.*

⁵⁸ *Там же. С.358.*

согласии с Англией цивилизаторскую работу в России»⁵⁹. Англичане поддерживают Деникина и Юденича для того, чтобы «опередить всех конкурентов в эксплуатации русских богатств»⁶⁰.

1 октября 1919 г. польский посланник в Лондоне Е.Сапега сообщал в Варшаву, что Деникин будет получать помощь от союзников «только в течение нескольких недель». Если же «он до зимы не сумеет занять Москвы, то всякая помощь ему будет прекращена и вопрос о России будет полностью снят». Тогда Польша, несомненно, оказалась бы в центре всех восточноевропейских дел⁶¹. Пилсудский не только не выдвинул армию в направлении на Витебск и Смоленск, но и приостановил наступление. Благодаря этому Главное командование Советской республики смогло перебросить против Деникина дополнительно до 43 тысяч штыков и сабель⁶², что позволило остановить продвижение его армии в сторону Москвы.

Пилсудский получил от Деникина титул «спасителя большевизма в России», но добился своего: в глазах союзников Деникин перестал быть его потенциальным политическим конкурентом. По образному выражению генерала А.А. фон Лампе, Пилсудский бросил Советской республике «якорь спасения, на котором удержалась Советская власть»⁶³. Позже Деникин пришел к выводу о том, что Пилсудский и большевики заключили тайный договор⁶⁴. Архивные документы и исследования отечественных историков свидетельствуют в пользу этого утверждения⁶⁵.

⁵⁹ Польское общественное мнение левого крыла (социалисты и левое крыло партии народных демократов – «эндеков») пребывало в убеждении, что Антанта возложила всю тяжесть борьбы с большевиками на Польшу, не оказывая ей достаточной поддержки. (См.: *Документы и материалы...* Т.2. С.359).

⁶⁰ *Документы и материалы...* Т.2. С.369.

⁶¹ Там же. С.348.

⁶² Деникин А.И. *Поход на Москву («Очерки русской смуты»)*. М., 1989. С.101.

⁶³ Лампе А.А. *Причины неудачи вооруженного выступления белых // Пути верных. Париж, 1960. С.49.*

⁶⁴ Деникин А.И. *Кто спас Советскую власть от гибели // Деникин А.И., Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С.5; Его же. Польша и Добровольческая армия. Париж, 1926; Фон-Валь Э.Г. Как Пилсудский погубил Деникина. Таллинн, 1938.*

⁶⁵ Михутина И.В. *Польско-советская война. 1919–1920 гг. М., 1994. С.284. См. также: Dokumenty i materiały do historii stosunkow polsko-radzieckich. Warszawa, 1961. Т.2. S.388; Tajne rokowania polsko-radzieckie w 1919 r. materiały archiwalne i dokumenty. Warszawa,*

Советский партийный деятель, Ю.Мархлевский сообщал Г.В.Чичерину 19 октября, что «неофициальный представитель Польши» во время секретных переговоров с ним категорически заявлял: «поляки наступать не будут» и «желают разгрома Деникина». Советский военачальник Н.Е.Какурин также был убежден, что «противоположность целей» Деникина и Пилсудского⁶⁶ стала причиной бездействия последнего в ответственный момент противостояния Красной и Белой армий⁶⁷. После разгрома Деникина Красной Армией Пилсудский планировал не только захват Украины, но и готовился превратить Польшу в черноморскую державу⁶⁸.

В конце октября 1919 г. Великобритания прекратила военную помощь Белым армиям. Принявший должность министра иностранных дел Великобритании У.Черчилль добился исключения только для Деникина на период до конца его осенней кампании. Английские политики были готовы рассматривать создание федерации из новообразованных государств во главе с Польшей⁶⁹. В ноябре 1919 г. разбитая Северо-Западная армия отступила на территорию Эстонии.

В начале ноября 1919 г. союзникам стало ясно, что расчет на успех армии Колчака в Сибири несостоятелен⁷⁰. В начале декабря началась эвакуация польских частей из Сибири. Генерал П.М.Жанен, командующий группировкой союзных сил в Сибири, отводил Войску Польскому роль «арьергарда всех союзных войск»⁷¹. 6 ноября Пилсудский в беседе

1986. С.204–205.

⁶⁶ Выдержка из телеграммы Ю.Мархлевского народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В.Чичерину от 19 октября 1919 г. о переговорах с капитаном Бернером опубликована Ю.В.Ивановым (Иванов Ю.В. Очерки истории советско-польских отношений в документах 1917–1945 гг. // Наш современник. 2003. №10. С.181).

⁶⁷ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1990. Т.2. С.288–289.

⁶⁸ Зубачевский В.А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы (1917–1923 гг.): Геополитический аспект. Омск, 2005. С.55.

⁶⁹ Документы и материалы... Т.2. С.373.

⁷⁰ Начальник польской Военной миссии в Сибири майор Окулич доносил в польское Военное министерство, что деморализованной и плохо одетой сибирской армии Колчака «грозит полное поражение», усиливается японское влияние, растут симпатии к Германии, а «отношение к полякам недружественное» (Документы и материалы... Т.2. С.379).

⁷¹ Висьневский Я. Войско Польское в Сибири в революции и гражданской войне в России // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. Сборник статей польских и российских исследователей. М., 2009. С.247.

с британским посланником в Варшаве Г.Румбольдом дал ему недвусмысленно понять, что Англия занимает позицию, невыгодную для Польши: «Польша должна сама себе помогать и сама договариваться с кем найдет нужным»⁷².

Многие из интернированных в Эстонии солдат и офицеров армии бежали из страны. Российский посланник в Швеции К.Н.Гулькевич сообщал: «...здоровые солдаты уходят сотнями к большевикам, которые ведут открытую пропаганду. ...офицеры группами, своими средствами уезжают к Деникину, на Мурман, в Германию, к авантюристу Балаховичу»⁷³.

19 ноября Советская Россия подписала мирный договор с Литовской республикой и заключила с тремя балтийскими государствами соглашения о репатриации заложников, беженцев и пленных. Руководство Эстонской республики приступило к подготовке переговоров о мире с Советской Россией. Договор о перемирии и приостановке военных действий между армиями РСФСР и Эстонской демократической республики от 31 декабря 1919 г. запрещал «пребывание на своей территории каких-либо войск, кроме правительственных», «вербовку и мобилизацию личного состава в ряды армий государств, с которыми заключены военные конвенции».

В армии Юденича началась паника. 20 января 1920 г. военный агент ВСЮР в Стокгольме сообщал генералу Е.К.Миллеру о формировании Балаховичем войск «под эгидой эстов у Мариенгофа»⁷⁴. Балахович предпринял попытку арестовать с целью «шантажа и вымогательства» генерала Юденича, сдавшего дела П.Н.Глазенапу и готового к выезду в Гельсингфорс. В ночь на 28 января Балахович с группой офицеров «при попустительстве эстонских властей»⁷⁵ со второй попытки арестовал генерала Юденича и отправил его на специальном поезде в Юрьев. Однако к 10 утра ему пришлось освободить генерала: французская и английская миссии заявили, что покинут территорию Прибалтики. Поезд с

---

⁷² *Документы и материалы...* Т.2. С.381.

⁷³ ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.123. Л.42.

⁷⁴ *Секретная телеграмма военного агента в Стокгольме на имя генерала Е.К.Миллера из Стокгольма от 20 января 1920 г.* // ГАРФ. Ф.17. Оп.1. Д.52. Л.21.

⁷⁵ *Телеграмма руководителя службы военно-морской разведки в Лондоне А.А.Абазы из Ревеля в Стокгольм послу Временного правительства К.Н.Гулькевичу от 28 января 1920 г.* // ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.13. Л.495.

Юденичем был задержан эстонскими властями и отправлен в Таллинн⁷⁶. Эта операция принесла Балаховичу более 227 тысяч фунтов стерлингов, 250 тысяч финских марок и 110 миллионов эстонских крон из армейской казны, которые были направлены на выплату офицерам и солдатам отряда и на его личные нужды⁷⁷.

В истории советско-польских отношений в начале 1920 г. осторожное прощупывание взаимных возможностей сменилось активным наступлением Пилсудского на Восток: наступила активная фаза польско-советской войны.

УЧАСТНИК СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Премьер-министр Великобритании Д.Ллойд-Джордж не был сторонником войны Польши против России и не упускал возможности подчеркнуть, что польская армия выдвину-

лась слишком далеко «за этнографические границы», заняв территорию, заселенную преимущественно русскими⁷⁸. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты принял решение о снятии экономической блокады Советской России. «Неожиданное известие о снятии блокады с Советской России вызвало переполох и изумление в польских политических кругах»⁷⁹, – сообщала советская разведка председателю Совнаркома В.И.Ленину.

Польское руководство было убеждено, что Англия не понимает сути происшедших перемен на Востоке Европы, что Польша – «новый фактор», обладающий по сравнению с Россией «несравненно большими жизненными силами» и способный определять политическую ситуацию на Востоке Европы⁸⁰. Но и советское руководство также недооценивало самостоятельную роль Польши в этом регионе и видело в ней не субъ-

---

⁷⁶ Телеграмма А.А.Абазы из Ревеля в Стокгольм К.Н.Гулькевичу от 29 января 1920 г. // ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.13. Л.494.

⁷⁷ Корнатовский Н.А. *Борьба за красный Петроград* (1919). Л., 1929. С.473–474.

⁷⁸ *Документы и материалы...* Т.2. С.503; Carley M.J. *Anti-Bolshevism in French Foreign Policy: The Crisis in Poland in 1920* // *The International History Review*. 1980. Vol.2. №3 (July). P.415. URL: <http://www.jstor.org/stable/40105083> (дата обращения: 10.10.2010).

⁷⁹ Доклад РВС Западного фронта председателю Совнаркома от 11 февраля 1920 г. // ГАРФ. Ф.Р-130. Оп.4. Д.259. Л.10.

⁸⁰ *Документы и материалы...* Т.2. С.373.

ект международных отношений, а всего лишь объект политики Антан-ты⁸¹.

2 февраля 1920 года в Юрьеве (Тарту) был подписан мирный договор между РСФСР и Эстонией⁸². На основе взаимности было решено «запретить организации и группы, ставящие своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной»⁸³.

Эстонский парламент негативно относился к формированию на своей территории антисоветских отрядов: 2 февраля 1920 г. отряд Балаховича был переведен в Латвию (район Мариенбурга)⁸⁴. Он готов был подчиниться командованию армии Латвии и пытался расширить численность армии за счет латвийских белорусов; здесь его поддерживал глава военно-дипломатической миссии Белорусской Народной республики (БНР) в Эстонии и Латвии полковник К.Езовитов⁸⁵. В ноябре 1919 года он обращался к правительству Эстонии с просьбой о размещении отряда Балаховича как «Отдельного отряда БНР в Балтии». Белорусские деятели разрабатывали проект включения в отряд Балаховича белорусов из разбитой армии П.Р.Бермодта-Авалова, который, однако, не был осуществлен⁸⁶.

⁸¹ Зубачевский В.А. Указ. соч. С.54.

⁸² По условиям договора Советская республика должна была выплатить Эстонской республике 15 млн. рублей золотом и безвозмездно передать ей все корабли российского флота, оказавшиеся в руках эстонцев.

⁸³ В контексте советско-польского военного конфликта ключевое значение имел пункт 4 и VII статьи Тартуского договора. Государствам, организациям и группам, находившимся в фактическом состоянии войны с другой стороной, запрещалось перевозить через порты и территорию договаривающихся сторон военное имущество и все, что могло бы быть использовано во вред договаривающемуся государству (Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т.II. С.343).

⁸⁴ Пермикин Б.С. Указ. соч. С.20. – Эстонский парламент 2 февраля утвердил «Обязательное постановление о лесных работах» о принудительном призыве на лесные работы 15 тысяч мужчин. Русские офицеры назвали этот документ «законом о белом рабстве», поскольку были лишены возможности выехать из Эстонии (Письмо генерал-лейтенанта А.П. фон Палена начальникам английской и французской военных миссий, американского Красного Креста, консулам Дании, Швеции, Норвегии; уполномоченному США и начальнику Американской продовольственной миссии от 8 марта 1920 г. // РГВА. Ф.40279. Оп.1. Д.4. Л.11–11 об).

⁸⁵ Karpius Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Toruń, 1999. S.66.

⁸⁶ Информационный реферат второго отдела польского генерального штаба «Беларусь»

Отряд Балаховича принял участие в совместной польско-латвийской акции в районе Динабурга (Двинска) в январе 1920 года. Эта сводная часть называлась «Добровольческий народный отряд», на ее печати был двуглавый орел и череп.

**В АРМИИ ПОЛЬСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

В марте 1920 года с согласия Пилсудского отряд Балаховича был переправлен на территорию Польши, началась его реорганизация в Брест-Литовске. Партизанский отряд Бала-

ховича в национальном отношении был достаточно пестрым формированием со значительным русским компонентом⁸⁷. Важным направлением деятельности Военного министерства стало формирование русских отрядов, основой которых были офицеры и солдаты бывших белых Северо-Западной и Северной армий Н.Н.Юденича и Е.К.Миллера, интернированные в Эстонии и Латвии, а также добровольцы с территорий Польши и Советской России. Подготовка к отправке добровольцев в русские отряды из Эстонии в Польшу через Латвию была организована «в полном согласии с латвийскими военными властями»⁸⁸.

В мае 1920 года в Литве развернула деятельность французская военная миссия. Кроме собственно разведки, на территории Литвы и в Белоруссии (район от Гродно до Минска) французы занимались вербовкой в добровольческие антисоветские отряды. «За последние пять недель, – сообщалось 11 июня в отдел Запада НКВД, – французская миссия получила инструкции направлять всех желающих красноармейцев в армию Врангеля и Балаховича... желающих ехать являлся в миссию... получал визу и деньги на билет до Мемеля, там ставил литовскую выездную визу в Министерстве иностранных дел и ехал». Денежных пособий не выдавалось⁸⁹.

от 15 января 1920 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.9. Д.1107. Л.35 об.

⁸⁷ По подсчетам З.Карпуса, этнические русские в отряде Булак-Балаховича составляли 41%, украинцы – 23%, белорусы – 21%, поляки – 8%, шведы и финны – 4%, эстонцы, латыши, уроженцы Кавказа – 3% (Karpus Z. *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy na terenie Polski w latach 1918–1924*. Toruń, 1999. S.68).

⁸⁸ ГАРФ. Ф.5831. Оп.1. Д.4. Л.128.

⁸⁹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.04. Оп.32. П.205. Д.34 (52436). Л.45–45 об.

4 июля ударная группировка Красной Армии, выделенная командующим Западным фронтом М.Н.Тухачевским, перешла в наступление. 5 июля в Военном министерстве Польши для координации совместных усилий всех антисоветских частей и польской армии был создан специальный отдел по украинским делам («экспозитура») во главе с капитаном Ю.Ульрихом⁹⁰. Формирование отряда Балаховича, как и украинской дивизии пехоты под командованием М.Безручко, происходило в Брест-Литовске⁹¹. В политическом отношении национальные части в Польше (Балаховича, русские отряды) подчинялись Б.Савинкову. Он прибыл в Варшаву (январь 1920 г.) и при личной поддержке Пилсудского приступил к активной работе по организации «военных формирований». В Париже, как член Русской заграничной делегации на Парижской мирной конференции, Савинков стал развивать мысль, «что польский плацдарм, моральный и территориальный, по обстоятельствам текущего момента является вполне подходящим для организации русского вооруженного патриотического движения... и установления вечного мира с братской по крови Польшей»⁹².

Стремительное продвижение Красной Армии стимулировало Военное министерство Польши к использованию на фронте всех добровольческих частей, которые создавались на территории страны (Балаховича, УНР, Русский отряд)⁹³.

В СОЮЗЕ С БОРИСОМ САВИНКОВЫМ

20 июля генерал Балахович высказал намерение «подчинить себя и свой отряд» в политическом отношении Б.Савинкову и Российскому Политическому Комитету (РПК), который взял на себя функции эмигрантского правительства. Это решение устранило «нежелательную конкуренцию» между отрядом №1 (Балаховича) и отрядом №2 (русский отряд под командованием П.Глазенапа)⁹⁴.

⁹⁰ *Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy... S.97; Idem. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. S.69, 70, 71.*

⁹¹ *Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. S.113.*

⁹² *Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал (Нью-Йорк). №71. С.140.*

⁹³ *Реферат второго отдела генерального штаба польской армии «Ошибки в войне с Россией. Анализ причин современной военной ситуации» от 19 июля 1920 г. // РГВА. Ф.308 к. Оп.1. Д.91. Л.8.*

⁹⁴ *Копия письма Б.Савинкова Ю.Пилсудскому от 21 июля 1920 г. // International Institute of*

Попытки военного командования Польши усилить отряд Балаховича казачьими частями не увенчались успехом⁹⁵. 21 июля военный министр Польши генерал Ю.Лесневский издал приказ об организации двух военных групп на территории Польши – «соединения генерала Балаховича» и «отрядов русских беженцев» (П.Глазнапа)⁹⁶. Отряд Балаховича в это время находился на фронте и 25–26 июля вступил в соприкосновение с частями Красной Армии в районе Боровой на реке Стыр. Несмотря на то, что Балахович был вынужден отступить и отряд имел потери в личном составе, потери Красной Армии в боях были на порядок больше⁹⁷.

В конце июня Балахович встретился с маршалом Пилсудским в Варшаве. «Батька» произвел сильное впечатление. «Человек гордый», любит славу, но с солдатами держит себя накоротке: «часто разговаривает с ними, читает газеты, иногда рассказывает сказки», солдаты «очень к нему привязаны»; с офицерами держит себя по-товарищески, говорит им «ты», как и они ему. Однако для наказаний часто использует порку («25 розг или – в зависимости от настроения»), на которой любил присутствовать. Иногда его приговор провинившимся был коротким: «повесить–расстрелять», и немедленно выполнялся⁹⁸.

Social History in Amsterdam (IISH). Savinkov (17). 19. P.1. – Документальные материалы фондов Б.В.Савинкова и В.Л.Бурцева из Архива Международного института социальной истории Нидерландской королевской академии наук в Амстердаме (International Institute of Social History in Amsterdam, IISH) предоставлены автору профессором Торуньского университета им. Николая Коперника З.Карпусом (Польша).

⁹⁵ Казаки крайне отрицательно относились к личности командира отряда и его партизанским методам, однако из наиболее преданных ему казаков «батька» сформировал личную сотню.

⁹⁶ Формирование отрядов было решено проводить на сборном пункте в Калише или в лагере Щеперно (с 27 июля они получили наименование: «учебный лагерь №1» и «учебный лагерь №2»). Казачьи части и части русских беженцев должны были сосредоточиваться в Калише. В распоряжение представительства Военного министерства в Калише и Щеперно передавались лагеря «со всем лагерным оборудованием, управлением и персоналом» (Karpus Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku*. С.181).

⁹⁷ Рапорт поручика С.Лис-Блоньского начальнику второго отдела командования 3-ей польской армией по поводу группы генерала Балаховича // Cisek J. *Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku*. Londyn 1990 S.122.

⁹⁸ *Ibid.* S.124.

2 августа в местечке Любешов отряд вступил в бой, в результате которого отбросил части Красной Армии за реку Буг⁹⁹ и занял участок фронта в районе Влодавы. 15 августа отряд смог остановить наступление частей Красной Армии в районе Пухачева и Цыцова и отбросить их за реку Буг.

С целью консолидации антисоветских сил в Польше Балахович и Б.Савинков подписали 27 августа секретное Соглашение, на основании которого финансирование отряда Балаховича должно было осуществляться через РПК. Отряд «выступал под общими лозунгами русских отрядов, возглавляемых Савинковым на польской территории»: «возрождение России на демократической основе» (Учредительное собрание, земля – народу, демократия, союз народов – федерация). Б.Савинков брал на себя представительские функции «с политической точки зрения» перед польским правительством и союзными державами, а также обязался содействовать улучшению снабжения и организовать культурно-просветительное и санитарное обслуживание отряда. Б.Савинков надеялся организовать «антибольшевистскую пропаганду в Красной Армии и в местностях России, занятых ныне большевиками». Предполагалось, что «в случае передвижения отряда Балаховича в глубь российской территории» на местах будет организовано местное самоуправление и административное управление согласно плану, выработанному Б.Савинковым¹⁰⁰. «Батяка» должен был сохранять «стратегическую связь» с другими русскими отрядами, но в оперативном плане мог действовать самостоятельно.

Со своей стороны, польское военное ведомство приступило к усилению частей Балаховича, поскольку «дивизию» Балаховича Военное министерство признало «серьезной военной силой, очень ценной в боевом отношении». Завербованных добровольцев было приказано «немедленно» отправлять к месту интендантства группы Балаховича – в Люблин или во второй отдел штаба польского Военного министерства. Обмундирование и оружие пленные красноармейцы получали на месте, там же зачислялись в соответствующее подразделение дивизии¹⁰¹. Со-

---

⁹⁹ *Ibid.* S.123.

¹⁰⁰ *Секретное соглашение между С.Булак-Балаховичем и Б.Савинковым от 27 августа 1920 г. // РГВА. Ф.460 к. Оп.1. Д.3. Л.114–115. – Неполный вариант текста соглашения Б.Савинкова с С.Булак-Балаховичем опубликован (Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С.423).*

¹⁰¹ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т.3.*

РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

став будущей армии Балаховича был неоднородным, военные единицы различались по составу, снабжению и военной подготовке.

Балахович утверждал, что борется не с красноармейцами, а с коммунизмом и коммунистами. Балаховцы «действительно щадили красноармейцев и не только их не обижали, а, наоборот, старались всегда приласкать, и в то же время на их глазах расстреливали всех коммунистов и "жидов", имевшихся в части», – вспоминал младший брат «главы русского правительства в Польше» Виктор Савинков¹⁰². Борис Савинков поддерживал Балаховича, за исключением его отношения к евреям, – «правильнее не сражаться с красноармейцами, а переманивать их на свою сторону, ибо русскую армию, хотя бы и под командой коммунистов, с такими ничтожными силами не победить... а во-вторых, глупо стараться побеждать, т.е. уничтожать русских же крестьян»¹⁰³.

В этот период партизанских рейдов по еврейским местечкам отряд Балаховича нанес местному населению ущерб в размере 1,5 млн. польских марок; грабеж сопровождался убийствами целых семей¹⁰⁴. Грабеж еврейского населения Виктор Савинков называл «привычным», поскольку Балахович знал «авторов и зачинщиков погромов и не только не покарал никого, но вообще никаких последствий для виновных не было»¹⁰⁵.

1 сентября Б.Савинков выехал в Люблин для инспектирования отряда Балаховича, подписав распоряжение о создании «экспозитуры» РПК, начальником которой назначил своего младшего брата¹⁰⁶. Из польской

С.347, 348.

¹⁰² Младший брат Бориса Викторовича Савинкова по его просьбе стал «негласным комиссаром» при отряде Балаховича.

¹⁰³ Савинков В.В. Записки. Ч. VI. Поход генерала Булак-Балаховича // ГАРФ. Ф.5901. Оп.1. Д.8. Л.10.

¹⁰⁴ Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. S.77.

¹⁰⁵ «Политика балаховцев была такая: они не щадили евреев, грабили их, нередко устраивали погромы и никогда пальцем не трогали никого из христианского населения; более того, они отобранное у евреев имущество раздавали крестьянам, оставляя себе только деньги и драгоценности. Естественно, что население Белоруссии, искони юдофобское, считало их за благодетелей и освободителей» (См.: Савинков В.В. Указ. соч. Л.8).

¹⁰⁶ «Функции» Виктора Викторовича «были таковы: 1) надзор за порядком в частях в смысле политическом, т.е. приблизительно – функции политического комиссара; 2) надзор за порядком в отношении снабжения, т.е. надзор за Елиным; 3) надзор за порядком в том смысле, чтобы не было никаких эксцессов: ...погромов и самоуправства... Осуществление

казны на оснащение и снабжение отряда выделялись немалые средства, которые расхищал спутник Балаховича капитан Елин. Однако поставить под финансовый контроль «батьку» и его снабженца Савинков не смог, и воровство процветало¹⁰⁷.

Наступление польской армии началось 12 сентября. В составе 3-й польской армии отряд Балаховича занял несколько населенных мест в районе, где не было значительного присутствия частей Красной Армии. Отряд был включен в группу под командованием генерала Ф.Краевского и вместе с 18-й польской дивизией должен был взять город Пинск. Полковник генерального штаба, первый заместитель начальника штаба Ст.Стажевский сообщал руководству, что русские отряды подчинены в политическом отношении РПК во главе с Б.Савинковым, отряд Балаховича состоит из «элементов северной части России (Витебская, Псковская и Смоленская губернии)», хороших в военном отношении. Однако отряд «склонен к грабежам и разбою», т.к. командование отряда принимает в свой состав дезертиров и преступников из польских частей¹⁰⁸.

На 25 сентября 1920 г. французская военная миссия в Польше имела информацию о состоянии всех антибольшевистских российских частей на фронте, в тылу и «находившихся в стадии формирования». Сводка была составлена на основе данных, полученных из Военного министерства Польши, польского генерального штаба, РПК Б.Савинкова и от военного представителя генерала Врангеля в Польше генерала П.С.Махрова¹⁰⁹.

такой задачи при Балаховиче, в армии, носившей, в сущности, полуразбойничий характер, где никто никого не хотел признавать, и если признавали Батьку, то в поле и благодаря его военным способностям, – мне казалось невозможным» (Савинков В.В. Указ. соч. Л.16).

¹⁰⁷ *«Повогого мошенника», в армии ненавидели и обещали повесить, если только появится на фронте. Ведь на фронт не попадали ни обмундирование, ни продукты. Елин все это «посылал» в отряд, но ничего «не доходило» по разным причинам (Савинков В.В. Указ. соч. Л.12).*

¹⁰⁸ *Письмо полковника Ст.Стажевского в Генеральную адъютантуру о численности и боевой ценности русских отрядов, воюющих рядом с польской армией // Cisek J. Op. cit. S.134.*

¹⁰⁹ *Справка французской военной миссии в Польше для военного командования Франции о состоянии антисоветских формирований в Польше. 25 сентября 1920 г. // РГВА. Ф.1703 к. Оп.1. Д.466. Л.19–20.*

По состоянию на 25 сентября 1920 г., армия Балаховича состояла из 3-х пехотных полков, артиллерийского дивизиона, 2-х кавалерийских полков и технического батальона. Общая численность армии (вместе с приданными ей 2-мя тысячами сабель из 3-ей польской армии) составила 7,5 тысяч человек. Приказом от 28 сентября Военное министерство присвоило группе Балаховича наименование «Отдельная союзная армия» на равных правах с польской армией¹¹⁰. Финансирование армии было решено осуществлять непосредственно из польского Военного министерства¹¹¹.

Тем временем группа Балаховича на фронте демонстрировала исключительные успехи. 26 сентября Пинск был взят, командующий 4-ой Красной Армии бежал, в плену оказались 2 тысячи солдат и 400 офицеров¹¹². Успех Балаховича был во многом определен прекрасно налаженным шпионажем («бабы, дети, старики» – по свидетельству В.Савинкова) и огромной популярностью «бабки» среди крестьянского населения Белоруссии¹¹³. Для руководства Советской России потеря Пинска, где находилась материальная база и штабы Красной Армии, была чувствительна¹¹⁴.

По данным польских источников, в октябре 1920 г. «Народная добровольческая армия» (так называл ее сам Балахович) насчитывала 16 300 офицеров и солдат. Из них на фронте находилось 4 960 человек,

¹¹⁰ Karpus Z. *Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińcy...*S.91.

¹¹¹ Напомним, что после соглашения Балаховича и Б.Савинкова 27 августа финансирование осуществлялось через РПК и все суммы, выплаченные Балаховичу правительством Польши, «как натурой, так и деньгами, начиная с 1 марта 1920 года», признавались «государственным долгом России Польской республике» (Симонова Т.М. *Я зеленый генерал*. С.40).

¹¹² Karpus Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku*. S.82.

¹¹³ При этом военная ценность пестрого в национальном и военном отношении формирования получила крайне низкую оценку специалистов французской военной миссии в Польше: «слишком разнородные элементы, не имеющие политического лица, с весьма посредственной дисциплиной, постоянными злоупотреблениями и грабежами» (РГВА. Ф.1703 к. Оп.1. Д.466. Л.14).

¹¹⁴ Советское командование и руководство были озадачены таким поворотом событий на фронте. 28 сентября В.И.Ленин требовал «запросить условия потери Пинска, штабов и материальных частей при нем», задавая вопрос: «Была ли опасность известна раньше?» (Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1974. Т.3. С.118, 126).

3 100 добровольцев (военнопленных красноармейцев) находились в пути к месту формирования армии¹¹⁵.

5 октября Третья Русская армия (ЗРА) в Польше под командованием Б.Пермикина (подчиненная П.Врангелю)¹¹⁶ выступила на фронт – в район Изяславля и Волочиска. В отличие от Балаховича, который «избрал направление, указанное Начальником польского государства» (Лунинец – Мозырь)¹¹⁷, командующий ЗРА Пермикин заявил, что предпочитает действовать самостоятельно, независимо от польских властей, и идет на соединение с Украинской армией, т.к. только в единении «всех народов, которым большевизм грозит гибелью, – спасение»¹¹⁸.

Накануне заключения прелиминарного мира в Риге между Польшей и Советской Россией (12 октября) польское командование предложило Балаховичу и другим командирам формирований, подчиненным Врангелю, вести боевые действия вне польской территории и под свою ответственность и оставить территорию Польши. Русские генералы в Польше, а также Балахович единодушно решили продолжать борьбу¹¹⁹.

17 октября Балахович, в отличие от руководства ЗРА, публично отказался от концепции совместного марша на юг для соединения с украинской армией Петлюры. Перед своей НДА он поставил задачу освобождения территории Белоруссии.

Братья Савинковы участвовали в кампании Балаховича вплоть до момента интернирования его отряда. 3 ноября Б.Савинков, в чине есаула театрально сопровождавший братьев-генералов Балаховичей, телеграфировал маршалу Пилсудскому и Врангелю о переходе ими демаркационной линии, установленной прелиминарным миром. Поход закон-

---

¹¹⁵ Karpus Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku*. S.84.

¹¹⁶ См. подробнее: Симонова Т.М. *Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.)*. М., 2013.

¹¹⁷ Секретное письмо Б.Савинкова начальнику второго отдела штаба Военного министерства Польши // РГВА. Ф.1703 к. Оп.1. Д.466. Л.66.

¹¹⁸ Пермикин Б.С. *Указ соч.* С.88.

¹¹⁹ Как следовало из показаний Савинкова на Лубянке в 1924 г., Пилсудский после заключения перемирия поставил перед ним вопрос: «Будете ли вы воевать?» Участники совещания у Савинкова (Балахович, Пермикин, Махров – представитель Врангеля и другие) «единогласно постановили – драться» (Дело Бориса Савинкова / Предисловие Ем.Ярославского; Примечания П.Шубина. М.: Госиздат, 1924. С.63).

чился. Отряд Балаховича (численностью 16–18 тысяч человек) поляки снабдили провиантом на 14 дней¹²⁰.

Во время самостоятельного наступления на Мозырь (началось 7 ноября, в день наступления войск Южного фронта против Врангеля) Виктор Савинков выехал в Лунинец и к нему явился «капитан английской армии» Сидней Рейли, британский разведчик и старинный друг Бориса Савинкова. Он сопровождал дальнейший поход Балаховича. Взятие Мозыря 10 ноября поляки сочли крупным успехом, свидетельством того, что «Балахович может бороться с Красной Армией самостоятельно». Кроме того, красноармейский пехотный полк и артиллерийский дивизион в полном составе перешли на сторону Балаховича, получив наименование «Мозырский артиллерийский дивизион».

Воодушевленные победой, Б.Савинков, Рейли и прикомандированный к отряду Балаховича некий польский офицер обсудили план действий: «прорваться сквозь фронт Красной Армии и, не глядя ни на что, идти прямо на Москву через Брянские леса..., прорваться в тыл большевикам, подымая там восстания Красной Армии и, по возможности, – населения». Взятых в плен красноармейцев отпустили назад, предварительно накормив, снабдили деньгами и кое-какой одеждой, а также пропагандистской литературой, чтобы «рассеять созданное большевиками представление о нас как о кровопийцах и насильниках над крестьянами»¹²¹.

Рейли поддержал план Б.Савинкова, но оба понимали, что 16-тысячная армия Балаховича «с огромными штабами, огромными тыловыми учреждениями и обозами», будет разбита усиленными после разгрома Врангеля частями Красной Армии. Однако они решили пойти на смертельный риск и взять Гомель¹²². Тем не менее Б.Савинков сообщал из Мозыря в Варшаву: «в исторический день» офицеры и добровольцы армии передают «горячую благодарность и свой братский привет свободному польскому народу, доблестной польской армии и ее верховному вождю маршалу Пилсудскому»¹²³. Ноябрьский поход братьев Балаховичей в полосе протяженностью около 300 верст создал немало проблем командованию Западного фронта¹²⁴.

¹²⁰ Karpus Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku*. S.99.

¹²¹ Савинков В.В. *Указ. соч.* Д.8. Л.46, 47.

¹²² Там же. Л.48.

¹²³ Борис Савинков на Лубянке. *Документы*. С.430.

¹²⁴ Кручинин А.С. *Минск или Москва? Стратегия Б.В.Савинкова и братьев Балаховичей в*

На центральном направлении против ударной части Юзефа Балаховича командование Западного фронта стянуло значительные силы: отряд партизана Шубы, выбитого из Мозыря, одну кавалерийскую и две пехотные дивизии 16-ой Красной Армии. Первая дивизия Балаховича была разбита, большая часть солдат из числа военнопленных-добровольцев перешла в Красную армию¹²⁵. Наступление Красной Армии на флангах привело к окружению армии Балаховича¹²⁶.

К исходу 16 ноября, когда штаб и Главная квартира Балаховича были уже в Турове, стало ясно, что кампания проиграна; арьергардные бои прекратились, началось бегство под угрозой опасности быть отрезанными от польской линии. Руководство отряда пришло к выводу, что на поддержку крестьянства рассчитывать нельзя – ни «белую», ни «красную» армию оно не поддержит; что «победить Красную армию эмиграция не сможет»¹²⁷.

Начиналась паника. Перед вступлением на территорию Польской республики Б.Савинков принял меры для того, чтобы неорганизованные группы добровольцев вне состава отряда на территорию Польши не пропускали. В одной из деревень был обнаружен один из самых известных атаманов Балаховича – Искра, арестованный офицерами за попытку бегства со всеми деньгами армии¹²⁸.

16 ноября 1920 года Б.Савинков в Мозыре, захваченном Балаховичем, от имени РПК заключил соглашение с Белорусским политическим комитетом (БПК) о совместных вооруженных действиях против Советской России. Спустя два дня от имени РПК был подписан договор с Петлюрой как главой УНР о совместных действиях «союзных войск»¹²⁹. Однако во второй половине ноября армия «начальника белорусского государства и главнокомандующего всех вооруженных сил на террито-

---

ноябре 1920 г. // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения. Сборник материалов научной конференции / Отв. ред. В.И.Голдин. Архангельск, 2010. С.232.

¹²⁵ Karpus Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku*. S.101.

¹²⁶ Савинков В.В. *Указ. соч.* Л.76.

¹²⁷ Там же. Л.77.

¹²⁸ *Офицеры потребовали военно-полевого суда над ним и расстрела. Искру отправили под конвоем в Варшаву, но там выпустили, после чего он благополучно переправился в Берлин (Савинков В.В. Указ. соч. Л.78).*

¹²⁹ *Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). М., 1969. С.167.*

рии Белоруссии»¹³⁰ вошла в соприкосновение с Красной Армией, которое завершилось полным окружением армии Балаховича.

Поход Балаховича сопровождался террором и погромами мирного населения. И.В.Михутина обнаружила письмо польского офицера, сопровождавшего поход. «Это человек без идеологии, бандит и убийца и такие же у него товарищи подчиненные... – писал он жене, характеризуя «союзника» Балаховича, – они не знают стыда и похожи на варваров. При мне бросали ему под ноги головы большевиков, отсеченные саблями... Я пил с ним всю нынешнюю ночь, а утром он со своей группой и я с полком пошли на дело. Избиение большевиков было страшное»¹³¹. За взятие Пинска польское командование наградило Балаховича и нескольких его подчиненных высшей военной наградой Польской республики – орденом Виртути Милитари¹³².

ПОСЛЕ ПОХОДА...

В декабре 1920 г. «есаул» Б.Савинков, отметив «недостатки» погромного похода «батьки» по территории Белоруссии, подчеркивал: «Метод, избранный генералом Булак-

Балаховичем для борьбы против красных, был правильным. Остается этот метод усовершенствовать»¹³³. Позже Б.Савинков на допросе в Москве констатировал: «Поход... закончился плачевно»¹³⁴.

Группа депутатов Сейма направила запрос в польское правительство по факту преступных действий ряда чинов бывшей НДА. Б.Савинков в письме начальнику второго отдела генштаба Медзинскому признал, что «некоторые из чинов бывшей армии генерала Балаховича обвиняются в тяжких преступлениях и что запрос части депутатов Сейма до известной степени фактически обоснован». К письму прилагался список «судных дел о грабежах, разбоях, убийствах и изнасилованиях, совершенных чинами Добровольческой армии», которые рассматривались в Люблинском, Радомском и Житомирском окружных судах¹³⁵.

¹³⁰ Этот титул С.Булак-Балахович присвоил себе по аналогии с наименованием Пилсудского «Начальником польского государства».

¹³¹ Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С.157–159.

¹³² Симонова Т.М. Указ. соч. С.40.

¹³³ Савинков Б.В. Русская народная Добровольческая армия в походе. Варшава, б/г. С.47.

¹³⁴ Дело Бориса Савинкова. С.64.

¹³⁵ Письмо Б.Савинкова начальнику второго отдела штаба Военного министерства

В январе 1921 г. начальник отдела главного контроля Российского эвакуационного комитета (РЭК) генерал императорской армии П.Н.Симанский и польский военный юрист полковник Лисовский провели ревизию финансовой отчетности НДА. Контролеры установили, что «отчет капитана Елина» «не соответствовал действительности» и огромные средства из польского бюджета украдены¹³⁶.

РЭК поставил в известность второй отдел штаба Военного министерства, что генерал Балахович фактически отстранен от командования и что за его действия комитет «ответственности нести не может»¹³⁷.

Однако Балахович в согласии со вторым отделом штаба (экспозитурой) начал формирование собственных «боевых отрядов» вдоль линии фронта, под названием «рабочих дружин», из числа интернированных в лагерях солдат бывшей НДА и всех желающих. Связь со своими агентами генерал держал через курьеров, которые курсировали до места назначения с проездными документами, выданными польской экспозитурой.¹³⁸

Балаховичи некоторое время прилагали усилия для организации «белорусского национального движения» под своими знаменами. 11 июля 1923 года в Беловежской пуще при невыясненных обстоятельствах Юзеф был убит. В 1924 году второй отдел польского генерального штаба располагал информацией об участии Балаховичей в движении белорусских «активистов»¹³⁹. Старший Балахович приступил к разработ-

---

Б.Медзинскому от 2 февраля 1921 г. // РГВА. Ф.461 к. Оп.1. Д.156; Д.142. Л.65, 66.

¹³⁶ «...авансовые выдачи на разные расходы на много миллионов не оправданы документами», «показано много расходов совершенно непроизводительных», а также «не относящихся к деятельности отдела снабжения НДА». Без объяснения причин 550 тыс. марок было выдано Белорусскому комитету в Лунинце, 130 тыс. марок – Вольному экономическому обществу (т.е. полковнику Страдину) и т.п. Деньги отпускались на «покупку костюмов, бекеш на меху, 2-х пальто на подкладке, на штатское платье» капитану Елину и капитану Темницкому, «на покупку чемодана». Было выдано на театр и оркестр 500 тысяч марок, на покупку автомобиля – 900 тысяч марок (См.: РГВА. Ф.461 к. Оп.1. Д.142. Л.87–88).

¹³⁷ РГВА. Ф.461 к. Оп.1. Д.3. Л.113.

¹³⁸ Там же. Л.57.

¹³⁹ РГВА. Ф.460 к. Оп.2. Д.9. Л.108 об. – Имеются в виду сторонники Белорусской крестьянско-рабочей громады (белор. Беларуска сялянска-работніцкая грамада). Громада – революционно-демократическая организация в бывшей тогда частью Польши Западной Белоруссии, действовавшая с 1924 по 1927 год и насчитывавшая, по различным оценкам, от 100 до 150 тысяч членов.

РЕАЛИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ке лесной концессии в Беловеже, полученной им от польского правительства, силами бывших партизан.

В 1936 году Балахович стал наблюдателем Польской военной миссии при генерале Франко в Испании, занимаясь организацией разведки в тылу у республиканцев. В 1938 году предлагал в польском генеральном штабе организовать диверсию против Чехии¹⁴⁰. После оккупации Польши Германией Балахович пытался создать подпольную организацию для борьбы с германским режимом, жил шумно и слышать не хотел ни о какой конспирации¹⁴¹.

...10 мая 1940 года при невыясненных обстоятельствах был убит в Варшаве.

* * *

Неоригинально утверждение, что великие эпохи рожают неординарных личностей. Балаховичу и его современникам пришлось жить в эпоху перемен – становления нового послевоенного мира на руинах исчезнувшей Российской империи. Бурная партизанская жизнь и деятельность на протяжении короткого промежутка времени (около 5 лет), рассмотренная в данной статье, была самым активным периодом в его жизни.

Со своим отрядом (дивизией, армией) он участвовал в боевых действиях на стороне Российской Империи и Советской России, Латвии, Эстонии, Польши на стороне «белых» и «красных» в гражданской войне... Действовал партизанскими методами – решительно, страстно, жестоко, но заботясь о солдатах и уважая офицеров.

Но ради чего Балахович вел в бой лично преданных ему людей и добровольцев, спасающихся от безысходности, лагерного голода и военной разрухи? Ответ на этот вопрос историки каждой страны дают по-разному, исходя из национальных концепций.

В одной из ранних статей автор называл Балаховича «авантюристом»¹⁴². Новые документальные источники и публикации в современной ситуации позволяют говорить о нем как о типичном представителе «пассионарной» личности, «пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения»¹⁴³.

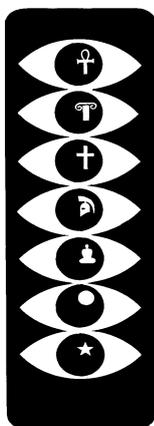
---

¹⁴⁰ РГВА. Ф.453. Оп.2. Д.2. Л.36.

¹⁴¹ Литвин А.М. Указ. соч. С.309–310.

¹⁴² Симонова Т.М. Я зеленый генерал. С.36–41.

¹⁴³ Ермолаев В.Ю. Толковый словарь понятий и терминов / Под ред. Л.Н.Гумилева // Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Сергей Буранок

АНШЛЮС, МЮНХЕН, ПОЛЬША...

ПРЕССА США И УГРОЗА ВОЙНЫ
1938–1939 ГОДОВ¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
32.019.52

Based on the materials from the US press the article explores special aspect of the period of international crisis 1938–1939. The American society in 1920–1930s had two tendencies in respect to the threat of war: “isolationists” on one hand, and “internationalists” on the other hand. Central and local newspapers provide a vivid description of society’s reaction to crisis moments in the international relations in 1938–1939.

Ключевые слова: международные отношения; пресса США; Рузвельт; политика; США; Германия.

Keywords: international relations; U.S. press; politics; the USA; Germany.

E-mail: witch-king-1@mail.ru

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-31-12084.

История США последних предвоенных лет хорошо изучена в историографии нашей страны: проанализированы аспекты общественно-политической жизни, внешней политики, экономики и военной сферы. В.Л.Мальков подробно рассмотрел взгляды и позиции американских дипломатов накануне Второй мировой войны². В.О.Печатнов изучил мнения военных разведчиков США предвоенного периода о будущем мировом конфликте³. М.Ю.Мягков проанализировал международные отношения 1938–1939 годов⁴. Наряду с этим любопытно узнать, какую информацию получало население Америки в преддверии II мировой войны. Мы рассмотрим, как менялось освещение событий в центральных и местных газетах США в предвоенный период.

Современные исследователи солидарны: в американском обществе 1920-х – 1930-х годов в обсуждении такой проблемы, как осознание угрозы войны, наметились две тенденции, представленные «изоляционистами», с одной стороны, и «интернационалистами», – с другой. В данной ситуации особое влияние приобретала позиция президента США Франклина Рузвельта, который с большим вниманием относился как к европейским, так и дальневосточным делам.

АНШЛЮС И ПРЕССА США

Первый крупный европейский кризис – март 1938 года – связан с оккупацией Австрии, вызвавшей широкий резонанс в обществе США.

Формирование оценки фашистской угрозы происходило под влиянием как СМИ, так и мнений ведущих политиков, среди которых выделялась позиция сотрудников Госдепартамента. Государственный секретарь Корделл Халл перед мартовским кризисом 1938 г. писал, что «Германия становится доминирующей силой в континентальной Европе» и в разговоре с послом Германии Дикхоф-

² Мальков В.Л. «Только лично и конфиденциально»: американские дипломаты об истоках и тайных пружинах мировой катастрофы 1938–1939 годов // *Россия XXI*. 2013. №3. С.148–177; Мальков В.Л. Советско-американские отношения 1934–1939 годов: новые документы // *Новая и новейшая история*. 2005. №6. С.114–129.

³ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. «...Великий кризис вот-вот начнется»: из донесений американской военной разведки в 1935–1941 гг. // *Вестник МГИМО-Университета*. 2011. №3. С.145–159.

⁴ Мягков М.Ю. От Мюнхенского соглашения до советско-германского пакта 1939 г.: предыстория Второй мировой войны // *Преподавание истории в школе*. 2009. №7. С.3–9.

фом обращал внимание на то, что с учетом этого фактора именно от Германии зависит дальнейший путь – или сохранение текущего порядка в Европе, или милитаризация и конфликты⁵.

Примерно в том же ключе рассуждал в преддверии европейского кризиса помощник государственного секретаря Дж.Мессерсмит. Он указывал, что захват Австрии и Чехословакии приведет к установлению господства Германии в Юго-Восточной Европе; захвату Украины; изоляции России; ослаблению Франции путем расторжения ее союза с Россией; постепенному расчленению Британской империи⁶. Из этих заявлений видно, что правительство США было хорошо информировано об агрессивных планах Германии и находилось перед началом мартовского кризиса под впечатлением от «карантинной речи» президента Рузвельта, произнесенной 5 октября 1937 года в Чикаго и требовавшей введения «карантина» для агрессора⁷.

Однако убежденность в необходимости противостояния агрессорам (пусть даже только экономическими методами, к которым особо апеллировал Халл⁸) сочеталась с предположениями, что Гитлер не будет развязывать войну против «демократий Запада», пока не ликвидирует угрозу на Востоке, т.е. пока не уничтожит СССР. О существовании у Халла таких идей пишет в воспоминаниях заместитель государственного секретаря США С.Уэллес⁹.

Поэтому не удивительно, что после оккупации Австрии войсками Германии 12 – 13 марта 1938 г. оценки этого события периодической печатью США разделились. Часть изданий выступила с открытой критикой, называя действия Гитлера «перекраиванием карты Европы» и захватом ресурсов и промышленности Австрии под предлогом заботы о соотечественниках¹⁰. На первой полосе *Milwaukee Journal* – главном издании штата Висконсин с тиражом почти 300 000 экземпляров – была размещена карикатура, на которой согнувшийся Гитлер на коленях, с вилкой ползет к пирогу, а над ним возвышается грозного вида дама со

---

⁵ *Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941*. Wash., 1983. P.55, 401–402.

⁶ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1937. General. Vol.I*. Wash., 1954. P.140–145.

⁷ Марушкин Б.И. *Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.)*. М., 1957. С.39.

⁸ *Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941*. P.401–402.

⁹ Welles S. *Seven Decisions that Shaped History*. N.Y., 1950. P.25.

¹⁰ *Milwaukee Journal*. 1938. March 12. P.1, 2.

скалкой. Здесь хорошо просматривается явный намек американских журналистов на слабость нацистского режима, на то, что Гитлер эту слабость прекрасно знает, а также на необходимость силового решения кризиса (скалка на карикатуре). В негативном свете об установлении нового нацистского порядка в Центральной Европе сообщают и другие периодические издания США¹¹. А в *Pittsburgh Post-Gazette*, *хотя и с запозданием*, прямо написано: «Гитлер рвется к Вене, и Европа чувствует приближение войны из-за нацистского переворота»¹².

Другая часть газет под влиянием *New York Times* расставила совсем иные акценты по поводу австрийских событий. «Не стоит ожидать попыток Лиги наций выступить против гитлеровского путча в Австрии», – заявила авторитетная нью-йоркская газета. Кроме того, по мнению редакторов *New York Times*, судьба Австрии была решена еще 18 февраля, и, следовательно, не стоит нарушать мир и дестабилизировать угрозой новой войны ситуацию в Европе, если основные участники уже смирились с оккупацией¹³.

Позиция Рузвельта в этом вопросе хорошо прослеживается по его частному письму Нельсону Уоррену. Относительно беспокойств по поводу «австрийской проблемы» президент прямо написал, что одобряет осторожные действия Госдепартамента и что последний был хорошо информирован¹⁴.

Видно, что оккупация Австрии разделила американское общество, но по совершенно иным группам, нежели во Франции (где сразу выделились «сопротивленцы» и «умиротворители»). В США и СМИ, и политики размежевались на критиков действий Гитлера и на апологетов аншлюса. Однако критики не призывали к силовым решениям, не требовали сопротивления агрессорам, а выступали лишь с осуждением. Поэтому ко времени Судетского кризиса общественность Соединенных Штатов стала рассматривать политику Германии не как угрозу войны, а как попытки объединения с соотечественниками, законные и объективные, а действия Франции (и особенно малых стран Европы) воспринимались американским обществом как лишенное мудрости сопротивление и провоцирование войны в Европе.

---

¹¹ *Herald-Journal*. 1938. March 12. P.1; *Los Angeles Times*. 1938. March 12. P.1; *Washington Times-Herald*. 1938. March 12. P.1.

¹² *Pittsburgh Post-Gazette*. 1938. March 12. P.1.

¹³ *New York Times*. 1938. March 13. P.31; 2.

¹⁴ *The Franklin Delano Roosevelt Library*. Hyde Park. *German Diplomatic Files*. Box 31.

МЮНХЕН И ПРЕССА США

Американская пресса с большим вниманием отнеслась к сентябрьскому кризису 1938 г. Особенно к позициям заинтересованных сторон. Так, *Milwaukee Journal*, входящий в корпорацию Уильяма Херста, от 23 сентября писал о миротворческой позиции Великобритании, сопротивленческих настроениях во Франции и агрессивных намерениях Польши и СССР, которые стремятся под предлогом чехословацкого кризиса развязать войну¹⁵. *New York Times* и его издатель Артур Сульцбергер занимают похожую позицию, сконцентрировавшись не на шантаже Гитлера, а на польском ультиматуме и претензиях Польши к Чехословакии. А именно: «...решить проблему на территориях, населенных поляками, в том же порядке, как и на территориях с немецким населением»¹⁶. *Pittsburgh Press* 24 сентября писала, что СССР угрожает Польше разорвать пакт о ненападении¹⁷.

В самые напряженные дни кризиса американская пресса создавала следующую картину. Германия выступает с вполне понятными и обоснованными требованиями о защите прав немцев в Чехословакии, но этим решают воспользоваться Польша и Советский Союз, провоцируя, каждый в своих интересах, полномасштабную войну в Европе. Важно подчеркнуть, что если для Польши пресса США указывала на территориальный интерес, то для Советского Союза, по мнению американских журналистов, главными были сама война и мировая революция.

Причем газеты США в сентябре 1938 г. часто писали, что Сталин использует политику Гитлера для попытки сокрушения «мирового империализма». Такие акценты полностью изменяли и искажали представления американцев об истинной угрозе войны, о подлинном нарушении Германией международных договоров, о целях внешней политики фашизма.

Перед самым заключением Мюнхенского договора СМИ США, Великобритании, Франции, Канады настойчиво обращают внимание на формируемую ими же «проблему Украины». Так, *Milwaukee Journal* писал: «Украина – это не часть России, ее население никогда не говори-

¹⁵ *Milwaukee Journal*. 1938. September 23. P.1, 2.

¹⁶ *New York Times*. 1938. September 24. P.3; September 23. P.1.

¹⁷ *Pittsburgh Press*. 1938. September 23. P.3. – Речь идет о советско-польском договоре 1932 г. Расширение территории Польши за счёт Чехословакии рассматривалось советской стороной как грубое нарушение принципов договора.

ло по-русски, зато Украина дает СССР 80% угля, 60% железной руды, 65% зерна, 95% марганца»¹⁸. У американских читателей создавалось впечатление, что Украина – это угнетаемая колония Советского Союза и ее «освобождение» Польшей и Германией будет логичным и правильным шагом. Такие мысли высказывались в американских периодических изданиях на протяжении всего сентября.

В связи с этим очень важным является пресс-релиз Госдепартамента США от 26 сентября, подписанный президентом. В нем Рузвельт призывает президента Чехословакии и канцлера Германии к миру и приводит многочисленные аргументы против войны: «Экономика стран может быть разрушена. Социальная структура каждого государства может быть полностью разрушена»¹⁹. Слова «социальная структура» можно было понять как намек на революцию, приход к власти нового класса, а это уже отвечало бы интересам СССР в случае европейской войны, о чем так настойчиво писала американская пресса.

Еще один аргумент Рузвельта. «Очень важно, чтобы все народы вспомнили, что каждое цивилизованное государство в мире добровольно приняло на себя торжественные обязательства пакта Келлога–Бриана 1928 года – решать споры только мирными методами»²⁰. Это уже не намек, а прямой призыв к Чехословакии прекратить сопротивление и принять ультиматум Германии, а Англии и Франции – не вмешиваться (стоит отметить, что именно 24–26 сентября в СМИ США появились опасения по поводу мобилизации «западных демократий»²¹). Завершался пресс-релиз словами о том, что «во время нынешнего кризиса народ Соединенных Штатов и правительство искренне надеялись, что переговоры по корректировке тех противоречий, которые сейчас возникли в Европе, могут достичь успешного завершения»²².

Такая позиция президента, Госдепартамента и общественности облегчила налаживание переговорного процесса и способствовала заключению мюнхенских соглашений, которые были встречены в США почти с полным одобрением. Газеты разместили на передовицах крупные заголовки: «Чешский кризис закончился подписанием четырехстороннего

---

¹⁸ *Milwaukee Journal*. 1938. September 23. P.2.

¹⁹ *Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941*. P.425.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ *Chicago Daily Tribune*. 1938. September 24. P.1, 2; *Wall Street Journal*. 1938. September 25. P.1; *Washington Times-Herald*. 1938. September 24. P.1.

²² *Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941*. P.426.

соглашения»²³; «Нацистские требования приняты. Война в Европе предотвращена»²⁴; «Большая четверка приняла мирный план»²⁵. И неизменно указывалось, что только Советский Союз выступил против данных соглашений: «Россия не принимает европейский мир»²⁶. Это воспринималось общественностью США как утверждение «СССР против мира».

Однако, как отмечал К.А.Уманский в письме М.М.Литвинову, «в США в целом антифашистские настроения сильны. Послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе, и имеет более всеобщий характер. Это сочетается, однако, с новым усилением изоляционизма, с резким падением доверия к Англии как к возможному партнеру в отпоре японцам»²⁷. Видно, что советский дипломат очень точно проанализировал и охарактеризовал настроения в американском обществе в связи с угрозой войны по состоянию на ноябрь 1938 г.

Как раз в 1938 году в Конгрессе (и в обществе в целом) проходили ожесточенные дебаты по поводу программы усиления армии и флота, которую предложил президент Рузвельт²⁸. Она носила ярко выраженный антияпонский характер, и с этого времени главным источником нестабильности и опасности для мира в США воспринималась Япония. Это отмечает в своем письме и К.А.Уманский: республиканцы в Конгрессе могут выступать с антияпонскими речами, но поддерживают мюнхенские соглашения, а ведущие послы США в европейских странах их полностью одобряют²⁹. Следовательно, можно заключить следующее. В конце 1938 года американское общество считало наиболее опасным и вероятным скорый конфликт с Японией: как писал в дневнике секретарь по внутренним делам (министр внутренних дел) США Гарольд Икес, «после случая с "Пэней"³⁰ война стала неизбежной»³¹. Военные планы Германии и Италии представлялись менее реальными. Кроме того, су-

²³ *Herald-Journal*. 1938. September 30. P.1.

²⁴ *New York Times*. 1938. September 30. P.1.

²⁵ *Lewiston Daily Sun*. 1938. September 30. P.1.

²⁶ *Charleston Gazette*. 1938. September 30. P.1.

²⁷ *Год кризиса, 1938–1939. М., 1990. Т.1. С.101.*

²⁸ *Об этом также пишет К.А.Уманский (См.: Год кризиса... Т.1. С.100).*

²⁹ *Год кризиса... Т.1. С.100–101.*

³⁰ *Американская канонерская лодка, потопленная 12 декабря 1937 г. японской авиацией в Китае.*

³¹ *Ickes H.L. The Secret diary of Harold L. Ickes. Vol.1–3. N.Y., 1954. Vol.2. P.274.*

ществовала вероятность корректировки вектора экспансии Гитлера и Муссолини в восточном направлении.

Весной 1939 года с усложнением ситуации в Европе и явной неэффективностью «политики умиротворения» американские СМИ все настойчивее ставили вопрос о контурах будущего конфликта и позиции СССР в нем. Как отмечает В.Л.Мальков, «прогнозы в духе ожидания "нового Рапалло" высказывались на страницах еженедельных газет, но уже в контексте неминуемого военного триумфа вермахта»³². Поворот Гитлера на Восток обсуждался до конца лета 1939 г.

Переход стран-агрессоров от политики шантажа войной к полномасштабному общеевропейскому конфликту вызывает в США настоящий всплеск антинацистских настроений. *New York Times* выходит 1 сентября 1939 года с заголовком «Мобилизация польских граждан для противостояния вторжению Германии»³³. *Milwaukee Journal* была в тот день более категорична: «Польские города бомбят. Нацисты начали войну без объявления. Призыв помощи послан Англии и Франции; Италия держится в стороне»³⁴.

Но большинство периодических изданий США (как республиканской, так и демократической направленности) сосредоточило 1 сентября основное внимание не на боевых действиях в Польше, а на реакции администрации Белого Дома и самого президента. *Christian Science Monitor* на первой полосе опубликовал «призыв Рузвельта к нациям прекратить уничтожение гражданского населения»³⁵. Этот же призыв, снабженный комментариями, напечатали ведущие периодические издания США³⁶. А в *Milwaukee Journal* воззвание главы Белого Дома представлено в еще более развернутом виде: «Президент Рузвельт объявил, что верит: Соединенные Штаты не будут втянуты в войну, призвав Британию, Францию, Германию, Италию и Польшу не атаковать гражданское население»³⁷. Видно, что руководство США к этому времени осознало губительные последствия политики умиротворения, однако в год перед выборами Рузвельт не спешил сообщать населению о неизбежности

³² Мальков В.Л. *Россия и США в XX веке*. М., 2009. С.204.

³³ *New York Times*. 1939. September 1. P.1.

³⁴ *Milwaukee Journal*. 1939. September 1. P.1.

³⁵ *Christian Science Monitor*. 1939. September 1. P.1.

³⁶ *Chicago Daily Tribune*. 1939. September 1. P.1; *New York Herald Tribune*. 1939. September 1. P.1; *Washington Post*. 1939. September 1. P.1.

³⁷ *Milwaukee Journal*. 1939. September 1. P.1.

скорого вовлечения страны в общеевропейский конфликт. Учитывая влияние изоляционистских тенденций, исходивших, прежде всего, от республиканской партии и Конгресса, президент делает акцент на «варварстве войны» и строгом соблюдении, даже охране, существующего нейтрального положения США.

Именно в этом ключе и воспринял призыв Рузвельта один из ведущих редакторов агентства *United Press* Говард Монти. В статье «Рузвельт дал клятву избежать войну» журналист прокомментировал реакцию высшей власти и общественности на начало войны. «Сегодня президент Рузвельт пообещал приложить все усилия для удержания США вдали от войны. Также он объявил об отставке посла США в Германии Хью Уилсона. На пресс-конференции президент сказал, что искренне надеется, что эта страна³⁸ останется в мире»³⁹. Хорошо видно, что именно выделили как главное в речи президента американские журналисты: двойное обещание остаться вне сферы конфликта.

Однако журналисты, по словам Г.Монти, оказались такой «клятвой» не вполне удовлетворены, и первый же вопрос на пресс-конференции был «о шансе этой страны остаться в стороне от войны». Рузвельт сказал: «Я не только надеюсь, но и верю: мы останемся в стороне, и каждое действие администрации будет направлено на это». Таким образом, Рузвельт за короткую встречу с представителями СМИ три раза пообещал сохранить нейтралитет. Его выступления четко демонстрируют весь комплекс вызванных войной сомнений и опасений в американском обществе. 1 сентября 1939 г. президент занял почти изоляционистскую позицию. Он заявил, что «созыв Конгресса для выработки закона о нейтралитете – дело не первостепенной важности и что сегодня не следует ожидать обсуждения закона о нейтралитете»⁴⁰.

Именно на этом, на непоколебимости принципов закона о нейтралитете, настаивали сенаторы-изоляционисты во главе с У.Бором⁴¹. Другим важным шагом по отстаиванию изоляционистской позиции стало обращение Герберта Гувера 3 сентября 1939 г., озаглавленное «Америка должна остаться вне войны». В обращении по радио бывший президент страны выразил взгляды, господствовавшие не только в республиканской элите, но и среди простых граждан: «Америка должна держаться

---

³⁸ Здесь и далее: «эта страна» – США.

³⁹ *Pittsburgh Press*. 1939. September 1. P.1.

⁴⁰ *Ibidem*. P.10.

⁴¹ Печатнов В.О., Манькин А.С. *История внешней политики США*. М., 2012. С.237.

подальше от европейской войны, ради сохранения цивилизации, основанной на демократии и свободе. Завоевание Польши может продлиться еще несколько месяцев, но, кажется, нет такой позиции, из которой решающую атаку, быстро завершающую войну, могут нанести Британия и Франция, с одной стороны, и Германия и Италия, с другой. Это будет война на медленное истощение»⁴².

Получается, по Гуверу, что у США в новой войне особая миссия, не простое получение экономической выгоды от затяжного конфликта, но и сохранение важнейших национальных основ, к которым Гувер прибегает и как к аргументам против войны. Гувер сказал: «Нынешняя ситуация не результат деятельности народа Германии, а только группы лиц, держащей народ в подчинении. Вся нацистская система отвратительна американскому народу. Большинство американских симпатий на стороне демократии. Однако наши симпатии не могут решить европейские проблемы. Америка должна держаться подальше от этой войны. Президент и Конгресс должны поддерживать любое решение, удерживающее нас от войны. Мы сможем удержаться, если нация будет непоколебима в этом. Мы будем более полезны Европе и человечеству, если сохраним силу и жизнестойкость Соединенных Штатов»⁴³. Бывший президент здесь в категоричной форме очень точно охарактеризовал настрой американских общественно-политических сил, видевших угрозу войны не в самой Германии или Италии, а в их руководстве, с которым до сентября 1939 г. сохранялись надежды либо договориться, либо переориентировать агрессию со стран Запада на Восток – против СССР. Но захват Чехословакии, жесткая риторика Гитлера, Муссолини и, наконец, нападение на Польшу убедили «американскую аудиторию, что вести конструктивный диалог с гитлеровской Германией невозможно»⁴⁴.

Однако в новых, уже военных условиях консолидации общества США по вопросам войны, мира и угрозы агрессии не происходит. Наоборот, как республиканцы, так и демократы начали использовать события Второй мировой войны для своих внутри- и внешнеполитических целей, связанных, прежде всего, с предвыборной гонкой. Публикации в прессе весны 1938 г. – начала осени 1939 г. показывают, что позиция Гувера и изоляционистов вызывала большую общественную поддержку и Рузвельту даже в первые дни войны приходилось чрезвычайно

---

⁴² *Reading Eagle. 1939. September 3. P.1.*

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч. С.325.*

осторожно добиваться изменений в настроениях общественности в целом и в законодательстве о нейтралитете в частности.

ПОЛЬША И ПРЕССА США

Очень важный поворот в американском обществе по отношению к военной угрозе и осознанию опасности со стороны Германии наступил 4 сентября 1939 г. В этот день как

ведущие, так и малые периодические издания опубликовали информацию о двух открытых актах насилия вооруженных сил Германии по отношению к гражданам США⁴⁵. Так, газета *Washington Reporter* на первой полосе под заголовком «314 американцев спасены с торпедированного корабля» пишет: «Британское правительство сообщило о спасении с торпедированного лайнера "Атения" приблизительно 1 400 человек, включая 314 американцев, кроме тех, кто погиб от взрыва. Атака квалифицирована как нарушение Гитлером собственного слова. Морскую атаку осудили как нарушение Гитлером обязательств»⁴⁶. Более резкую позицию, с осуждением преднамеренной атаки гражданского судна, повлекшего жертвы среди американцев, заняли *New York Times* и *Los Angeles Times*⁴⁷.

Второй враждебный акт Германии отмечен на страницах *Evening Independent* и *Boston Daily Globe*: «Бомбы угрожают послу США. Биддл назвал атаку своей виллы преднамеренной». Названные газеты указывают: «Загородный дом посла США в Польше Джозефа Биддла подвергся, как утверждают члены его семьи, преднамеренной бомбардировке. Посол доложил сегодня в Госдепартамент, что считает атаку своей виллы в пригороде Варшавы преднамеренной. Посол Джозев Биддл сообщил, что немецкие самолеты сбросили 6 бомб на его дом и окружающие постройки»⁴⁸.

Два этих события, в ходе которых пострадали граждане и интересы США, были восприняты общественностью как первое настоящее доказательство реальной угрозы со стороны Гитлера безопасности США. Журналисты не верили в случайность подобных происшествий, показывая читателям, что вне зависимости от желания американцев война при-

---

⁴⁵ Brennecke J. *The Hunters and the Hunted*. Annapolis, 2003. P.15–16.

⁴⁶ *Washington Reporter*. 1939. September 4. P.1.

⁴⁷ *Los Angeles Times*. 1939. September 4. P.1; *New York Times*. 1939. September 4. P.1.

⁴⁸ *Boston Daily Globe*. 1939. September 4. P.1; *Evening Independent*. 1939. September 4. P.1.

ближается к границам Соединенных Штатов. Последствия этих событий были использованы Рузвельтом в полной мере: уже 5 сентября было решено к 21 числу открыть специальную сессию Конгресса для внесения поправок в закон о нейтралитете⁴⁹.

Как отмечает В.Л.Мальков, «речь Рузвельта перед специальной сессией Конгресса 21 сентября 1939 г. была составлена мастерски. В ней уместилось все: констатация того, что Закон фактически помогает нападающей стороне; убеждение, что благодаря ему Соединенные Штаты объективно скорее окажутся втянутыми в войну, нежели станут помогать обороняющейся стороне; декларация солидарности с целями сохранения Америки вне войны; предложение о том, как обеспечить прибыли американским торговцам оружием и другими материалами, необходимыми воюющим странам, не рискуя быть втянутыми в военные действия»⁵⁰.

Как видим, Рузвельт очень быстро использовал негативное общественное мнение в отношении Германии из-за названных инцидентов для внесения принципиально важных изменений в закон о нейтралитете. Правильно подобранные факты в речи 21 сентября убедили значительную часть американской прессы и общественности не просто в реальности угрозы войны, но и в реальности данной войны для США.

Перед самой сессией Конгресса случилось еще одно важное событие, повлиявшее на оценку американцами угрозы войны: 17 сентября 1939 г. начался поход Красной Армии в Польшу. Пресса и общественно-политические силы не могли не отреагировать на это⁵¹. Ведущие газеты США резко критикуют СССР за подобные действия, называя операцию «предательством Польши», «советским вторжением» и даже сравнивают Сталина «с гиеной»⁵². А в *New York Times* описана еще более мрачная картина: «Европейская война распространяется на новом фронте, после того как Россия ввела свои войска в Польшу. Информированные источники заявили сегодня, что Франция столкнулась с возможностью состояния войны с Советским Союзом»⁵³.

⁴⁹ Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч. С.327.

⁵⁰ Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С.336.

⁵¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С.303.

⁵² *Chicago Daily Tribune*. 1939. September 18. P.1; *Deseret News*. 1939. September 17. P.1; *San Francisco Chronicle*. 1939. September 18. P.1, 3.

⁵³ *New York Times*. 1939. September 18. P.1.

Однако вступление советских армий в Польшу вызывает в то же время и новый раскол американского общества – часть изданий не склонны были видеть в этих действиях что-то шокирующее и неожиданное. Так, в газете штата Огайо *Tuscaloosa News* напечатана нейтральная статья «Русские войска входят в Польшу». Утверждалось, что «Россия, руководствуясь своими интересами и интересами белорусского и украинского меньшинства, отдала приказ своим армиям перейти границу. Продвижение русских армий на запад проходит в полном соответствии с нейтралитетом России в настоящем конфликте»⁵⁴.

Хорошо видно, что издание не только одобряет действия СССР, но и показывает причины похода в Польшу, а отсылка к нейтралитету представляет все события не войной или новым фронтом, как на страницах других периодических изданий, а лишь «продвижением» для защиты соотечественников. Это подтверждает вывод М.И.Мельтюхова, что «начавшаяся война в Европе и действия Красной Армии в Польше после 17 сентября 1939 г. не улучшили советско-английских и советско-французских отношений, ухудшившихся после подписания договора о ненападении с Германией, который был воспринят английским и французским руководством как поражение их внешнеполитической стратегии. Вместе с тем, не желая подтолкнуть СССР к дальнейшему сближению с Германией, Англия и Франция не стали обострять проблему советского вмешательства в Германо-польскую войну, а попытались уточнить советскую позицию относительно войны в Европе»⁵⁵. Поэтому и часть прессы США занимает не резко критическую позицию, а более нейтральную, подобно *Tuscaloosa News*.

И этот пример нейтрального отношения СМИ США к СССР не единичен. Газета штата Алабама *Youngstown Telegram* в статье «Новый элемент войны» сообщает: «Никакое событие со времени развязывания войны не имело такого значения, как полномасштабная русская мобилизация на западной границе. В частности, это означает, хоть и не явно, что Россия не останется в стороне от европейской бойни, а примет в ней активное участие»⁵⁶.

Начало статьи построено, скорее, в традиционном критическом духе, но затем обозначены новые ключевые аспекты. «Может быть, у Москвы есть план создания большого Украинского государства как барьера про-

---

⁵⁴ *Tuscaloosa News*. 1939. September 17. P.1.

⁵⁵ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.355.

⁵⁶ *Youngstown Telegram*. 1939. September 17. P.11.

тив восточной экспансии Германии. Такое государство может объединять не только польских украинцев, но в перспективе и украинцев в Румынии и Чехословакии. Попытка создания Украинского союза пробудит националистические чувства, и, как нам хорошо известно, украинцы здесь и за границей добиваются независимости. Они не идентифицируют себя с русскими и отличаются как по лингвистическим признакам, так и по психологическим»⁵⁷. Хорошо видно, что в американской прессе, как и во французской, но более раннего периода, обсуждалась идея создания независимого Украинского государства. Однако журналистами США оно мыслилось как своеобразный советский ответ на угрозу войны со стороны Германии. Определенно можно увидеть сходство подобных идей с аргументацией, приводившейся в пользу мюнхенских соглашений, – необходимостью объединения одной нации в рамках одного государства. Но если в 1938 году СМИ США использовали такие теории для защиты политики умиротворения, то в сентябре 1939 г. – для поиска хотя бы гипотетических противовесов нацистской агрессии.

В одном сходятся представители практически всех газет: Россия пришла в движение; вместе с Гитлером или против него – это, по мнению редакторов, будет ясно позднее. Но, независимо от обсуждаемых американской общественностью целей СССР, журналисты признавали: действия Союза будут иметь глубокие последствия для развития военной ситуации в Европе⁵⁸.

Быстрое поражение Польши и пассивные действия Франции и Великобритании на Западном фронте заставили прессу и часть политиков США сместить акценты в оценке конфликта и советского похода в Польшу. Так, 27 сентября 1939 г. ведущая газета Солт-Лейк-Сити в статье «Польская трагедия произошла от британской тупости» прямо поставила главный вопрос: «А что же русское вторжение? Против кого оно направлено? Эти вопросы наиболее часто задаются общественностью в последние несколько дней. Но Белоруссия – это не Польша. И Украина – это не Польша. Обе данных нации существенно отличаются от поляков. Белоруссия была завоевана Польшей в 1920 г., а Польская Украина аннексирована поляками в 1919, несмотря на вооруженное со-

---

⁵⁷ *Ibidem.*

⁵⁸ *San Francisco Chronicle. 1939. September 18. P.1; Wall Street Journal. 1939. September 18. P.1; Washington Times-Herald. 1939. September 18. P.1.*

противление украинского населения. Получается, что русские и не вторгались на польскую землю»⁵⁹.

По сравнению с публикациями предыдущего периода это выглядит как оправдание действий СССР, что вполне логично. Ведь к началу октября 1939 г. граждане и политическая элита США подошли к осознанию того, что в условиях «странной войны» организовать сопротивление Германии и Италии без участия Советского Союза будет крайне проблематично⁶⁰. Следовательно, жесткий критический курс прессы нуждался в быстрой корректировке.

ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЕВРОПЫ И ПРЕССА США

Новое наступление Гитлера на Западном фронте вызывает широкий и очень тревожный отклик, окончательно перечеркивает в глазах общественности бесперспективность и

губительность политики умиротворения и наносит серьезный удар по лагерю изоляционистов. Журналист Нельсон Пойнтер 10 мая 1940 г. написал: «Вторжение нацистов в Голландию расшевелит Америку. Ведь Голландия может быть использована для воздушных ударов по Великобритании»⁶¹. Похожие мысли приведены в газете *Miami News*: «Германия своим завоеванием Норвегии "закрывает" Британию с северного фронта, теперь – с центрального. Новый "москитный флот"⁶² Гитлера и подводные лодки могут действовать в Северном море с баз в Брюгге, Остенде, Роттердаме. Тяжелые бомбардировщики могут наносить удары по Англии и возвращаться на авиабазы в Голландии и Бельгии. Другими словами – Германия методично выбирает позицию для нокаута Великобритании. Мы в Америке шокированы новым нацистским зверством, но наш долг – не поддаваться эмоциям»⁶³.

Видно, что СМИ США воспринимают угрозу Великобритании уже как угрозу своей безопасности. Но даже после майских событий 1940 года и поражения союзников на Западном фронте часть журналистов продолжает не замечать военной угрозы для самой Америки.

---

⁵⁹ *Deseret News*. 1939. September 27. P.1.

⁶⁰ Печатнов В.О., Манькин А.С. Указ. соч. С.238.

⁶¹ *St. Petersburg Times*. 1940. October 5. P.1.

⁶² Совокупность мелких быстроходных военных судов, предназначенных для боевых действий большими группами.

⁶³ *Miami News*. 1940. October 5. P.12.

Именно такими настроениями объясняется призыв «не поддаваться эмоциям».

Даже после падения Франции – самого очевидного и сильного удара по всем изоляционистам – сенаторы США продолжали оставаться на старых позициях⁶⁴. Сенатор Ней (Северная Дакота) объявил, что необходима отставка Рузвельта из-за его внешней политики, которая привела страну к катастрофе: поражение Франции, изоляция Великобритании, потеря контроля над Германией и Италией, а США прочно увязли в европейских делах. Ней, сторонник невмешательства в европейские дела, призвал также к отставке военного министра Вудринга. Он заявил, что будет очень удивлен, если Комитет по вооружению не учтет того, что Вудринг ответствен за передачу союзникам «национального секрета №1» – новых прицелов для бомбардировщиков.

Конгрессмен Волш (Массачусетс) из Военно-морского комитета в своей речи заявил: «Лучше я выйду из своего кабинета и уйду в отставку, чем проголосую за любую европейскую войну». Он утверждает, что «помогать союзникам – это нормально», но, как и любой американец, хотел бы, чтобы «наш собственный флот и армия в европейскую войну не вмешивались». «Разве мы не понимаем ужасных, ужасных, ужасных последствий войны для Америки? – кричал Волш. – Разве матери хотят посылать своих сыновей участвовать в войне?» Он заявил, что его важнейшая забота – сделать национальную оборону настолько сильной, насколько это возможно. «Я хочу, чтобы каждое орудие, каждая бомба, каждый корабль, если потребуется, служили обычному человеку».

Сенатор Пэппер (Флорида) «не знает ни одного сенатора, который хотел бы, чтобы эта страна вступила в войну». Но он же раскритиковал «устаревшие военные традиции, которые утверждают, что собственная защита возможна только после получения удара»⁶⁵.

Получается, что даже после шокирующе быстрого падения Франции значительная часть политической элиты США продолжала исповедовать принципы изоляционизма. И, признавая необходимость затрат на оборону, отказывалась считать правильным курс Рузвельта на оказание большей помощи Великобритании, опасаясь, что это только сильнее и, главное, быстрее втянет США в войну с Германией и Италией.

---

⁶⁴ Подробно мнения сенаторов приведены в газете "Spartanburg Herald-Journal" (1940. June 22. P.1–2).

⁶⁵ Spartanburg Herald-Journal. 1940. June 22. P.1–2.

**ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ
И ПРЕССА США**

Еще одним весомым фактором, оказавшим воздействие на настроения общественно-политических сил США, следует назвать заключение Тройственного союза 27 сентября

1940 года. 30 сентября 1940 г. госсекретарь США К.Халл резко отреагировал на новый военно-политический союз агрессоров. Он заявил, что после заключения такого союза правительства Великобритании и США будут укреплять военно-морские и воздушные базы на Тихом океане, предоставлять всю необходимую помощь Китаю, рассмотрят вопрос о введении дополнительных эмбарго и скоординируют свои действия⁶⁶.

Представители СМИ, как и политики в столице, также увидели в этом явную угрозу скорой войны, причем для США это означало войну на два фронта. Так, журналист Д.Лоуренс записал в дневнике: «27 сентября 1940 г. Япония присоединилась к Германии. Результат может быть только один – война между США и Японией»⁶⁷. Другой солидный представитель американских СМИ – военный редактор *New York Times* Хэнсон Болдуин – в своем публицистическом труде доказывал неизбежность, более того, скорейшую необходимость для США войны с агрессорами⁶⁸.

Представитель военно-политической элиты Э.Стеттиниус в воспоминаниях очень подробно остановился на проблеме угрозы войны, ставшей очевидной после союза агрессоров. «27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония подписали союзный договор, причем каждая сторона обязалась защищать "новый порядок" в Европе и Азии – "новый порядок", возможный только при тотальной агрессии, – и помогать друг другу в случае "нападения" любой другой страны. Этот союз трех агрессоров, грубо замаскированный под оборонительный, представлял собой угрозу для США, поэтому наша страна продолжала принимать меры по самозащите»⁶⁹.

Таким образом, завершение «странной войны» в Европе и Тройственный союз вызывают значительные, но все же не радикальные перемены во взглядах общественно-политических деятелей США на про-

⁶⁶ Морисон С.Э. *Восходящее солнце над Тихим океаном: 1941 – апрель 1942 / Пер. с англ. М.; СПб., 2002. С.77; Peace and War: United States Foreign Policy 1931–1941. P.573–574.*

⁶⁷ Lawrence D. *Diary of a Washington Correspondent. N.Y., 1942. P.57.*

⁶⁸ Baldwin H. *United we Stand: Defense of the Western Hemisphere. N.Y., 1941. P.23.*

⁶⁹ Стеттиниус Э. *Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. С.78–79.*

блему угрозы войны. Однако у президента Рузвельта окончательно сформировалось убеждение, что к лету 1940 г. мирные средства воздействия на агрессоров были полностью исчерпаны. Военная сила стала, с точки зрения Ф.Д.Рузвельта, не только необходимым, но и законным инструментом внешней политики. «Двое сумасшедших уважают силу и только силу», – говорил он Г.Уоллесу, имея в виду Гитлера и Муссолини. Рузвельт усилил кампанию по мобилизации мирового общественного мнения в пользу государств, борющихся с фашизмом. В начале января 1941 года по радио прозвучало его выступление. Были сформулированы четыре принципа свободы⁷⁰, которые, по мысли президента, были «антитезой так называемому новому порядку»⁷¹.

Тем не менее только открытое, крупномасштабное нападение Японии на Тихом океане позволяет полностью переломить изоляционистское сопротивление и окончательно определить для прессы, политиков, военных и простых граждан США позицию в отношении Германии, Италии и Японии.

---

⁷⁰ «Мы хотим видеть мир, основанный на четырех основных свободах. Первая – это свобода слова и самовыражения... во всем мире. Вторая – это свобода вероисповедования для каждого человека... во всем мире. Третья – это свобода от нужды... во всем мире. Четвертая – это свобода от страха... во всем мире» (*Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P.106*).

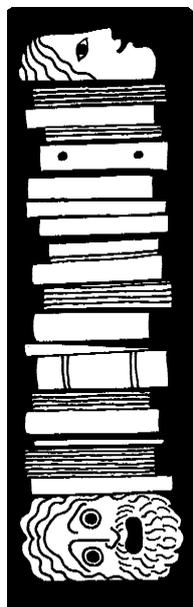
⁷¹ Юнгблуд В.Т. *От Лиги Наций к «системе всеобщей безопасности»: идеи организации мирового сообщества в воззрениях Ф.Д.Рузвельта, 1918–1941 годы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. №3. С.68.*

Даже лишенный собственных мыслей и собственной индивидуальности человек в ту самую минуту, когда его наделяют властью, приобретает сущность и содержание. Функция властвования меняет нутро носителя власти. Власть, кредит, слава создают индивидуальность и лицо тому, кого природа лишила этих свойств.

Л. Фейхтвангер

На свете существуют две истины,
которые следует помнить нераздельно.
Первая: источник верховной власти –
народ; вторая: он не должен ее
осуществлять.

А. Ривароль

Оксана Киянская, Давид Фельдман

«МЫ, "КРОКОДИЛ" ...»

ВЛАСТЬ И САТИРИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
В СССР В 1930-Х ГОДАХ

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
94 (47)

The author considers the Soviet satirical press of the 1930s on the example of "The Crocodile" magazine. The historical and political context of the magazine's existence is discussed in connection with tasks that were set for the Soviet satire of that period. The author analyzes "The Crocodile" editorial board's policy, the circle of the magazine's writers, main themes of publications. A particular attention is paid to the issue of denunciations on the magazine's staff members made to the State Political Directorate. Reasons of "The Crocodile" reform of 1934 are considered in detail. The article is predominantly based on archive materials including documents from the Federal Security Service of the Russian Federation Central Archive.

Ключевые слова: сатирическая печать; «Крокодил»; М.З.Мануильский; Я.М.Бельский; А.С.Бухов; ГПУ; Беломорско-Балтийский канал; М.Е.Кольцов.

Key words: satirical press; "The Crocodile"; M.Z.Manuilskiy; A.S.Buhov; G.P.U. (Political State Administration); White Sea-Baltic Canal; M.E.Koltcov.

E-mail: kianoks@inbox.ru; dmfeld@inbox.ru

*Мучительно наше сегодня,
Где все – наболевший вопрос;
Редактор, не будьте же сводней
Сатиры и искренних слез.
Смеяться нетрудно, но верьте,
Что жизнь – не пустой балаган
И в жуткой процессии смерти
Противно пускаться в канкан...*

А.С.Бухов. Письмо редактору. 1913 г.

Журнал Крокодил – старейший и, пожалуй, самый известный советский сатирический журнал. Первый его номер вышел в 1922-м, а последний – в 2008 году. Однако монографического исследования, в котором бы речь шла о каком-либо отдельном периоде существования журнала или о его истории в целом, не существует.

В данной работе делается попытка описать один из самых сложных и трагических периодов в существовании журнала, 1930–1934 годы. Источников, рассказывающих о том, чем в это время жил журнал, немало. Кроме собственно номеров журнала, это сохранившаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) часть редакционного архива; материалы Центрального архива ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), а также письма и мемуары крокодилцев, работавших в журнале в 1930-е годы.

«НАЗАД, К ОСТРОВСКОМУ»

Редактором журнала в тот период был М.З.Мануильский. Мануильский не писал статей и фельетонов, однако считался хорошим организатором печати в СССР. До назначения в

Крокодил он редактировал известную на всю страну газету *Рабочий край*, выходившую в Иваново-Вознесенске.

Назначению Мануильского ответственным редактором *Крокодила* предшествовала история, непосредственно связанная с именем знаменитого журналиста М.Е.Кольцова.

Собственно, Кольцов к этому времени – уже не столько журналист, сколько серьезный политический игрок. Он редактировал, в частности, сатирический журнал *Чудак* и считался одним из главных советских сатириков. В сентябре 1929 года в *Чудаке* был опубликован фотоматериал, высмеивающий «круговую поруку» в Ленинградской партийной организации. Материал вызвал волну партийного

возмущения, последовала отставка Кольцова с поста редактора, потом – после «покаяния» – возвращение на этот пост. Однако возвращение Кольцова не спасло *Чудак*, который закрылся в конце февраля 1930 года и был слит с *Крокодилом*¹.

Крокодил в начале 1930 г. редактировали журналист и сатирик Н.К.Иванов-Грамен, один из основателей *Крокодила*, и Ф.Я.Кон – старый большевик, соратник Ленина, занимавшийся журналистикой «по совместительству» с партийной и советской работой.

Кольцов считал, что «редактором нового, объединенного журнала» должны назначить именно его – и это мнение разделял Кон. 30 января 1930 г. Кольцов писал К.Е.Ворошилову, одному из своих партийных покровителей, что Кон «третьего дня» пригласил его к себе и «предложил принять уже журнал». Однако назначение это так и не состоялось.

«Что же случилось? В чем я провинился опять? Не знаю, и потому подавлен, считаю, что здесь несправедливость», – сетовал Кольцов в письме Ворошилову. Бывший редактор *Чудака* просил: «Покажите, К[лимент] Е[фремович], эту записку тов. Сталину! Я верю, что его тронет этот маленький, но не пустой вопрос»².

Михаил Мануильский.
Дружеский шарж
Кукрыниксов. 1932 г.

Ворошилов, как следует из пометы на письме, показал его Сталину, но кольцовская обида не тронула генсека. Ответственным редактором объединенного журнала стал Мануильский.

Очевидно, тут не обошлось без протекции. Его старший брат, Д.З.Мануильский, бывший первый секретарь ЦК КП(б)У, председатель советской партийной делегации в Исполкоме Коминтерна, был видной политической фигурой. Кроме того, Мануильский-старший внимательно следил за противоборством на литературном фронте и сам в этом противоборстве участвовал³.

¹ См.: «Подписчикам журнала "Чудак" ...» // *Чудак*. 1930. №6. С.94.

² Цит. по: Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С.142–143.

³ См. об этом: Парсамов Ю.В., Фельдман Д.М. Грани скандала: цикл новелл И.Бабеля «Конармия» в литературно-политическом контексте 1920-х годов // *Вопросы литературы*. 2011. №6. С.23–38.

Новый редактор быстро собрал собственную редколлегию.

Заместителем редактора стал Я.М.Бельский. Бельский, уроженец Одессы, был другом большинства знаменитых одесских литераторов, после революции служил в Одесской ЧК, с его именем связано освобождение в 1920 году из чекистской тюрьмы В.П.Катаева. Уйдя из ЧК, Бельский много лет проработал в украинской печати, в Николаеве и Харькове, редактировал газету *Красный Николаев*, сатирические журналы *Бурав*, *Гаврило* и *Червоний перець*⁴.

Литературной частью *Крокодила* заведовал Л.Д.Митницкий, друг Бельского, тоже одессит, один из старейших сотрудников журнала. Заведующим редакцией был при Мануильском И.П.Абрамский, тоже давно работавший в журнале.

* * *

Новая редакция *Крокодила*, принимая дела от Кона и Иванова-Грамена, неминуемо должна была столкнуться с целым рядом трудностей политического характера. Формы советской сатиры, как и само ее право на существование, были в конце 1920-х – начале 1930-х годов предметом ожесточенной дискуссии. О том, чем должна была заниматься советская сатира, говорили не только критики и литературоведы: соответствующие решения принимали партийные органы. По этому поводу высказывался Сталин, требовавший от журналистов «самокритики», организации «критики снизу» и «срывания масок» с затаившихся троцкистов⁵.

Трудность положения *Крокодила* усугублялась еще и тем, что, после закрытия *Чудака*, а в 1933 году – и «крестьянского» журнала *Лапоть*, он остался единственным всесоюзным сатирическим журналом.

---

⁴ См. о Бельском: Мацкин А.П. *По следам уходящего века*. М.: Аслан, 1996. С.18; Катаев П.В. *Доктор велел мадеру пить... Книга об отце*. М.: Аграф, 2006. С.33; Киянская О.И., Фельдман Д.М. *К истории советской региональной печати: дымовское дело* // *Россия XXI*. 2014. №2. С.162–186; Их же. *Уездный детектив: Одесская биография Евгения Петрова (в двух частях, с прологом и эпилогом)* // *Вопросы литературы*. 2014. №5. С.1–65.

⁵ Сталин И.В. *О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция»* // Сталин И.В. *Сочинения*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т.13. С.101; Его же. *Против опошления лозунга самокритики* // Там же. 1949. Т.11. С.127–138.

В юбилейном номере *Крокодила* за 1932 год, посвященном десятилетию журнала, был опубликован весьма примечательный «манифест»: «Мы, "Крокодил", первый и не последний, Великий Бич тунеядцев, бюрократов, оппортунистов, кликуш и классовых врагов в мировом масштабе, публикуем настоящий манифест в связи с 10-летним юбилеем нашим в лето 1932-е... Мы не хотим никому в этот день портить настроение, но сообщаем всем рвачам, нытикам, маловеерам, оппортунистам и бюрократам, что в день юбилея мы признали за благо увеличить свою производительность вдвое»⁶.

Исполняя решения партии, балансируя между враждующими партийными и литературными группировками, участвуя в политических кампаниях, *Крокодил* под руководством Мануильского был крайне осторожен в высказываниях и оценках, предпочитая разоблачать врагов «в мировом масштабе».

«Межпланетные масштабы». Карикатура Я.М.Бельского (*Крокодил*. 1932. Апрель. №11. С.11).

Политической борьбой, высмеиванием конкретных противников «линии партии» журнал практически не занимался. Вместо этого он, впервые в сатирической журналистике, «повернулся лицом к читателю»: «Работа выездных бригад, "крокодилский" контроль за ходом строительства крупнейших заводов (в 1931 г., например, редакция взяла под свой контроль 36 ударных строек), выпуск специальных сатирических листков и газет "Крокодила" – все это стало постоянными формами связи журнала с читателями, с жизнью», – констатируют исследователи⁷.

Редакция получала огромное количество писем «с мест»; была, кроме того, создана разветвленная сеть «кроколов» – внештатных корреспондентов *Крокодила*. Номера журнала выходили при Мануильском в пяти вариантах: основном, московском, урало-сибирском, ленинградском и украинском. Кроме того, выпускались специальные листки («штурмовки») «Крокодил у нас», посвященные проблемам отдельных заводов и фабрик. Листки

⁶ Манифест // *Крокодил. Спецвыпуск. 1932. №15–16. Май. С.13.*

⁷ *Скорыходов Г.А. Указ. соч. С.469.*

эти рассылались на места; ежемесячно печаталось около 150-ти такого рода изданий⁸.

Издавался и особый «сатирический блокнот» «Крокодил – агитатору». В блокноте «концентрировались лучшие карикатуры и литературные тексты, которые агитаторы могли использовать в своей работе на предприятии»⁹.

Крокодилские художники разрисовывали – к первомайским торжествам 1932 года – улицу Кузнецкий мост в Москве; по заданию Мануильского сотрудники журнала искали в советских учреждениях «самого несносного болтуна, самого пространного бумагомараку, самого знаменитого очковтирателя, самого безответственного шляпу-растяпу». Абрамский вспоминал, что в 1933 году редакции удалось собрать деньги на постройку собственного самолета, с нарисованным на фюзеляже крокодилом: «Сколько заводов и совхозов облетали наши художники и литераторы, ведя там агитационно-массовую работу, собирая материал для карикатур и фельетонов. Уже в первом рейде воздушный "Крокодил" налетал свыше семи тысяч километров, побывав в Днепропетровске, Донбассе, Куйбышеве, Горьком, Свердловске»¹⁰.

Пожалуй, наиболее четко направление журнала при редакторе Мануильском выразил Михаил Зощенко в опубликованном в *Крокодиле* рассказе «Кража»: «Чего автор хотел сказать этой сатирической вещицей? Куда направлено наше сатирическое жало?.. В крайнем случае, это сатирическое произведение можно засчитать как развлекательный материал под лозунгом – показ живого человека»¹¹.

Собственно, такой подход к сатире санкционировал М. Горький, встретившийся в конце 1932 года с редколлегией журнала. По свидетельству участвовавшего в беседе Абрамского, Горький похвалил «Крокодил»: «Самое лучшее, что есть в журнале, – это фактический материал. Чувствуется, что в редакции любят читательские письма и умеют с ними работать. Это – самый большой комплимент, который

---

⁸ См. об этом: Муратова К.Д. *Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917–1932*. М.: АН СССР, 1933. С.137. №761.

⁹ Абрамский И.П. *Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил»*. М.: Искусство, 1977. С.19.

¹⁰ Абрамский И.П. *Долгожитель с вилами наперевес* // Абрамский И.П., Ефимов Б.Е. *Секрет долголетия*. М.: Правда, 1978. С.61; *Его же. Смех сильных*. С.11–13.

¹¹ Зощенко М.М. *Кража* // *Крокодил*. 1933. Март. №7. С.8.

можно сделать массовому изданию. Молодцы, прямо говорю – молодцы!»¹².

Относительной свободе *Крокодила* способствовали не только некоторое ослабление политической напряженности в СССР и не только сильная протекция, которой безусловно пользовался редактор Мануильский. Этому способствовала и неразбериха с официальным издателем *Крокодила*.

В 1930 году издателем журнала считалась *Рабочая газета* – орган ЦК ВКП (б), ориентированный специально на рабочую аудиторию. Однако в конце января 1932 г. газета была закрыта; вместо нее стал выходить отраслевой орган под названием *Водный транспорт*. Издателем *Крокодила* с этого момента стало издательство «Правда» – крупнейший полиграфический комбинат, выпускавший, кроме газеты *Правда* и *Крокодила*, огромное количество разнообразной печатной продукции. Однако издательство как таковое не было органом печати и не занималось непосредственной организацией политических кампаний. В выборе стратегии сатирической деятельности *Крокодил* мог действовать относительно самостоятельно – естественно, в разумных рамках.

Под обложку своего журнала редколлегия удалось собрать множество громких имен: сотрудничать в *Крокодиле* было не только почетно, но и выгодно. Трудно сказать, как изменилось финансирование *Крокодила* с приходом Мануильского; сведений о зарплатах и гонорарах в журнале до 1930 года не сохранилось. Зато удалось обнаружить – к сожалению, не в полном виде – финансовые расчеты Мануильского. Из расчетов следует, что самым высокооплачиваемым фельетонистом *Крокодила* был знаменитый в 1930-е годы Б.Г.Самсонов, писавший передовые фельетоны и под своей фамилией, и под псевдонимом «Савелий Октябрьев». Самсонов получал 1 500 рублей за печатный лист, что равнялось примерно 1 рублю 50 копейкам за строчку, состоявшую из 40 печатных знаков.

Второе место занимали Зощенко, И.А.Ильф и Е.П.Петров, которым платили по рублю за строчку. После скорострительной смерти Самсонова (август 1933 г.) их гонорары стали самыми большими в журнале. Остальные, в том числе активно сотрудничавший в журнале В.П.Катаев, получали от 60 до 25 копеек за строчку.

---

¹² *Абрамский И.П. Смех сильных. С.20–21.*

«МЫ, "КРОКОДИЛ"...»

Как следует из документов, редактор адекватно оценивал собственный вклад в создание журнала: у него была отнюдь не самая большая зарплата в редакции. Больше всех получал Абрамский – 450 рублей в месяц. Зарплата Мануильского была 300 рублей, а Бельского и Митницкого по 275 рублей. А Самсонову, Ильфу и Петрову ежемесячно платили по 150 рублей в месяц – в счет будущих гонораров. Все трое считались «прикрепленными» сотрудниками журнала¹³. На «фиксе», то есть на постоянной зарплате, работал в журнале и Зоценко.

Звездному составу литераторов вполне соответствовал и состав художников-карикуристов; очевидно, что их гонорары тоже были немаленькими. Большинство из них работали в *Крокодиле* еще при старых редакторах.

* * *

Сохранившиеся документы позволяют проанализировать и внутреннюю жизнь редакции *Крокодила*. Собственно, редакция была типичным советским заведением – с его мелкими склоками, дрызгами и взаимным недовольством. Крокодилскую повседневность хорошо описал Митницкий в письмах к Мануильскому; письма эти хранятся в РГАЛИ, в фонде *Крокодила*. Митницкий, «старый крокодилец» – нездоровый, нервный человек, типичный редакционный правдоискатель – был недоволен редактором, высказывал ему свои претензии.

Согласно письмам, начало работы новой редколлегии было омрачено конфликтом Мануильского и Бельского, произошедшим в начале 1932 года. Ссора двух руководителей журнала огорчила Митницкого. Завлит

Лазарь Митницкий.
Дружеский шарж
Кукрыниксов. 1932 г.

¹³ Смета по работе в журнале «Крокодил», составленная редактором М.З.Мануильским на 1933 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф.600. Оп.2. Д.66. Л.2–3. Ср.: «Понятие о сатире я имею более твердое...»: (Письма М.М.Зоценко – М.З.Мануильскому) / Публикация С.В.Зыковой // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1988. Вып.6. С.204–213.

сетовал на «особое недовольство» редактора своим заместителем, критиковал Мануильского за то, что он не высказывал претензий в лицо Бельскому, «напрямик, по-большевистски». И констатировал, что между редактором и заместителем существовала «сплошная недоговоренность»¹⁴.

Причину ссоры Митницкий не называет. Однако в феврале 1932 года в журнале *Журналист* вышла статья «Слово имеет "Крокодил"», подписанная всеми членами редколлегии. С одной стороны, в статье критиковались те, кто недооценивал значение советской сатиры. С другой же – текст был призван продемонстрировать готовность редакции к «самокритике»: «"Крокодил" не свободен еще от многих недостатков. В нашей работе имеют место отдельные срывы. Их не должно быть впредь». Как авторы «неправильной» сатиры в статье критикуются, например, Ильф и Петров, которые «находятся в процессе блуждания и, не сумев найти правильной политической ориентировки, работают вхолостую»¹⁵.

Резкий отзыв об Ильфе и Петрове был, скорее всего, вызван баталиями вокруг только что вышедшего романа «Золотой теленок» (1931). Однако Бельский к написанию и публикации статьи отношения не имел. С ноября 1931 по апрель 1932 года он был в «военной командировке», поскольку состоял на «особом» чекистском учете и периодически призывался на службу. Заместитель редактора восемь месяцев отсутствовал в Москве и делами журнала не занимался.

Именно в это время «судьба Бельского» и была решена – «при ближайшем участии неперменного Абрамского»¹⁶. Очевидно, статья была написана Абрамским, а Бельскому, близкому другу Катаева, факт появления его фамилии на страницах «Журналиста» не понравился.

Вообще же, согласно Митницкому, в журнале сложились две «партии». Одну из них возглавлял Абрамский.

К другой же, «Абрам-оппозиции», принадлежали сам автор писем, а также Бельский и некоторые другие сотрудники.

---

¹⁴ Письмо Л.Д.Митницкого М.З.Мануильскому от 19 апреля 1932 г. // РГАЛИ. Ф.600. Оп.2. Д.215. Л.1 об.

¹⁵ Мануильский М.З. и др. Сатира на социалистической стройке. Слово имеет «Крокодил» // *Журналист*. 1932. №6. С.10–11.

¹⁶ Письмо Л.Д.Митницкого М.З.Мануильскому от 19 апреля 1932 г. Л.1 об.

Недовольный командировкой в Магнитогорск с заданием выпускать «декадную штурмовку» «Крокодил в Магнитогорске», Митницкий сетовал: «Сюда бы Абрамского. Этот смог бы. Но его корабли дальше Ленинграда и Харькова не ходят. Он любит "посылать". Он тот французский генерал, который хотел сражаться до последнего русского солдата. Сейчас в отъезде и Яша¹⁷, и Дорофеев¹⁸, и я. Вся Абрам-оппозиция. И вероятно Абрамский составил уже проекты командировок:

– Дорофееву Сахалин!

– Яше тундру!

А себе скромно – Берлин или Париж».

Митницкий явно сгущал краски – и сам понимал это, объясняя редактору, что «очень многое» в крокодильских «распрях» «хоронится» в его «несчастных нервах»¹⁹. Ничего плохого Абрамский «Абрам-оппозиции» не сделал: никто из них не лишился работы, не был понижен в должности. Редактор же всегда находился «над схваткой» и этим дополнительно раздражал включенного в борьбу с Абрамским Митницкого.

Вообще члены редколлегии *Крокодила*, в том числе и Бельский, относились к Митницкому с большой долей иронии. Бельский отзывался о завлите следующим образом: «Он по природе своей не верит никакой погоде, он даже солнце иногда принимает за грозовую тучу, говоря: "Крепите фалды, – будет буря"»²⁰.

Повседневная жизнь редакции состояла не только в подготовке «крокодильских» номеров, не только в традиционных командировочных «распрях», но и, например, в выпуске неофициальной стенгазеты. В архиве *Крокодила* сохранились, в частности, дружеские стихотворные

Исаак Абрамский.
Дружеский шарж
Кукрыниксов. 1932 г.

¹⁷ Имелся в виду Я.М.Бельский.

¹⁸ Имелся в виду С.Дорофеев, фельетонист и поэт-сатирик, выдвигенец из рабочих, член редколлегии «Крокодила».

¹⁹ Письмо Л.Д.Митницкого М.З.Мануильскому от 22 марта 1932 г. // РГАЛИ. Ф.600. Оп.2. Д.215. Л.4 об.

²⁰ Бельский Я.М. Крокодильский корабль // *Крокодил*. 1932. №15/16. С.10–11.

послания, подготовленные для нее. Послания эти были понятными только в стенах редакции и не предназначались для открытой печати:

*Быковой снится страшный сон
(а сны невежливы и грубы),
Что пляшет Бельский чарльстон,²¹
А Мануильский мажет губы²¹.*

Всегда помнившие о том, что они сатирики, сотрудники *Крокодила* устраивали друг другу розыгрыши, рисовали друг на друга и на начальников дружеские шаржи, которые публиковали в журнале.

* * *

Описывая ситуацию в *Крокодиле* в письмах к Мануильскому, Митницкий подробно останавливался на принципах подбора авторов для журнала, на атмосфере в редакции. «То, что происходит сейчас в "Крокодиле" (я знаю об этом со слов всех крокодилцев), – писал он в апреле 1932 года, – есть стопроцентный поворот "назад, к Островскому". В самом деле – разве концессия на абсолютное суждение о лит[ературном] матерьяле, предоставленная Ильфу–Петрову (тем самым, которых вы до последних дней считали угождателями мелкого буржуа), – это шаг вперед? Зощенко – это большое достижение в политическом журнале? Не вы ли, морщась, называли его обывательским писателем? Ардов? Ардов и политический журнал! Нужны ли комментарии?! Но и я их тоже приглашал, не возражал против привлечения. Вся соль в дозах. В одной дозе мышьяк – лекарство. В другой – яд. Если бы у вас было мужество быть прямолинейным, то вы всегда и без хитростей могли бы иметь в "Крокодиле" тот аппарат, какой нужен журналу. Но когда смотришь на ту "смену", которую вы сейчас лавируя, подбираете, то невольно восклицаешь:

– За что боролись?»²².

Конечно, Митницкий сильно преувеличивал степень опасности для журнала деятельности Ильфа, Петрова, Зощенко и Ардова. Однако в целом опасения его оказались не напрасными. Далекое не все в письмах завлито оказалось продиктовано «нервами».

---

²¹ Бельский Я.М. Рассказы. Эпиграммы на неустановленных лиц // РГАЛИ. Ф.600. Оп.2. Д.8. Л.12.

²² Письмо Л.Д.Митницкого М.З.Мануильскому от 19 апреля 1932 г. Л.1–2.

Редактор, уповавший на поддержку старшего брата, действительно был крайне неосторожен в действиях и поступках. Он допускал в журнале публикации, которые, не будучи прямой крамолой, вполне могли – при определенных обстоятельствах – быть сочтены за таковую. К тому же Мануильский не отличался аккуратностью в подборе кадров не только «аппарата», но и работавших по совместительству фельетонистов. И последствия этой редакторской самонадеянности оказались для журнала самыми плачевными.

**«КАРТИНА ПОЛНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗЛОЖЕНИЯ...»**

Согласно мемуарному свидетельству П.В.Катаева, сына В.П.Катаева, Бельский, возвратившись из «военной командировки», «хватаясь за голову, рассказывал об огромном

количестве стукачей в писательской среде и о доносах на отца, которые сам читал».

«– Их много!.. Почти все!..

Лицо отца, когда он об этом рассказывал, менялось и становилось похожим на незнакомого мне Яшу Бельского. И интонации отцовского голоса – этакое "крика шепотом" – так же копировали его голос».

Сын писателя полагает, что именно со знанием имен авторов доносов были связаны «некоторые "необъяснимо" прохладные отношения отца с некоторыми его товарищами-писателями», что «с течением времени» доноскики «были навсегда вычеркнуты из его жизни»²³.

Мемуарист прав: доносы и на Катаева, и на самого Бельского, и на других крокодильцев писались в больших количествах. Но, судя по сохранившимся документам, Бельский далеко не всегда имел возможность установить их авторов.

* * *

В 1937 году, кроме Бельского, расстреляли еще нескольких литераторов, в разное время сотрудничавших с *Крокодилом*. В частности, был расстрелян Аркадий Бухов. Бухов, знаменитый журналист с дореволюционным стажем, блестящий фельетонист, сотрудник *Сатирикона* и друг Аркадия Аверченко, после революции

---

²³ Катаев П.В. Указ. соч. С.34, 155.

несколько лет жил в Литве, редактируя в Ковно (Каунасе) эмигрантскую газету *Эхо*. В 1927 году он вернулся в СССР, стал сотрудничать в советских сатирических журналах.

Валентин Катаев впоследствии называл Бухова «бриллиантом чистой воды в "короне русского смеха"». А Виктор Ардов утверждал: «Надо прямо сказать, что это был выдающийся журналист-редактор, фельетонист, драматург»²⁴.

В архиве ФСБ России хранится уголовное дело Бухова. Анализировать это дело – с, так сказать, нравственной точки зрения – очень непросто. В 1937 году фельетонист, буквально раздавленный арестом, активно сотрудничал со следствием, писал многостраничные собственноручные показания. Самые объемные показания, данные 7 августа 1937 года, Бухов определил как «политическую и бытовую исповедь».

Из материалов дела следует: в случае отказа от сотрудничества подследственному пригрозили расправой с семьей, и, в частности, с дочерью: «Я готов чем угодно искупить свои грехи, лишь бы моя дочь, которую я больше всего люблю в жизни, могла бы вырасти полезным, хорошим, образованным советским человеком и росла бы в человеческих условиях и со своей матерью».

В случае же сотрудничества ему, напротив того, была обещана свобода: «Во время следствия ко мне не применяли никаких мер воздействия, насилующих мою волю – наоборот, мягким обращением меня заставили острее переживать все свое прошлое. И вот сейчас я чувствую в себе достаточно силы воли, чтобы принять смягчение моей участи не как поблажку, а как руку, помогающую упавшему человеку встать»²⁵.

Писатель поверил следствию – и был обманут. Несправедливо осужденный за шпионаж в пользу Литвы и Германии, он был казнен.

Из «исповеди» выясняется, в частности, что вернуться из эмиграции Бухова заставило тяжелое материальное состояние газеты *Эхо*, необходимость постоянно изыскивать деньги на ее издание, зависимость от тех, кто эти деньги давал. «Я, – показывал Бухов, – представлял собой гражданина, лишенного родины... писателя,

---

²⁴ Ардов В. [Заявление в КГБ при Совете Министров СССР от 7.03.1955 г. по вопросу реабилитации А.С.Бухова] // Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-4872. Л.222; Катаев В.П. Аркадий Бухов // Вопросы литературы. 1967. №8. С.235.

²⁵ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.61, 141–142.

порвавшего с литературой и пересчитывающего темные, выкинутые как подачку деньги, бесчестного журналиста, сделавшего свою газету лавочкой... И в то же время я видел в советских изданиях статьи и рассказы своих прежних товарищей, видел советские сатирические журналы и прекрасно понимал, что если бы я жил в СССР, то... я мог бы честно и спокойно, без тайных и подлых связей, жить и работать, вместо того, чтобы здесь валяться в моральной грязи, хотя и в дорогих штанах и с пятиблюдным обедом».

Вернувшись, Бухов быстро понял, что совершил непоправимую ошибку. О нравах в СССР, которые, живя за границей, он плохо себе представлял, ему сразу же рассказали его друзья, в эмиграцию не уехавшие.

О начале своей советской жизни он показывал следующее: «В первый же день я пошел к Кольцову, который встретил меня приветливо, предложил у себя в "Огоньке" работу и в разговорах, отвечая на какой-то мой вопрос, иронически произнес фразу, которую я хорошо запомнил: "У нас, Аркадий Сергеевич, все бывает, у нас никто ни от чего не застрахован". В соседней комнате работал писатель Ефим Зозуля, который в ответ на то, что он делает, ответил: "Пишем, пока не запретят". Кажется, на второй или на третий день моего приезда журналист Вас[илий] Алекс[андрович] Регини (Раппопорт) ответил на мой вопрос – где лучше работать: "Работать можно везде, пока не выгонят"».

«В этот период времени я встретился с литератором Саянским... Когда я спросил его, как относятся к нему как к бывшему офицеру, работающему в газете, он ответил: "А мне плевать, платят деньги – и ладно". В этот же период я встретился с писателем М[ихаилом] Левидовым... Он сказал мне: "У нас работать нельзя, можно только делать вид, что работаешь". Познакомился с писателем Булгаковым, который в это время очень нуждался из-за запрещения какой-то его пьесы. Он сказал мне: "Буду подыхать с голода, а писать буду то, что я хочу, а не они, и вообще у нас лучше быть нищим, чем писателем". Увиделся на улице с Юрием Ключниковым (профессор, один из лидеров сменовеховства; я с ним вместе учился в казанской гимназии); он сказал: "Приехали? Поздравлять не с чем". От старого приятеля, бывшего сатириконца Евг[ения] Венского (Пяткина) я услышал: "Зачем приехали? Был человек и не станет человека"»²⁶.

---

²⁶ Там же. Л.98–99, 109–111.

По приезде Бухов сразу же столкнулся с недоверием и подозрительностью к себе со стороны редакций сатирических журналов. У него долго не было постоянной работы, печатали его неохотно. И вдобавок чуть не лишили избирательных прав – за редактирование антисоветской эмигрантской газеты. В 1928 году Бухов принял предложение работать «в качестве секретного агента в СПО (секретно-политический отдел. – О.К., Д.Ф.) НКВД». Как «секретный агент» Бухов собирал информацию «о настроениях среди писателей или об отдельных писателях».

Свои обязанности, согласно показаниям, бывший сатириконец «считал почетной для себя работой», «выполнял добросовестно», «ничего не утаивая – во всяком случае, ничего не желая утаивать». И раскаивался на следствии только в том, что работал в основном по заданиям, «делал сводки» о тех, за кем его просили следить его кураторы, проявляя при этом «мало личной инициативы»²⁷.

Константин Ротов.
Дружеский шарж
Кукрыниксов. 1932 г.

Четыре года спустя другой крокодилец, художник Константин Ротов, у которого за плечами была работа в деникинских изданиях на Дону, в резкой форме отказался от «секретного сотрудничества» с «органами». При этом Ротов заявил, что доноительство на коллег «шло вразрез с его убеждениями»²⁸.

После отказа от сотрудничества Ротова не посадили в тюрьму и даже не выгнали из *Крокодила*.

Очевидно, и у Бухова была возможность отказаться от «почетной» миссии. Но, судя по «исповеди», осознание собственной вины перед семьей, мысль о том, что он своими руками обрек любимую дочь едва ли не на

²⁷ Там же. С.99, 167, 54. – В 1920-е годы деятельность секретных сотрудников курировал Секретный отдел ОГПУ; очевидно, Бухов в начале собственной «секретной» деятельности сотрудничал именно с этим отделом. СПО ОГПУ был создан в 1931 году. Таким образом, показания Бухова фиксируют ситуацию, существовавшую на момент его ареста.

²⁸ Новоселов Д.С. «Все мое несчастье в том, что я рано начал работать и печататься...»: Документы о судьбе художника К.П.Ротова (1943–1944) // Русский сборник: Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2007. Т.IV. С.208.

смерть, поставила фельетониста на грань психической болезни, заставила сделать еще одну непоправимую ошибку.

В итоге Бухова расстреляли, а тот же Ротов, арестованный в 1940 году и приговоренный к восьми годам лагерей, по отбытии срока вышел на свободу.

* * *

Крокодильский дебют Бухова состоялся в мае 1932 г. Его фельетон, напечатанный в юбилейном номере, посвященном 10-летию журнала, назывался «Лавочка смеха». Тема фельетона была традиционной для *Крокодила*. Автор разоблачал глупость и тупость зарубежной сатиры: «Когда заходит разговор о сегодняшней западной сатире и юморе, сейчас же начинаются теплые историко-литературные воспоминания:

– А помните – Сервантес? А помните – Диккенс? А помните – Мольер, Рабле, Гейне?..

Помним. Были. У европейской сатиры и юмора были прекрасные предки, но потомки их поставили на голову дарвиновскую теорию, и, вопреки ей, от великих людей произошли маленькие обезьяны».

Далее следовали пародии на сатирическое творчество «маленьких обезьян». Современная, к примеру, скандинавская сатира представлялась автору фельетона следующим образом: «Один состоятельный мельник вез на продажу жирную свинью.

– Не хочешь ли выпить водички, моя свинушка?

– С удовольствием, – ответила свинья, и они поехали дальше.

Потом свинью закололи, а мельник женился и окривел. Все».

Однако то, что под пером большинства других крокодилцев смотрелось вполне органично, для бывшего эмигранта Бухова представляло измену и своим принципам, и оставшимся за границей друзьям. Автор и сам прекрасно понимал двусмысленность фельетона – в контексте собственной биографии: «Каждый смеется, как может. Особенно когда ему хочется плакать»²⁹.

Однако этот фельетон сыграл свою роль: Бухов стал постоянным автором *Крокодила*. Его тексты начали появляться почти в каждом номере. В показаниях он заметил, что именно с момента прихода в *Крокодил* «стал себя чувствовать советским гражданином и советским писателем». И объяснял это свое новое состояние тем, что «впервые за

---

²⁹ Бухов А.С. Лавочки смеха // *Крокодил. Спецвыпуск. 1932. №15–16. Май. С.7.*

все свое советское время» «вернул себе то, что было... утеряно еще в 1917 году: свою прежнюю специальность, положение как писателя, материальное спокойное положение, уверенность в дальнейшей работе и надежду на возвращение литературного имени»³⁰.

О сексотской деятельности Бухова ни Мануильский, ни Бельский, ни Катаев, ни другие крокодилы, по-видимому, не подозревали. С ним дружили и сотрудничали, при нем вели откровенные разговоры. Бельский соавторствовал с Буховым как крокодилский темист. Катаев писал с ним в соавторстве юмористические тексты, а впоследствии, после его реабилитации, отзывался с большой теплотой.

* * *

Содержание доносов установить не удалось: такого рода документы редко бывают доступны исследователям. Однако можно предположить, что характеристики писателей, журналистов и журналов, данные Буховым на следствии 1937 года, вполне соотносились с этими доносами. Подследственный очень любил семью и очень хотел жить. И задача его состояла, прежде всего, в том, чтобы, раскаиваясь в недостаточно «советском» образе мыслей, доказать тем не менее собственную лояльность по отношению к советской власти.

Сотрудничество с НКВД было сильным козырем в линии самозащиты, которую он пытался выстроить на следствии. Соответственно, ему нужно было подтвердить справедливость сведений о настроениях в литературной и журналистской среде, отвести от себя обвинения в сознательной дезинформации кураторов из СПО. Нетрудно предположить, что речь в показаниях и, прежде всего, в «исповеди» идет преимущественно о тех литераторах, о ком Бухов собирал сведения.

Судя по показаниям, главным объектом внимания сексота был журнал *Крокодил*, его сотрудники и близкие к журналу литераторы и художники:

- «Олеша Юрий Карлович, писатель. Он настроен фашистски. В разговорах со мной он развивал теорию сильной личности типа Муссолини»;

---

³⁰ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.46.

- «Катаев Валентин Петрович, писатель. Критиковал успехи советской власти и говорил, что в случае столкновения с капиталистическим миром СССР потерпит поражение»;
- «Храповский Михаил Борисович, художник. Агитировал за неизбежность капиталистического развития СССР и буржуазные "демократические" свободы»;
- «Ардов Виктор Ефимович, писатель. Распространяет антисоветские анекдоты и злобно критикует всякие неудачи советской власти»;
- «Радаков Алексей Александрович, художник. Считает, что никаких достижений в СССР нет, все построено на очковитрательстве, что в СССР все плохо, а что и было хорошего, распадается» и т.п.³¹

Рассуждения Бухова о ситуации в редакции *Крокодила* сродни тем, что содержатся в письмах Митницкого: «В "Крокодиле" к[онца] 33–34 года, когда я начал там работать³², я застал картину полного политического разложения... Сотрудники приходили в редакцию пьяными, ни в одной редакции нельзя было наслушаться столько контрреволюционных сплетен, сколько в "Крокодиле". Мих[аил] Захар[ович] Мануильский, ответственный редактор журнала, поставленный туда братом Д.З.Мануильским, не мог, а может, и не хотел бороться с такой атмосферой в редакции».

Бухов, в отличие от Митницкого, не видел крамолы в деятельности Зоценко, Ильфа и Петрова. Виноват в «политическом разложении» журнала был, согласно показаниям, заместитель редактора. «Бельский Яков Михайлович знаком мне с периода 1932–33 г., когда он был заместителем редактора "Крокодила" М.З.Мануильского», –сообщал он.

Согласно Бухову, Бельский «специализировался на антисоветских анекдотах», которые сам же и сочинял.

Анекдоты произносились «вслух на общих заседаниях». Бельскому «вторили в тех же тонах Виктор Ардов и М.Вольпин, вызывая трусливого Э.Кроткого (Эм[мануила] Германа) на антисоветские басни. Литературным идеалом для всех был Н.Эрдман, написавший не одну безоговорочно контрреволюционную вещь».

«В редакции "Крокодила" дело доходило до того, что беспартийные сотрудники делали замечания Бельскому по поводу его анекдотов, прося

---

³¹ Там же. Л.62–63; 109–111.

³² В действительности Бухов начал сотрудничать в «Крокодиле» в мае 1932 г.

его замолчать. Не раз на той же почве у Бельского были неприятности с собеседниками в литературных клубах-ресторанах, когда Б[ельский] громко начинал свои антисоветские остроты. Окружение Б[ельского], которое я знаю (это относится к году 35–36-му), – бывший сотрудник "Крокодила" В.Гранов, Вал[ентин] Катаев, Ю.Олеша, А.Гарри, – утверждал фельетонист.

Яков Бельский. Дружеский шарж К.П. Ротова. 1933 г.

Вряд ли Бухов испытывал к Бельскому и его «окружению» личную ненависть. Скорее другое: Бельский для Бухова был одним из тех порожденных новой властью выскочек, кто, не имея перед литературой никаких заслуг, вытеснил из журнального пространства и его самого, и его друзей, дореволюционных писателей.

О своем отношении к такого рода литераторам и журналистам Бухов, по-видимому, искренне сообщал следствию, характеризуя писательские настроения после октября 1917 г.: «Наступление советской идеи... было воспринято прежде всего как удар по личному благополучию. Идут какие-то новые, совершенно неизвестные нам люди, которые ототрут нас от цели – следовательно, они враги, с которыми надо бороться».

Настроения эти не прошли у Бухова и после возвращения из эмиграции: «Мне казалось, что партия не потому взяла руководство искусством в свои руки, чтобы сделать его коммунистически-ведущим, а просто по праву захвата и для того, чтобы всем правили так или иначе люди с партбилетами. Как человек, вернее, как обиженный писатель, всякую свою неудачу я приписывал тому или иному партийцу, служащему в редакции или издательстве».

Бельский – член партии с 1919 года, отставной офицер госбезопасности, говоривший «о своих политических взглядах» «в ультрасоветских тонах» и при этом громко рассказывавший антисоветские анекдоты, – виделся Бухову двуличным «политическим разложением». Но для крокодильцев замред был вполне «своим», в журнале его любили, его слушали и ему «вторили». При этом «к любому

беспартийному писателю или художнику, который честно стоял на советской платформе, отношение было как к чужому или подхалиму»³³.

Можно предположить, что невольной жертвой борьбы Бухова с советской печатью оказался сотрудник *Крокодила*, темист Михаил Глушков.

Замред характеризовал Глушкова, своего близкого приятеля, как журналиста, «волей судьбы» попавшего «в тень сатиры»: «Он выдумывает сотни тем, по которым другие мощными колоннами идут к славе». По определению же Абрамского, Глушков был «стихийно остроумным человеком». Однако он отличался «полным отсутствием усидчивости и неумением работать», был «присяжным» игроком «в шахматы, в карты, на бильярде, на бегах».

Михаил Глушков. Дружеский шарж Кукрыниксов. 1932 г.

Глушков, кроме того, обладал редким умением «рождать» «талантливые остроты, так называемые "завороты"». По крайней мере, один из таких «заворотов», «контрреволюционного» содержания, темист «родил» на квартире заместителя редактора, в присутствии посторонних лиц. Кто-то из гостей написал донос – и Бельского вызвали в Центральную контрольную комиссию ВКП (б), где «сделали внушение».

Однозначно ответить на вопрос об авторе этого доноса невозможно. Однако в показаниях 1937 года Бухов отмечал, что «антисоветские анекдоты Глушкова были доминирующими настроениями в сатирических журналах»³⁴.

* * *

П.В. Катаев утверждает со слов отца, что друзья-крокодилы жили «алкоголем и загулами», «жизнью богемы». Жизнь эта выражалась, в частности, в совместных «поездках в Ленинград».

³³ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.120, 195, 68–69, 47–48, 112.

³⁴ Уголовное дело Бельского-Биленкина Я.М., 1937 г. // ЦА ФСБ РФ. Д. Р-34941. Л.16–17; Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.113; Абрамский И.П. Смех сильных. С.296; Бельский Я.М. Крокодилский корабль. С.11.

Сам же В.П.Катаев в мемуарной книге «Алмазный мой венец» подробно описал «набеги» московских писателей «на бывшую столицу Российской империи». «Мы, – повествовал Валентин Катаев, – останавливались в "Европейской" или "Астории", занимая лучшие номера, иной раз даже люкс. Появлялись шампанское, знакомые, полужнакомые и совсем незнакомые красавицы»; «известный еще со времен Санкт-Петербурга лихач... мчал нас по бесшумным торцам Невского проспекта». «В полночь» друзья «пировали» в питерских ресторанах, а «сумрачным утром... бродили еще не вполне отрезвевшие по Достоевским закоулкам, вдоль мертвых каналов, мимо круглых подворотен».

Согласно Катаеву-сыну, «поездки в Ленинград» имели для друзей «зловещий смысл». Они происходили на фоне точных знаний о всеобщем доносителстве, призваны были смягчить «реальную картину, давали возможность словно бы пролистывать неинтересные страницы, точно их вообще нет»³⁵.

Но беспечность, свойственная сотрудникам *Крокодила*, и здесь давала себя знать: в некоторых поездках принимал участие и Бухов. В 1937 году он поведал следствию, как, «сидя в Европ[ейской] гостинице за ужином – кажется, с Олешей, Катаевым и Никулиным», видел, «как прошла по залу и потом танцевала литовская актриса Жаленкевич, о которой в Ковно решительно все говорили, что она агент литовской и еще какой-то разведки»³⁶.

**«"КРОКОДИЛ" ПЕРЕДАТЬ
"ПРАВДЕ"...»**

Уязвимость *Крокодила* обнаружилась еще в феврале 1932 года, в самом начале редакторства Мануильского. В год десятилетия журнала во ВЦИК СССР поступили телеграммы от

рабочих, металлургов и строителей Магнитогорского металлургического комбината. В этих телеграммах всячески рекламировались успехи *Крокодила* как «единственного журнала действительно массовой, политической, большевистской, заостренной сатиры». *Крокодил*, – сообщали авторы телеграмм, – «первый из сатирических журналов сумел вовремя перестроиться на массовые рельсы, втянуть в свою работу

---

³⁵ Катаев В.П. *Алмазный мой венец* // *Новый мир*. 1978. №6. С.130–131; Катаев П.В. *Указ. соч.* С.34, 155.

³⁶ *Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г.* Л.118–119.

рабкоровские и рабочие массы». Смысл этих телеграмм состоял в ходатайстве перед ВЦИК о награждении журнала орденом Ленина.

Естественно, эти телеграммы появились не сами по себе: *Крокодил* должен был к своему 10-летию получить орден. Однако этого не случилось, а телеграммы отдали на хранение в архив ВЦИК³⁷.

Ситуация с несостоявшимся награждением требует, конечно, дополнительного исследования. Однако очевидно, что «политическое разложение» *Крокодила*, «антисоветские разговоры», «контрреволюционные сплетни» и анекдоты, звучавшие в редакции, были хорошо известны власти. На *Крокодил*, его редактора и сотрудников смотрели с подозрением, до поры до времени не трогая брата руководителя Коминтерна. Но столь высокой награды журнал оказался недостойным.

Терпение власти лопнуло, скорее всего, в конце августа 1933 года: журнал, особенно гордящийся своими связями с «массами», начал акцию под названием «Крокодил в воздухе». Согласно постоянно публиковавшимся в журнале анонсам, «28 августа бригада "Крокодила" на самолете "К5" вылетела для проведения авиарейда по маршруту Москва – Харьков – Днепропетровск – Раздорская МТС (Синельниково) – Сталино – Харьков – Москва». Это был первый полет того самого крокодильского самолета, которым редакция очень гордилась и который в мемуарах описал Абрамский. Летавшую на Украину журналистскую бригаду возглавлял Бельский.

Специальный выпуск *Крокодила*, посвященный этому полету, должен было появиться в начале сентября³⁸. Однако реально он был подписан в печать только 9 октября, в процессе подготовки менял название и в итоге оказался нумерованным. Соответственно, можно предположить, что до своих читателей он так и не дошел.

Рассказывая о Бельском, заместителе редактора *Крокодила*, Абрамский в мемуарах приводит почти полностью его очерк «Как мы летали», опубликованный как раз в этом выпуске:

«– Интересно знать, – не без иронии начал секретарь, только что вернувшийся из отпуска, – где все наши сотрудники?.. Сегодня заседание, а ни одного из них нет в редакции... Что они сквозь землю провалились, что ли?..»

---

³⁷ О награждении журнала «Крокодил» орденом Ленина // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р 3316. Оп.25. Д.255. Л.1–4.

³⁸ См. об этом: *Крокодил*. 1933. №25. Сентябрь. С.1.

– Почти, – успокаивающе заметил редактор, – четверо в подземном рейде, осматривают работы по метрополитену.

– Так... А вы не знаете, Ильф и Петров будут сегодня в редакции?

– Нет, они на Беломорском канале осматривают...

– А Катаев прислал рассказ?

– Едет в колхоз, оттуда и пришлет.

– А где же, наконец, Бельский, Ротов, Ганф, Весенин, Роман? – уже обиженно спросил секретарь. – Стоит только уехать в отпуск – и кончено. Никого не найдешь... Где они?

– Нет их.

– Что значит – "нет"? Где-нибудь на земле ведь они есть?

– Нет. В воздухе. Утром улетели.

– Куда?»

Далее следовал текст репортажа о полете – с рисунками К.П.Ротова³⁹.

Абрамский комментировал текст в том смысле, что он «очень живо и образно воссоздает атмосферу эмоциональной взволнованности, творческого подъема, который охватил весь редакционный коллектив журнала, идущего по неизведанному, необычному пути в самую гущу жизни, в будни строительства нового мира»⁴⁰.

Однако у Бельского есть и другие тексты, повествующие о жизни редакции, в частности, большой текст под названием «Крокодильский корабль», описывавший сотрудников «Крокодила» и проиллюстрированный большим шаржем Кукрыниксов⁴¹. С другой стороны, репортажи о деятельности выездных бригад постоянно печатались на страницах журнала. Очевидно, что цитирование именно этого очерка было вызвано не только желанием напомнить о Бельском и рассказать о редакционных «полетах».

Очерк Бельского – в политическом контексте осени 1933 года – выглядел, по меньшей мере, неоднозначно. Читателям было ясно, что «осматривали» в тот момент Ильф и Петров.

---

³⁹ Бельский Я.М. *Как мы летали* // *Крокодил*. 1933. Спецвыпуск «Крокодил – авиации». С.10–11.

⁴⁰ Абрамский И.П. *Смех сильных*. С.14–15.

⁴¹ Бельский Я.М. *Крокодильский корабль* / *Рис. Кукрыниксов* // *Крокодил*. Юбилейный спецвыпуск. 1932. Май. №15,16. С.10–11.

«МЫ, "КРОКОДИЛ"...»

Беломорканал, построенный руками заключенных под руководством ГПУ, был открыт 2 августа 1933 года Постановлением Совнаркома ему было присвоено название «Беломорско-Балтийский канал имени тов. Сталина». В связи с окончанием строительства многие заключенные были отпущены, другим сократили тюремные сроки.

Через две недели после открытия Беломорканала состоялась поездка – на пароходе – на место стройки большой группы журналистов и писателей. Они поехали убеждаться в плодотворности усилий ГПУ по «перековке» работавших на строительстве заключенных. Соответствующая пропагандистская кампания обошла в августе–сентябре 1933 года все газеты и журналы. *Крокодил* же, описывавший большинство тогдашних строек, редакционную бригаду на Беломорканал не послал.

О том, что канал построен, на страницах журнала изредка упоминалось. Но специальных материалов об окончании строительства и писательской поездке *Крокодил* не публиковал. Очерк Бельского «Как мы летали» – в «каналоармейском» контексте – и вовсе выглядел вызывающе. Получалось, что большинство сотрудников журнала специально проигнорировали главную советскую стройку.

* * *

О том, насколько тема канала была болезненной для крокодилцев, свидетельствует история с тем же Катаевым.

В 1934 году вышла знаменитая книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства», написанная в том числе и по результатам писательской поездки. Катаев в книге числился одним из восьми соавторов главы «Чекисты»⁴². Глава эта – безудержное восхваление и Сталина, и непосредственных организаторов строительства канала: «...в числе тех строек, которые

Илья Ильф и Евгений Петров. Дружеский шарж Кукрыниксов. 1932 г.

⁴² С.Я.Алымов, А.А.Берзинь, В.В.Иванов, В.П.Катаев, Г.М.Корабельников, Л.В.Никулин, Я.С.Рыкачев, В.Б.Шкловский.

партия не упускает ни на день из поля зрения, находится Беломорстрой... ГУЛАГ говорит начбеломорстрою. Он говорит о том, что сказала ему Москва, по указанию партии – Ягода, что думают о строительстве чекисты всей страны – Урала, Сибири, Туркестана, Кавказа, что они и как они помогают строительству. ОГПУ добавляет свои соображения, приказывает, советует, требует отчета:

Что же сделано? Как сделано? Кем сделано? У всех ли большевиков, работающих на стройке, достаточно чувства ответственности перед партией? Помнит ли руководство, что канал строится по инициативе и по заданию Сталина?»⁴³

Существуют и опубликованные в годы перестройки мемуары «правильного» пролетарского писателя и журналиста А.О.Авдеенко, автора романа «Я люблю». Участник поездки на канал, Авдеенко специально подчеркивает присутствие на писательском пароходе Катаева. Катаев, согласно мемуаристу, вел себя во время поездки нетипично: пожелал самостоятельно, без сопровождения чекистов и коллег-литераторов, осмотреть «чудо» советского строительства⁴⁴.

Однако писатель-одессит С.Г.Гехт, тоже участник поездки, Катаева на пароходе не заметил – при том, что подробно описал, чем во время поездки занимались Ильф и Петров⁴⁵. Более того, в очерке «Как мы летали» Катаев назван уехавшим в колхоз. Невозможно поверить в то, что Гехт «забыл» о присутствии среди писателей своего одесского приятеля, брата Евгения Петрова. И уж совсем невероятной представляется версия о том, что Бельский сознательно мистифицировал читателей *Крокодила*, отправляя друга в колхоз, в то время как он был на канале.

Вернее другое: соавторство Катаева в книге «Беломорско-Балтийский канал» было вынужденным, призванным оправдать его неучастие в поездке. Неучастие это могло быть сочтено публичным проявлением нелояльности, грозило серьезными неприятностями. Вполне возможно, что именно Бельский, который, сам не желая того,

---

⁴³ Альмов С.Я. и др. *Чекисты // Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина: История строительства / Под ред. М.Горького, Л.Л.Авербаха, С.Г.Фирина. М.: Государственное издательство «История фабрик и заводов», 1934. С.179.*

⁴⁴ Авдеенко А.О. *Отлучение // Знамя. 1989. №3. С.22.*

⁴⁵ См.: Гехт С.Г. *Семь ступеней // Сборник воспоминаний об И.Ильфе и Е.Петрове. М.: Советский писатель, 1963. С.122–123.*

подвел Катаева, рассказав в печати о колхозе, устроил другу это соавторство.

Авдеенко же присутствие Катаева на канале нужно было для оправдания собственного поведения. Вскоре после пуска в эксплуатацию Беломорско-Балтийского канала пропагандистские усилия писателей были востребованы на другой ударной стройке, на строительстве канала Москва–Волга. Базой нового строительства стал подмосковный Дмитровский исправительно-трудовой лагерь (Дмитлаг). Строителями канала снова были заключенные, а их начальниками – сотрудники спецслужб.

В поисках сюжета об очередной «перековке» Авдеенко «сменил профессию»: на время стал, согласно мемуарам, чекистом, сотрудником Дмитлага. И впоследствии пытался оправдаться, уверить себя и читателей, что образ его действий вполне соотносим с тем, как вел себя Катаев на Беломорканале⁴⁶. *Крокодил*, как и мемуары Гехта, мемуарист вряд ли держал в руках.

Стоит подчеркнуть, что воспоминания Авдеенко вышли в 1989 году, через три года после смерти Катаева.

* * *

8 октября 1933 года состоялось заседание Оргбюро ЦК ВКП (б). Постановление Оргбюро гласило:

«а) Считать, что непосредственное руководство журналом "Крокодил" должно быть за редакцией "Правды".

б) Поручить культпропу (отделу культуры и пропаганды. – *О.К., Д.Ф.*) ЦК, совместно с т.т. Мехлисом и Мануильским, в пятидневный срок разработать мероприятия по всемерной помощи журналу "Крокодил" работниками, бумагой, полиграфической базой, улучшив качество журнала и увеличив тираж его»⁴⁷.

Причины внезапно вспыхнувшего интереса Оргбюро к *Крокодилу* очевидны: редактор *Правды* Лев Мехлис, бывший секретарь Сталина, захотел получить контроль над главным сатирическим журналом

---

⁴⁶ См. об этом: Авдеенко А.О. Указ. соч. С.55–71.

⁴⁷ Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) от 8 октября 1933 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.114. Д.365. Л.3.

страны. Свою роль, очевидно, сыграло и ущемленное самолюбие Кольцова, не получившего в 1930 году журнал.

Но сразу передать *Крокодил* *Правде* было сложно даже и Мехлису. Д.З.Мануильскому, старшему брату редактора, в том же октябре 1933 г. исполнилось 50 лет – его поздравляли периодические издания и партийные вожди, соответственно, имя его было у всех на слуху. Кроме того, за журнал вступилась М.И.Ульянова – сестра Ленина.

Абрамский вспоминал: редакция в начале 1934 г. задумала выпускать «специальную сатирическую газету, целиком построенную на фактическом материале». Называлось новое издание *Моя газета*; оно так и не вышло. В первом номере *Моей газеты*, макет которого делал лично заведующий редакцией, было помещено письмо Ульяновой – с похвалами в адрес *Крокодила*⁴⁸.

В итоге решения по журналу «через пять дней» принято не было. Вопрос этот числился «отложенным» и на заседании Оргбюро, состоявшемся 7 марта⁴⁹.

Но окончательное решение вопроса о *Крокодиле*, принятое 21 марта 1934 г., было гораздо категоричнее первого:

«а) Читать содержание "Крокодила" и в особенности положение с личным составом литературных сотрудников "Крокодила" крайне неудовлетворительным.

б) "Крокодил" передать "Правде", обязав редакцию "Правды" повседневно улучшать содержание журнала.

в) Поручить тт. Стецкому, Поспелову, Хавинсону, Мехлису и Мануильскому в 3-дневный срок представить на утверждение Оргбюро предложение об укреплении состава работников и снятии с работы негодных сотрудников "Крокодила" (партийных и беспартийных), дополнительно проверив личный состав технических работников "Крокодила".

г) Вопрос о передаче "Крокодила" "Правде" внести на утверждение Политбюро»⁵⁰.

---

⁴⁸ Абрамский И.П. Долгожитель с вилами наперевес. С.63.

⁴⁹ Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) от 7 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.114. Д.558. С.5.

⁵⁰ То же от 21 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.114. Д.559. Л.5.

29 марта Политбюро постановило: «"Крокодил" передать "Правде", обязав редакцию "Правды" повседневно улучшать содержание журнала»⁵¹.

Кольцов, член редколлегии *Правды*, был назначен редактором *Крокодила* сразу после этого постановления.

* * *

Новый редактор журнала не жаждал крови. Согласно тому же Бухову, Кольцов хорошо представлял себе ситуацию в *Крокодиле*, видел, что происходит вокруг, и не обольщался на счет собственных взаимоотношений с властью.

Бухов утверждал: «Говоря о делах литературных и журналах», Кольцов «всегда высказывал скептическое и недоверчивое отношение к тому, что у нас делается в той области. "У нас можно годами создавать дело, – говорил Кольцов, – но тут тебе на голову дают человека или директиву, и все идет прахом". Говоря о газетах, К[ольцов] выражался – передаю только смысл – так: "Газеты у нас паршивые, и все равно создать хорошую газету нельзя – сейчас же поднимут вой и схватят за руки". Из отдельных фраз К[ольцова] было заметно, что он не верит в хорошее к нему отношение партийных верхов и все время чувствует себя на подозрении»⁵².

Быть жестоким в отношении авторского коллектива *Крокодила* Кольцову не было никакого смысла. В журнале работал его родной брат, карикатурист Борис Ефимов, а также друзья и коллеги, бывшие сотрудники *Чудака*. К концу редакторства Мануильского в журнал пришли почти все московские сатирики. Очевидно, именно поэтому реформа была относительно мягкой.

Но в июне 1934 года новый редактор *Крокодила* написал статью «Как мы это делаем»: о строительстве «самолета-гиганта» «Максим Горький» и его первых полетах. Название статьи, опубликованной в *Огоньке*, явно отсылало к очерку «Как мы летали». Для посвященных текст Кольцова был манифестом реформированного *Крокодила*, объяснявшим, за что разогнали прежнюю редакцию и в каких условиях предстоит существовать журналу дальше.

---

⁵¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 марта 1934 г. // РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.942. Л.21.

⁵² Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.196–197.

Кольцов объяснял, что «большая печать» – «это общее наше дело, которое не висит праздно на стене, услаждающее взоры, а действует, непрерывно затачиваясь и полируясь в самом процессе работы». Работники «большой печати» – те, кто пишут «гимны строителям социализма» и произносят «проклятия его врагам».

По мнению автора статьи, «Мы» – это не только журналисты и их читатели. «Мы – это великий Сталин, конструктор и инженер бесклассового социалистического общества, вождь ленинской партии, смелый и бережный воспитатель народов нашей страны, обучающий нас идти вперед и вперед... Для нас это просто. Это просто, как Уралмаш. Просто, как колхозная бригада, как Беломорский канал... Как мы это делаем? Вот так и делаем»⁵³.

* * *

После постановлений Оргбюро и Политбюро из *Крокодила* ушли десять сотрудников, включая Зоценко. Свои должности вынуждены были оставить и Бельский, и Митницкий, и Абрамский.

Абрамский, чье место в *Крокодиле* занял Бухов, стал заведовать редакцией журнала *Стрѐим* – фотоприложения к газете *За индустриализацию*, органу наркомата тяжелой промышленности. Митницкому повезло больше: его взяли ответственным секретарем в журнал *Прожектор*, выходящий при *Правде*⁵⁴. Бельский после увольнения из *Крокодила* несколько месяцев оставался без работы, а потом был принят рядовым журналистом в газету *Вечерняя Москва*, орган Московского комитета партии и Моссовета.

Собственно, членам разгромленной редколлегии, и прежде всего бывшему заместителю редактора, очень повезло: реформа *Крокодила* сопровождалась арестами сотрудников журнала, замешанных в распространении антисоветских текстов и анекдотов. Были арестованы Эмиль Кроткий, Михаил Вольпин, а также «литературный идеал» крокодилыцев, сатирик и драматург Николай Эрдман. При этом, согласно Бухову, Вольпин, рассказывавший анекдоты, всего лишь «вторил» замреду, а Эмиль Кроткий писал «антисоветские басни» под его влиянием.

---

⁵³ Кольцов М.Е. *Как мы это делаем* // *Огонек*. 1934. №16 (502). 19 июня. С.5–7.

⁵⁴ Анкеты на членов Мосгоркома писателей, 1935 г. // РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Д.59. Л.4а; Д.60. Л.21.

И тот факт, что Бельский потерял только свой административный статус, сохранив и свободу, и возможность работать, и даже партбилет, свидетельствует: за него все еще было кому заступиться.

Для Кольцова получить *Крокодил* было делом принципа. Однако повседневно руководить журналом он не мог физически. Он был редактором *Огонька*, фельетонистом *Правды*, членом редколлегии нескольких журналов, руководителем издательства *Жургаз*, председателем иностранной комиссии Союза писателей и Комитета по строительству эскадрильи агитсамолетов имени Горького и т.п.⁵⁵. Соответственно, обязанности по выпуску *Крокодила* редактор переложил на плечи своих сотрудников – и прежде всего того же Бухова.

Сотрудники же обновленного журнала оказались – не по своей воле – втянутыми во внутриредакционные конфликты *Правды*. Кольцов боролся за влияние над газетой с заместителем Мехлиса, журналистом Иваном Боговым – и, согласно Бухову, «дело доходило до скрытых каверз друг другу». Следствием этих «каверз» оказалось появление в *Крокодиле* нового замреда – Лазаря Гинзбурга (Лагина), креатуры Богового. По мнению Бухова, Гинзбург был «наглый рвач», «жулик» и «проходимец».

В итоге ситуация в *Крокодиле* вышла из-под контроля Кольцова. В 1936 г., когда редактор уехал в Испанию, в журнале объявили «сокращение штатов». Жертвой сокращения оказался и бывший сатириконец, ставленник редактора. «Даже мой арест, который в результате поведет к моему физическому и гражданскому концу, не так подействовал на меня, как это увольнение. Я буквально потерял сам себя, около месяца не мог даже работать... Я стал много пить, чтобы забыть... Работал я в последнее время где попало», – показывал он⁵⁶.

Новая эпоха в истории *Крокодила* началась в 1938 году, когда – после ареста Кольцова – журнал возглавил писатель-сатирик Григорий Рыклин.

---

⁵⁵ См. об этом, например: Ефимов Б.Е. *Мой век*. М.: Аграф, 1998. С.170–171.

⁵⁶ Уголовное дело Бухова А.С., 1937 г. Л.134–136.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН

Гром Олег Андреевич

соискатель ученой степени, Санкт-Петербургский институт истории РАН

Келлер Андрей Викторович

доктор философии (Фрайбургский университет), старший научный сотрудник Института гуманитарных наук и искусств Уральского Федерального университета, Екатеринбург

Казакова Наталья Юрьевна

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русистики Нью-Йоркского Городского Университета

Симонова Татьяна Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства (ГИТИС)

Буранок Сергей Олегович

кандидат исторических наук, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ

Фельдман Давид Маркович

доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation "Experimental
Creative Center", Editor-in-chief of "Russia XXI", Chief producer of the
Theatre "On the Boards"

Maksimychev Igor' Phedorovich

Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.), D.Sci. in political
sciences, the Chief researcher of the Institute of Europe, RAS

Grom Oleg Andreevich

Degree candidate, St. Petersburg Institute of History, RAS

Keller Andreas

Ph.D., (Freiburg University), senior researcher of the Institute for the
Arts and Humanities, Ural State University, Ekaterinburg

Kazakova Natalia Yur'evna

Ph.D., philologist, lecturer, Department of Russian Studies in New
York City University

Simonova Tat'ana Mikhailovna

Ph.D., historian, senior researcher, Department of History, Philosophy
and Literature, Russian Theatrical Art University

Buranok Sergey Olegovich

Ph.D., historian, Volga State Socio-Humanitarian Academy, Samara

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of
Journalism, Russian State University for the Humanities

Fel'dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism, Faculty of
Journalism, Russian State University for the Humanities

**ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ
в редакции**

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru, kurilenkova@ecc.ru

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**ЖУРНАЛ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ
с доставкой по всей России**

(или купить)

в книжном интернет-магазине «Русская деревня».

Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6

(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»).

Телефон: (495) 650-60-31, сайт www.hamlet.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»

83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Альтернативная подписка:

ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

Для иностранных читателей

подписка проводится

через агентство «МК-Периодика»:

тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57

e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2014.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 20.10.2014. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»

428019, г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 15.

Тел. 8(8352)28-77-98, 57-01-87

5. 2014 september-october

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

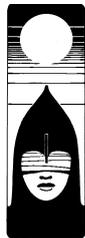
The Dark Flame _____ **6**

European Parallels

Igor' Maksimychev

The Place of the GDR in 20th Century History:
Restoration of Russian–German Relations ____ **22**

National Doctrine

Oleg Grom

“Moldavian Question” in Bessarabia
in the Late 19th and Early 20th Century:
Comparative Aspect _____ **44**

Resources of Nation

Andreas Keller

“Middle Ages Institution”
or Innovation in the Spirit
of the Reforms of Peter I? Craft
Guilds in Russia and Corporate Self
Administration of Craftworkers
on the Example of St. Petersburg
from the Beginning of XVIII to the
Beginning of XX Century _____ **74**

Natalia Kazakova

Media Magnate Ivan Sytin _____ **96**

Pages of History

Tat'ana Simonova

Realities of the Civil War:
New Materials and Traits
to the Portrait of Stanislaw
Bulak-Balakhovich _____ **112**

Sergey Buranok

Anschluss, Munich, Poland...
the United States Press and the Threat
of War 1938–1939 Years _____ **142**

Topical Archive

Oksana Kiyanskaya, David Fel'dman

“We, “The Crocodile” ”:
the Power and the Satirical Press
in the 1930s _____ **162**

РОССИЯ XXIX